

digital**orientalia**

Цифровое востоковедение

Vol. 1 | No. 1 | 2021

The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
The State Academic University for the Humanities

Digital Orientalia

History and Humanities
in the Digital Era

Volume 1 • No. 1 • 2021

MOSCOW

2021

Институт востоковедения Российской академии наук
Государственный академический университет гуманитарных наук

Цифровое востоковедение

История и гуманитарные науки
в цифровую эпоху

Том 1 • № 1 • 2021

МОСКВА

2021

«Digital Orientalia» is an international scientific periodical of a new generation, covering a wide range of issues of the future development of modern humanities in the field of Oriental studies in its broad understanding as a civilizational space, complementing the Western thinking and naturally ascending to the most ancient cultures and states in the history of mankind.

The journal is an academic information platform open to different points of view, presenting modern opportunities for presentation and free unbiased discussion of original scientific hypotheses, observations, and research results.

Open access electronic peer-reviewed journal.

Published quarterly.

«Digital Orientalia» («Цифровое востоковедение») — международное научное периодическое издание нового поколения, освещающее широкий спектр вопросов перспективного развития современных гуманитарных наук в области изучения Востока в широком его понимании как цивилизационного пространства, альтернативного Западу и органически восходящего к древнейшим культурам и государствам в истории человечества.

Журнал является академической информационной площадкой, открытой для различных точек зрения, представляющей современные возможности для представления и свободного непредвзятого обсуждения оригинальных научных гипотез, наблюдений, результатов исследований.

Выходит 4 раза в год.

Founders | Учредители:

The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБун ИВ РАН)

The State Academic University for the Humanities
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Государственный академический университет
гуманитарных наук» (ФГБОУ ВО ГАУГН)

Publisher. The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Address: 12, Rozhdestvenka str.,
Moscow, Russian Federation, 107031

Website: <https://www.ivran.ru>

Contacts:

Website: www.digital-orientalia.org

Tel.: +7 (495) 621-18-84

E-mail: digital@ivran.ru

Издатель. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБун ИВ РАН)

Адрес: 107031, Российская Федерация,
г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.

Сайт: <https://www.ivran.ru>

Контакты:

Сайт: www.digital-orientalia.org

Tel.: +7 (495) 621-18-84,

E-mail: digital@ivran.ru

Digital Orientalia = Цифровое востоковедение / ИВ РАН, ГАУГН. /

Гл. ред. В. В. Наумкин. ISSN XXXX–XXXX.

Т. 1, № 1. 2021— 2021. — 115 с. : 24 ил.

EDITORIAL STAFF

Editor-in-Chief

Vitaliy V. Naumkin — Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow)

International Advisory Council

Alikber K. Alikberov — Deputy Editor-in-Chief, Head of Advisory council, Doctor of Sciences (History), Institute of Oriental Studies RAS (Moscow)

Albert R. Bakhtizin — Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Central economic and mathematical Institute RAS (Moscow)

Mikhail V. Ilyin — Doctor of Sciences (Politics), Professor, Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS (Moscow)

Shahin M. Mustafayev — Academician of the Azerbaijan National Academy of Science, Doctor of Sciences (History), Institute of Oriental Studies of ANAS (Baku)

Thiago Lima Nicodemo — Doctor of Sciences (History), Professor, São Paulo State Archives (São Paulo)

Mikhail B. Piotrovsky — Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, The State Hermitage Museum (Saint Petersburg)

Mihailo Popović — Doctor of Sciences (History), Institute for Medieval Research of Austrian Academy of Sciences (Vienna)

Alexander V. Sedov — Doctor of Sciences (History), The State Museum of Oriental Art (Moscow)

Andrei V. Smirnov — Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Institute of Philosophy RAS (Moscow)

Denis V. Fomin-Nilov — Candidate of Sciences (History), The State Academic University for the Humanities (Moscow)

Dmitry A. Funk — Doctor of Sciences (History), Professor, N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow)

Xenia V. Khvostova — Doctor of Sciences (History), Professor, Institute of World History RAS (Moscow)

Editorial board

Tatiana A. Anikeeva — Candidate of Sciences (Philology), Institute of Oriental Studies RAS (Moscow)

Nikolay I. Bystritskiy — Institute of Oriental Studies RAS (Moscow)

Alexander F. Zheleznov — The State Academic University for the Humanities, JES (Moscow)

Maya T. Kashuba — Candidate of Sciences (History), Institute for the History of Material Culture RAS (Saint Petersburg)

Dmitry S. Korobov — Doctor of Sciences (History), Professor, Institute of Archaeology RAS (Moscow)

Aleksandr V. Kostyrkin — Candidate of Sciences (Philology), Institute of Oriental Studies RAS (Moscow)

Pavel V. Kuzenkov — Candidate of Sciences (History), Sevastopol State University (Sevastopol)

Yuri V. Kuzmin — Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Vavilov's Institute for History of Science & Technology RAS (Moscow)

Ludmila N. Mazur — Doctor of Sciences (History), Professor, Ural Federal University (Ekaterinburg)

Andrea Nanetti — Deputy Editor-in-Chief, PhD, Doctor of Sciences (History), Professor, Nanyang Technological University (Singapore)

Maxim G. Romanov — Doctor of Sciences (History), University of Vienna (Vienna)

Nina N. Tsvetkova — Candidate of Sciences (Economics), Institute of Oriental Studies RAS (Moscow)

Editorial office

Tatiana A. Anikeeva — Scientific secretary

Nikolay I. Bystritskiy — Coordinator

Alexander F. Zheleznov — Publishing administrator

Pavel V. Kuzenkov — Scientific editor

Akhmed G. Magomedov — Editorial secretary Institute of Oriental Studies RAS (Moscow)

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

Наумкин Виталий Вячеславович — главный редактор, д-р ист. наук, профессор, академик РАН, Институт востоковедения РАН (Москва)

Международный редакционный совет:

Аликберов Аликбер Калабекович — заместитель главного редактора, председатель редакционного совета, д-р ист. наук, директор Института востоковедения РАН (Москва)

Бахтизин Альберт Рауфович — д-р экон. наук, проф., член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва)

Ильин Михаил Васильевич — д-р полит. наук, канд. филол. наук, проф., руководитель Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва)

Мустафаев Шаин Меджид оглы — д-р ист. наук, академик Национальной академии наук Азербайджана (Баку)

Николедо Тьяго Лима — д-р ист. наук, профессор, Университет Кампинаса (Сан-Паулу)

Пиотровский Михаил Борисович — д-р ист. наук, академик РАН, Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

Попович Михайло — д-р ист. наук, старший научный сотрудник Института средневековых исследований Австрийской академии наук, приват-доцент Венского университета (Вена)

Седов Александр Всеволодович — д-р ист. наук, генеральный директор Государственного музея Востока (Москва)

Смирнов Андрей Вадимович — д-р философ. наук, проф., академик РАН, врио директора Института философии РАН (Москва)

Фомин-Нилов Денис Валерьевич — канд. ист. наук, ректор Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва)

Функ Дмитрий Анатольевич — д-р ист. наук, проф., директор Института этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)

Хвостова Ксения Владимировна — д-р ист. наук, проф., Институт всеобщей истории РАН (Москва)

Редакционная коллегия:

Аникеева Татьяна Александровна — канд. филол. наук, Институт востоковедения РАН (Москва)

Быстрицкий Николай Игоревич — Институт востоковедения РАН (Москва)

Железнов Александр Федорович — Государственный академический университет гуманитарных наук, JES (Москва)

Кашуба Майя Тарасовна — канд. ист. наук, Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург)

Коробов Дмитрий Сергеевич — д-р ист. наук, проф. РАН, Институт археологии РАН (Москва)

Костыркин Александр Вячеславович — канд. филол. наук, Институт востоковедения РАН (Москва)

Кузенков Павел Владимирович — канд. ист. наук, Севастопольский государственный университет (Севастополь)

Кузьмин Юрий Викторович — канд. физ.-мат. наук, Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН (Москва)

Мазур Людмила Николаевна — д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет (Екатеринбург)

Нанетти Андреа — заместитель главного редактора, PhD, проф., Наньянский технологический университет (Сингапур)

Романов Максим Геннадьевич — PhD, Венский университет (Вена)

Цветкова Нина Николаевна — канд. экон. наук, Институт востоковедения РАН (Москва)

Редакционно-издательская группа:

Аникеева Татьяна Александровна — ученый секретарь

Быстрицкий Николай Игоревич — исполнительный координатор

Железнов Александр Федорович — администратор публикации журнала

Кузенков Павел Владимирович — научный редактор

Магомедов Ахмед Гусенович — выпускающий редактор, Институт востоковедения РАН (Москва)

СОДЕРЖАНИЕ | CONTENTS

<i>Наумкин В. В.</i> К читателям	
<i>Naumkin V. V.</i> To the readers	8
<i>Nanetti A.</i> Welcoming Remarks	
<i>Нанетти А.</i> Приветственное слово	10

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК | THEORY AND METHODOLOGY HUMANITIES

<i>Nanetti A.</i> AI, ML, and ABMS for Historical Sciences. Opportunities and Limits	
<i>Нанетти А.</i> ИИ, МО, агентное и имитационное моделирование для исторической науки: возможности и ограничения	12
<i>Кузьмин Ю. В.</i> Постмодернизм в исторической науке: причины и прогноз [ⓑ] [ⓓ]	
<i>Kuzmin Yu. V.</i> Postmodernism in Historical Science: Causes and Forecast [ⓑ] [ⓓ]	19

ЦИФРОВАЯ ЭПОХА | DIGITAL ERA**Цифровые методы в источниковедении | Digital methods in source studies**

<i>Мусаев М. А., Шихалиев Ш. Ш., Абдулмажидов Р. С.</i> Опыт оцифровки и каталогизации Фонда восточных рукописей Фонда восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН	
<i>Musaev M. A., Shikhaliyev Sh. Sh., Abdumazhidov R. S.</i> Experience in digitization and cataloging of the Fund of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center RAS	24
<i>Аникеева Т. А., Зайцев И. В.</i> Сетевые ресурсы по арабиграфическим манускриптам (базы данных и библиотеки): краткий обзор	
<i>Anikeeva T. A., Zaycev I. V.</i> Web Resources for Arabographic Manuscripts (Databases and Libraries): A Brief Overview	33

Понятийный аппарат цифровой эпохи | Conceptual apparatus of the Digital Age

<i>Быстрицкий Н. И.</i> Проблемы понятийного аппарата исторического знания [ⓑ]	
<i>Bystritskiy N. I.</i> Problems of the conceptual apparatus of historical knowledge [ⓑ]	40

Цифровые пространственные исследования | Digital spatial studies

<i>Гришин Е.С.</i> Некоторые проблемы картографирования границ азиатской части Российской империи	
<i>Grishin E.S.</i> Some problems of mapping the borders of the Asian part of the Russian Empire	56

Вызовы цифровизации | Digitalization challenges

<i>Кузенков П. В.</i> Эмпирические вопросы формализации исторической информации (опыт составления событийной базы данных по истории Византии IX–X вв.)	
<i>Kuzenkov P. V.</i> Empirical questions of formalization of historical information (the experience of compiling an Event Database on the history of Byzantium in the 9 th –10 th centuries)	65

Цифровая трансформация общества | Digital transformation of societies

<i>Куценков П. А.</i> Солнечная энергетика и мифы	
<i>Kutsenkov P. A.</i> Solar energy and myths	77

Цифровая экономика | Digital economy

<i>Кандалинцев В. Г.</i> Экосистема финтех Китая	
<i>Kandalintsev V. G.</i> China Fintech Ecosystem	88

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ | SCIENTIFIC LIFE

<i>Цветкова Н. Н.</i> Новые технологии и страны Азии и Африки	
<i>Tsvetkova N. N.</i> New technologies and countries of Asia and Africa	97

ВАЖНЫЕ ДАТЫ | INFLUENTIAL DATES

<i>Цеменикова С. И., Мазур Л. Н.</i> «Я всегда знала, что буду историком»: К юбилею Людмилы Николаевны Мазур	
<i>Tsemenkova S. I., Mazur L. N.</i> “I always knew that I would be a historian”: For the anniversary of Lyudmila Nikolaevna Mazur	108

О журнале. Приглашения авторам

About the Journal. Invitations to authors	115
--	-----

К ЧИТАТЕЛЯМ TO THE READERS

Уважаемые читатели журнала!

С большой радостью представляю Вам первый номер научного журнала «Digital Orientalia – Цифровое востоковедение». Наш журнал призван расширить горизонты традиционной науки, содействовать упрочению ее теории и методологии, культивировать симбиоз социальных исследований с современными технологическими достижениями и успехами в естественных науках.

Сегодняшняя ситуация беспрецедентна: приходят в смятение привычные цивилизационные устои, меняются сформированные веками нормы, развиваются невиданные доселе общественные движения и явления, происходит глобализация рынков и торговли, в повседневную жизнь людей стремительно вторгаются цифровые гаджеты, внедряются электронные платежи и услуги, а человеческое общение заменяется ботами и автоответчиками. Мы явственно ощущаем, что в нашу эпоху 4-й промышленной революции технологические новации динамично меняют привычную человеческую среду и начинают диктовать свои правила жизни. Китайскому мыслителю Конфуцию приписывается пожелание: «Не дай Вам Бог жить в эпоху перемен». А нам с Вами выпала доля жить именно в эпоху постоянных перемен. Это не значит, что нужно пассивно наблюдать за изменениями. Необходимо попытаться осмыслить происходящее на основе богатейшего опыта истории и культуры мировых цивилизаций. Сейчас предельно важно развивать методологию гуманитарного знания, чтобы не упустить открывающиеся для развития человечества возможности. Верю, что, несмотря на мудрость Конфуция, наша совместная экспертно-аналитическая и просветительская деятельность позволит достойно пройти через все перемены и обратить их результаты на пользу науке и обществу.

В текущей ситуации как никогда важна роль научных информационных ресурсов, открытых для обмена мнениями между профессионалами в различных отраслях знания. В качестве такой удобной и доступной академической информационной площадки, обеспечивающей современные возможности для представления и свободного непредвзятого обсуждения с многих точек зрения оригинальных научных гипотез, оценок и наблюдений, результатов исследований, мы и хотим видеть наш журнал.

Открывая новые, неизведанные горизонты, всегда испытываешь приятное волнение. Оно будоражит воображение и побуждает к новым поискам. Собственно говоря, наш журнал открывает новое научное направление – «Цифровое востоковедение», аккумулирующее передовые методологические и технологические наработки с целью плодотворного развития социального знания, отражающее новейшие мировые тенденции и в то же время бережно сохраняющее традиции отечественной науки. Вместе с тем, запуск каждого нового журнала является одновременно и вызовом для редакции, ее творческого потенциала, готовности ответить на ключевые научные вопросы, качественно раскрыть тематическое содержание и системно формировать будущее издания. Редакция журнала включает наряду с авторитетными отечественными и зарубежными учеными перспективных специалистов инновационных областей.

Тематически журнал призван охватить широкий спектр вопросов современного развития гуманитарных наук в области изучения Востока в широком его понимании как цивилизационного пространства, альтернативного Западу и органически восходящего к древнейшим культурам и государствам в истории человечества. Такая обширность взглядов выразилась в богатом разнообразии рубрик журнала, включающих материалы по истории и источниковедению, археологии и этнологии, философии и истории науки, политологии и социологии, культурологии и психологии, филологии и теории коммуникации, экономике и праву, что позволяет вести исследования современных феноменов с всесторонним охватом при практическом применении актуальных трансдисциплинарных методик.

Журнал выходит в цифровом формате 4 раза в год на современной открытой сетевой издательской платформе, обеспечивающей активное участие отечественной и международной научной аудитории и открывающей простор для продуктивного диалога ученых и специалистов с привлечением широкой общественности при сохранении высокого этического уровня дискуссии. Вместе с тем, преимущества цифровой формы издания проявляются в возможности использования для достижения ясности и наглядности выражения авторских идей развитых визуальных средств, сочетающих гипертекст, изображения, карты и инфографику, аудио-, видео-, приложения дополненной реальности и программные средства. Надеюсь, что журнал займет своё уникальное место в монументальной мозаике современных научных изданий.

Сердечно приветствую наших читателей и приглашаю всех заинтересованных к творческому сотрудничеству – публикации своих научных исследований, обзоров, критических и дискуссионных материалов, методологических наработок на страницах журнала!

*Главный редактор,
д-р ист. наук,
профессор, академик РАН*
Виталий Вячеславович Наумкин

*Academician of the Russian
Academy of Sciences, Doctor
of Sciences (History), Professor*
Vitaliy V. Naumkin

WELCOMING REMARKS ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Assuming that the digital age started with the electronic computers built in the late 40s — early 50s of the 20th century, it took only a couple of decades to historians to understand the potential relevance of this technology for the advancement of learning in the historical sciences. Since the introduction of punch cards to enter data into computers, historians started to create large data sets that may be analysed computationally. In the 1970s, the French historian Emmanuel Le Roy Ladurie was the first to foresee the implications of the use of the computer in historical studies: “History based on computers/information technology is not limited to a very specific category of research, but also leads to the establishment of an ‘archive’. Once transferred to tape or punched cards, and after having been used by a first historian, the data can in fact be stored for future researchers, who want to find non-experimented correlations”.

Today, the computer is fully integrated in the historian’s craft. However, history did not become a computational discipline yet. Current scholarship and technology may have science fiction dreams but cannot have the presumption to automatise history, because its data volume and complexity are still far beyond any available digital storage system capacity and machine learning capability. Nonetheless, computational history can be extremely relevant to develop a new and more efficient study of primary sources and secondary literature supporting the perennial historical chase for truth.

The bottle neck is the exegesis of the sources, because before dealing with big outputs, we need to work on big inputs. The ontology adopted for the definition of the entities and properties of databases is at the heart of the visualisation processes that can allow agent-based modelling

Если предположить, что цифровая эпоха началась с электронных компьютеров, созданных в конце 40-х — начале 50-х годов XX века, то историкам потребовалось всего несколько десятилетий, чтобы понять потенциальную значимость вычислительной техники для прогресса исторической науки. С момента появления перфокарт историки начали создавать большие наборы данных, которые можно анализировать с помощью алгоритмов. В 1970-х годах французский историк Эммануэль Ле Руа Ладури был первым, кто предвидел такие последствия использования компьютеров в исторических исследованиях. Он заметил: «История, основанная на компьютерах/информационных технологиях, уже не ограничивается только конкретной категорией исследований, но ведет к созданию «архива». Данные, однажды перенесенные первым историком на магнитную ленту или перфокарту, фактически могут быть сохранены для будущих исследователей, которые пожелают найти теоретические корреляции».

Сегодня информационные технологии полностью интегрированы в ремесло историка. Однако история еще не стала цифровой дисциплиной. Современная академическая наука и технологии могут иметь мечты из области научной фантастики, но не могут претендовать на автоматизацию истории, потому что объем и сложность ее данных по-прежнему намного превосходят любые доступные емкости цифровых систем хранения и возможности машинного обучения. Тем не менее, цифровая история может быть чрезвычайно актуальной для разработки новых и более эффективных методов исследования первоисточников и вторичной литературы, поддерживая неизменное стремление исторического знания к истине.

to shed new light on historical records. Thus, digital history, before getting into the debate on the laws and purpose of history, is called to agree upon standardized methods to define machine-readable ontologies for both data (items known or assumed as facts) and the relationships among data (i.e., information, facts provided or learned about something or someone), which can be automatically extracted from primary and secondary sources, and possibly allow to expand, quantitatively and qualitatively, historical evidence, that is the available body of facts that the historian uses to judge whether a belief or proposition is true or valid.

Let me to welcome the readers of the newly established journal, *Digital Orientalia*, aims to nurture this discussion with a focus on *Oriental Studies*.

Узкое место — это интерпретация источников, потому что прежде чем иметь дело с большими данными на выходе из системы, нам нужно работать с большими данными на входе. Онтология, принятая для определения сущностей и свойств в базах данных, составляет сердцевину процессов визуализации, которые могут позволить агентному моделированию пролить новый свет на исторические сведения. Таким образом, цифровая история, прежде чем вступить в дискуссию о законах и целях истории, призвана согласовать общепринятые методы определения машиночитаемых онтологий как для данных (элементы, известные или предполагаемые как факты), так и для отношений между данными (т. е. информации, фактам, имеющимся или полученным о чем-либо или о ком-то), которые могут быть автоматически извлечены из первичных и вторичных источников. Это, возможно, позволит расширить количественно и качественно состав исторических свидетельств, то есть доступную совокупность фактов, которые историк использует, чтобы судить о том, истинно или допустимо его убеждение или гипотеза.

Приветствую читателей нового журнала *Digital Orientalia*, который стремится развивать дискуссию по этим вопросам на уровне востоковедения.

Deputy Editor-in-Chief
Professor
Andrea Nanetti

Заместитель главного редактора
профессор
Андреа Нанетти

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК THEORY AND METHODOLOGY HUMANITIES

AI, ML, and ABMS for Historical Sciences. Opportunities and Limits ИИ, МО, агентное и имитационное моделирование для исторической науки: возможности и ограничения

Dr Andrea Nanetti

Nanyang Technological University Singapore
School of Art, Design and Media with a courtesy
appointment at the School of Humanities
Founding Director of LIBER (Laboratory for
Interdisciplinary Bookish and Experiential Research)
Founding Editor-in-Chief of Engineering Historical
Memory
E-mail: andrea.nanetti@ntu.edu.sg
ORCID: 0000-0002-3846-1254

Abstract. Once Fernand Braudel expressed the persuasion that the historian of tomorrow will have to create a common language with programmers, which will save the treasures of human experience with the help of information technology. In highly globalized world of today, societies risk losing traditional means of transmitting their heritage before they could master modern methods to keep their most significant knowledge and treasured human experiences alive. Today, hopes are pinned on emerging digital history technologies to address these challenges. However, digital history still operates in a knowledge limbo, because it needs universal ontologies (cultural-dependent ontologies) to store and analyze its knowledge. Historical records need to be comprehensively decomposed into unambiguous fields to become machine-readable. The research team that experiments on *Engineering Historical Memory* (EHM,

Андреа Нанетти

Профессор Школы искусства, дизайна и медиа;
Школы гуманитарных наук, Наньянский
технологический университет (Сингапур)

Директор-основатель Лаборатории междисципли-
нарных точных и эмпирических исследований
(LIBER)

Основатель и главный редактор проекта
«Engineering Historical Memory»

Резюме. В свое время Фернан Бродель высказал убеждение, что историк завтрашнего дня должен будет создать общий с программистами язык, который позволит сберечь сокровища человеческого опыта с помощью информационных технологий. В современном мире с высокой степенью глобализации общества рискуют потерять традиционные средства передачи наследия, прежде чем они смогут овладеть современными методами, позволяющими сохранить свои самые важные знания и ценный человеческий опыт. Сегодня надежды возлагаются на развивающиеся технологии цифровой истории, которые должны ответить на эти вызовы. Однако цифровая история все еще находится в утробном состоянии, потому что ей нужны универсальные онтологии (культурно-зависимые онтологии) для сохранения и анализа своего знания. Исторические записи должны быть всесторонне разложены на однозначные поля, чтобы их можно было считать машиночитаемыми.

Наша исследовательская группа, которая экспериментирует с инженерией исторической памяти (EHM, www.engineeringhistoricalmemory.com), привносит в исторические науки опыт применения машиночитаемых наборов данных из вторичных и первоисточников с дальнейшей обработкой с помощью искусственного интеллекта, машинного обучения и агентного моделирования.

Keywords: Historical Sciences, Digital History, Treasure of Human Experiences data, Cultural-dependent ontologies, Artificial Intelligence, Machine learning, Agent-based modeling and simulation, Engineering Historical Memory.

Ключевые слова: историческая наука, цифровая история, данные сокровищ человеческого опыта, культурно-зависимые онтологии, искусственный интеллект, машинное обучение, агентное и имитационное моделирование.

From a human sciences perspective, the dreaming about a Robot Scientist like Adam —the one created in the United Kingdom for Genomics by an interdisciplinary research team of computer scientist and biologists to identify “genes encoding orphan enzymes in *Saccharomyces cerevisiae*” [1] — or powerful AI algorithms — like the one developed by DeepMind to predict with unprecedented precision the 3D structure of nearly all the proteins made by the human body [2, p. 635] — pose a series of reflections. Indeed, automation for human sciences has its own peculiarities. However, the discourse on formalisation through ontology and language can be instructive because the creation of learning algorithms needs conceptual solutions. In 2015 the computer scientist Pedro Domingos justifies his use, with poetic license, of the term *master algorithm* in the *Prologue* to his homonymous book and explains it in the context of the advancement of learning.

If it exists, the Master Algorithm can drive all knowledge in the world—past, present, and future—from data. Inventing it would be one of the greatest advances in the history of science... The Master Algorithm is to machine learning what Standard Model is to particle physics or the Central Dogma to molecular biology: a unified theory that makes sense of everything we know to date, and lays the foundation for <...> future progress... What it requires is stepping back from the mathematical arcana to see the overarching pattern of learning phenomena... Once we have the conceptual solution, we can fill in the mathematical details <...> convinced that learning is the key to solving AI <...> nothing could have more impact that teaching computers to learn [3, pp. XVIII–XIX].

To approach this titanic task, a robust method — for the identification of key academic disciplines and the definition of their major contributions to a new interdisciplinary theory or science — is provided by the work published in September 1959 by John H. Holland as *Willow Run Laboratories Technical Memorandum 2900-52-R*. The work surveys how four academic disciplines contribute to the foundation of “Automata theory (presently more formally named, at M.I.T. and The University of Michigan, *The Communication Sciences*)”: logic and meta-mathematics provide the axiomatic method and decision procedures (formal system), effective definition, and computability (Turing Machines); the studies on electronic computers contribute programming and simulations; information theory (Shannon’s mathematical theory of communication) is used for measure of information and channel capacity; neurophysiology offers theories on the formation of concepts in the nervous system, and in particular on the recognition of macroscopic patterns by a sequential process [4].

Fernand Braudel’s persuasion that the historian of tomorrow, to be able to survive as a human scientist, must become able and build up a common language, which can be used by programmers across all human sciences to write their computer programs, is clear from a historian’s perspective. From a computation and machine learning perspective, one key question needs to be addressed and answered, before taking any action. Why should the historian oversee such a critical task? [see 5; 6].

Referring to Fernand Braudel’s 1969 call for unity, it seems that human sciences need to build up a grammar for the computational language that will allow the reloading of the treasure of human experiences through artificial intelligence. Big human sciences data are embedded and embodied in all sorts of artefacts and media that over time and across space have been created by humans to encode their knowledge and values, to make a better use of them in the present and transmit them to the future generations as well. In this way, artefacts and media are considered and treated as knowledge aggregators *ante litteram*. These big data can be named “THE data”, where THE stays

for Treasure of Human Experiences, and easily identified as the most valuable component of what is generally called heritage (i.e., what may be inherited) [7, pp. 83–84, 89].

Societies have always used their heritage (i.e., the treasure of human experiences) to remain resilient and to express their cultural identities. Now, it seems that the rapid development of our society is endangering this spontaneous cultural process of adaptation to change. Part of this social adaptation is enabled by the human knowledge and values that we transmit from one generation to the next. In the past, this transmission is passed down through artefacts, oral traditions, social rituals, and cultural practices. But given the increasing pace of technological development of our times, many traditional modes of knowledge and value transmission have become obsolete or at risk of vanishing. New media and non-conventional communications have arisen, creating new possibilities for cultural expressions. However, we may not have mastered effective ways to harness these channels to transmit our cultural heritage, especially in the areas of transmitting knowledge and its associated values to enrich human experiences and augment the resilience of our society [see 8].

It is impossible to impede the rapid pace of development in the highly globalised world of today. Societies risk losing traditional means of transmitting their heritage before they could master modern methods to keep their most significant knowledge and treasured human experiences alive. It seems that our society has not yet developed its selection and discard systems [see 9, pp. 87–89, 94], in a world in which what will not be expressly and explicitly designated for preservation will perish. To deal with this challenge, human science complemented by natural science disciplines could and should play a major role in providing visions to prototype, and engineer solutions.

Historia vero testis temporum, lux veritatis, vita memoriae, magistra vitae, nuntia vetustatis, qua voce alia nisi oratoris immortalitati commendatur? [M. Tullius Cicero, *De Oratore*, II, 36]. By what other voice, too, than that of the orator, is history, the evidence of time, the light of truth, the life of memory, the directress of life, the herald of antiquity, committed to immortality? If we read this famous Cicero's quote through the lens of the thermodynamic paradigm, which holds that a perfect description of a given moment or set of conditions in history would provide a knowledge of future conditions — and assume that “the new society comes into being in the womb of the old,” [10, p. 106] our increasingly complex world should cherish as much as possible the treasure of human experiences (the data), to increase resilience and sustainability and to nurture innovation [11, pp. 104–105; 12, pp. 358–359].

On the basis of the above reflections, to access “automatic programming and artificial intelligence” [4, p. 21] human sciences need a formal system (which in logic and metamathematics “consists of four parts: a set of primitives, a definition of what constitutes a term or well-formed formula, a set of rules, and a set of axioms”) to be able to run simulations: “In automata theory, one always has some set of complex systems in mind, and the axioms are chosen so that upon interpretation they become true statements about important or characteristic properties of the system” [4, p. 8].

From a computer science and engineering perspective, we are at a very early stage in the construction of robust and sustainable automation tools and processes for the human sciences. The structure of graph databases can facilitate or prevent access to information across languages, because using English as an inter- and cross-cultural lingua franca, natural language processing (NLP) algorithms cope with a serial multilingual translation process via all sorts of interpretations expressed in different languages, which constantly modify, subtract, and add meaning to words and objects across time and space¹.

¹ Discussing on this topic with Erik Cambria, he added that “NLP has become increasingly powerful due to data availability and various techniques developed in the past decade. This increasing capability makes it possible to capture semantics in a more nuanced way. Naturally, many applications are starting to seek improvements by adopting cutting-edge NLP techniques. Machine translation is no exception. However,

From a human sciences perspective, there is “an inventory of human knowledge which might provide the material for the art of combination”² and assist Artificial Intelligence specialists in the exploration of the origins of their own field and open new horizons to machine learning algorithms³. Gottfried Wilhelm von Leibniz (1646–1716) — who in his *Dissertatio de Arte Combinatoria* (1666, Dissertation on the Art of Combinations) “had long wondered what would be the best way of providing a list of primitives and, consequently, of an alphabet of thoughts or of an encyclopedia” — in his *Initia et Specimina Scientiae Generalis de nova ratione instaurationis et augmento scientiarum, ita ut exiguo tempore et negotio si modo velint homines, magna praestari possint ad felicitatis humanae incrementum* (1679, Beginnings and Specimens of General Science, a new concept of establishment and increasing of sciences, so that within a little time and effort, who is willing to do it, with high hopes can perform the increasing of human happiness) “described an encyclopedia as an inventory of human knowledge which might provide the material for the art of combination” [15, pp. 57–60], and in his *Historia et Commendatio Linguae Characteristicae Universalis quae simul sit ars inveniendi et iudicandi* (first published posthumously in 1765 [see 16], History and Commending of the Universal Characteristic Language which is at the same time an art for finding and evaluating) recalled:

a time when he had aspired after “an alphabet of human thoughts” such that “from the combination of the letters of this alphabet, and from the analysis of the vocables formed by these letters, things might be discovered and judged”. It had been his hope, he added, that in this way humanity might acquire a tool which would augment the power of the mind more than telescopes and microscopes had enlarged the power of sight. This was not only a matter of convention. The identification of primitives cannot precede the formulation of the lingua characteristica because such a language would not be a docile instrument for the expression of thought; it is rather the *calculating apparatus through which those thoughts must be found* [15, p. 184].

In 1995 John H. Holland proposed Agent-Based Simulation (ABS) pattern recognition as cultural selection. At the level of the database system, machine learning methods (e.g., pattern recognition, deep learning) has indeed a tremendous potential in distilling the rules (e.g., select agents, identify parts mentioned by specific sources). However digital history still operates in a knowledge limbo, because (semi)automatic meta-indexing needs ontologies (cultural-dependent ontologies) to rebuild the process of assessment. Historical records need to be comprehensively decomposed into unambiguous fields to become machine readable. The way in which historians train algorithms is crucial because it generates a cascade of consequences. If one agrees with Aristotle (*Poetics*, 51b), the historians speak of that which exists (of truth), the poets of that which could exist (the possible).

there are so many things that we unconsciously do when we read a piece of text. Reading comprehension requires multiple interrelated tasks, which have not been accounted for in past attempts to automate translation. The biggest issue with machine translation today is that we tend to go from the syntactic form of a sentence in the input language to the syntactic form of that sentence in the target language. That’s not what we humans do: we first decode the meaning of the sentence in the input language and then we encode that meaning into the target language”. See also [13]. The authors reviewed significant deep learning related models and methods that have been employed for numerous NLP tasks.

² See Eco, *Perfect Language*, pp. 275–277. See those pages on <https://therealsamizdat.com/2016/07/12/eco-the-problem-of-the-primitives> (accessed on 27 December 2018) that provides hyperlinks to cited works.

³ This brings us back to the very origins of modern science, where AI can find the origins of its field of studies as well: Ramon Llull’s *Ars Magna Combinatoria* manuscript work dated 1305. Llull elaborated his *ars*, a universal logic, able to discover and demonstrate the truth starting from simple terms and combining them in a mathematical way. His combinatorial logic and his memory techniques had wide influence until the 17th century: Giambattista Della Porta, Bernardino Telesio, Giordano Bruno, Tommaso Campanella, Francis Bacon, and Gottfried Wilhelm Leibniz. See [14].

In a computational modelling perspective, Michael Gavin (2014) notes that “on the surface, computational modelling has many of the trappings of science, but their core simulations seem like elaborate fictions: the epistemological opposite of science or history”. He proposes “that these forms of intellectual inquiry can productively coincide” (2014, 1). But it is not as simple as that [see 12].

This goes toward a new method of writing history. It goes beyond the book as a closed work. In 1989, Umberto Eco, teaching at the University of Bologna, said that in the human sciences works should be published posthumously, because they can always be improved, but only by the author. It is not like in the experimental sciences where another scholar can keep on running an experiment in the lab”. Today, after 30 years, we may be able to challenge this statement. We can generate and publish ABM computational libraries that can simulate executable papers and books. In this context, the relevance of simulations in historical sciences should be of paramount importance. We do not want to build an aircraft that may not fly. In the Big Data Era, history books can be argued with the help of alternative libraries.

The research team that experiments on *Engineering Historical Memory* (EHM, www.engineer-inghistoricalmemory.com) is introducing into historical sciences ABMS of primary-sources datasets that can be tentatively filled with secondary literature when primary data are missing. ABMS starts with primary data and loads secondary-data libraries that shed light on how agents behave. The compiler can read in more than one primary source (starting from the EHM applications) with the same structure: mapping history books in ABM libraries, and versioning system for post-publication.

EHM is an ongoing research project that welcomes international and multidisciplinary collaboration to design and test interactive applications for the virtual (re)organisation and delivery of historical knowledge in the digital age. EHM engages and connects cultural and educational institutions, scholars, software engineers, user-interface and user-experience designers. The EHM research team studies and practises “by what means” traditional historical scholarship can supply machine-readable information. The aim is to empower historical sciences with artificial intelligence and machine learning, thus enabling all users to read primary historical sources according to different knowledge and expertise levels interactively. In the history domain, EHM makes a cross-disciplinary use of established research processes, such as mapping as understood in mathematics and linguistics (i.e., an operation that associates each element of a given set, the domain, with one or more items of a second set, the range) and parsing as understood in computing (i.e., analyse narratives into logical syntactic components) to kick-off the exploration of primary historical sources. Using these operations of mapping and parsing for individual primary historical sources, EHM associates each element of given sets of information provided by the domain of the traditional disciplines (e.g., history, art history, philology, palaeography, diplomatics, codicology, archaeology, epigraphy, sigillography) with one or more elements of the range of machine-readable content management systems (e.g., spreadsheets, computational notebooks).

Литература

1. King R D. e.a. The Automation of Science // Science. 2009. Vol. 324. Pp. 85–98.
2. Callaway E. Deep Mind’s AI Predicts Structures for a Vast Trove of Proteins // Nature. 2021. Vol. 595. 29 July.
3. Domingos P. The Master Algorithm. How the Quest for the Ultimate Learning Machine Will Remake Our World. New York: Basic Books, 2015.
4. Holland J. Survey of Automata Theory. Ann Arbor (MI): The University of Michigan Willow Run Laboratories, 1959; репринт: Vasbinder J. W., Gao H. (eds.) Selected Papers of John H. Holland. A Pioneer in Complexity Science. Singapore: World Scientific, 2018. Pp. 1–24.
5. Para Limes. URL: <http://www.paralimes.ntu.edu.sg> (дата обращения: 28.08.2021).
6. Nanetti A. Overcoming Linguistic and Cultural Obstacles in the Transcultural (Re)-Reading of Primary Sources and Secondary Literature for Afro-Eurasian Pre-Modern History (1205–1533) // Mukherjee, R. (ed.) Order/Disorder in Asia: Historical Perspectives. Kolkata (India): The Asiatic Society, 2021. Ch. 16.
7. Nanetti A., Simpson A. Sharing our Heritage to Shape our Future. How Effective Are Multi-User Sharing Platforms in Supporting Collaborative Visioning for the Future, and why is Heritage Centre-Stage? //

- SOTICS 2015. The Fifth International Conference on Social Media Technologies, Communication, and Informatics (Barcelona, Spain, 15–20 Nov. 2015). Wilmington (DE): IARIA XPS Press, 2015. Pp. 82–90.
8. Nanetti A. Defining Heritage Science. A Consilience Pathway to Treasuring the Complexity of Inheritable Human Experience through Historical Method, AI and ML // *Complexity* 2021 = Chen S.-H., Alfaro S., Shen D. (eds.), *Tales of Two Societies: On the Complexity of the Coevolution between the Physical Space and the Cyber Space*. Article ID 4703820.
 9. Eco U. *From the Tree to the Labyrinth*. Cambridge (MA) & London: Harvard University Press, 2014. (перевод: Эко У. От древа к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации / Пер. с итал. О. А. Поповой-Пле. М.: Академический проект, 2016.)
 10. Lechte J. *Key Contemporary Concepts. From Abjection to Zeno's Paradox*. New York: SAGE Publications, 2003.
 11. Nanetti A., Cheong S. A., Filippov M. Interactive Global Histories. For a new information environment to increase the understanding of historical processes // *Proceedings of the International Conference on Culture and Computing 2013* (Ritsumeikan University, Kyoto, 16–18 Sep. 2013). Los Alamitos (CA): IEEE Computer Society, 2013. Pp. 104–110.
 12. Nanetti A., Cheong S. A. Computational History: From Big Data to Big Simulations // Chen S. (ed.), *Big Data in Computational Social Science and Humanities*. Cham (Switzerland): Springer International Publishing AG, 2018. (Springer Series on Computational Social Sciences). Pp. 337–363.
 13. Young T., Hazarika D., Poria S., Cambria E. Recent Trends in Deep Learning Based Natural Language Processing // *IEEE Computational Intelligence Magazine*. 2018. 13/3. Pp. 55–75.
 14. *Selected Works of Ramon Llull (1232–1316)*, translated by Anthony Bonner. Princeton: Princeton University Press, 1985.
 15. *Die Philosophischen Schriften von Gottfried Wilhelm Leibniz*, herausgegeben von Carl Immanuel Gerhardt. Bd. VII. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1890.
 16. *Oeuvres Philosophiques Latines et Françaises de feu Mr de Leibnitz*, par Rud. Eric Raspe. Amsterdam & Leipzig: Jean Schreuder, 1765.

References

1. King, R. D. e.a. “The Automation of Science.” *Science* 324. 2009. Pp. 85–98.
2. Callaway, E. “Deep Mind’s AI Predicts Structures for a Vast Trove of Proteins.” *Nature* 595. 2021, 29 July.
3. Domingos, P. *The Master Algorithm. How the Quest for the Ultimate Learning Machine Will Remake Our World*. New York: Basic Books, 2015.
4. Holland, J. *Survey of Automata Theory*. Ann Arbor (MI): The University of Michigan Willow Run Laboratories, 1959; repr. In Vasbinder, J. W., Gao, H. (eds.), *Selected Papers of John H. Holland. A Pioneer in Complexity Science*. Singapore: World Scientific, 2018. Pp. 1–24.
5. Para Limes. URL: <http://www.paralimes.ntu.edu.sg> (accessed on 28.08.2021).
6. Nanetti, A. “Overcoming Linguistic and Cultural Obstacles in the Transcultural (Re)-Reading of Primary Sources and Secondary Literature for Afro-Eurasian Pre-Modern History (1205–1533).” In Mukherjee, R. (ed.), *Order/Disorder in Asia: Historical Perspectives*. Kolkata (India): The Asiatic Society, 2021. Ch. 16.
7. Nanetti, A., Simpson, A. “Sharing our Heritage to Shape our Future. How Effective Are Multi-User Sharing Platforms in Supporting Collaborative Visioning for the Future, and why is Heritage Centre-Stage?” In *SOTICS 2015. The Fifth International Conference on Social Media Technologies, Communication, and Informatics (Barcelona, Spain, 15–20 Nov. 2015)*. Wilmington (DE): IARIA XPS Press, 2015. Pp. 82–90.
8. Nanetti, A. “Defining Heritage Science. A Consilience Pathway to Treasuring the Complexity of Inheritable Human Experience through Historical Method, AI and ML.” *Complexity* 2021 = Chen, S.-H., Alfaro, S., Shen, D. (eds.), *Tales of Two Societies: On the Complexity of the Coevolution between the Physical Space and the Cyber Space*. Article ID 4703820.
9. Eco, U. *From the Tree to the Labyrinth*. Cambridge (MA) & London: Harvard University Press, 2014.
10. Lechte, J. *Key Contemporary Concepts. From Abjection to Zeno's Paradox*. New York: SAGE Publications, 2003.
11. Nanetti, A., Cheong, S. A., Filippov, M. “Interactive Global Histories. For a new information environment to increase the understanding of historical processes.” In *Proceedings of the International Conference on Culture and Computing 2013* (Ritsumeikan University, Kyoto, 16–18 Sep. 2013). Los Alamitos (CA): IEEE Computer Society, 2013. Pp. 104–110.

12. Nanetti, A., Cheong, S. A. "Computational History: From Big Data to Big Simulations." In Chen, S. (ed.), *Big Data in Computational Social Science and Humanities*. Cham (Switzerland): Springer International Publishing AG, 2018. (Springer Series on Computational Social Sciences). Pp. 337–363.
13. Young, T., Hazarika, D., Poria, S., Cambria, E. "Recent Trends in Deep Learning Based Natural Language Processing." *IEEE Computational Intelligence Magazine* 13/3. 2018. Pp. 55–75.
14. *Selected Works of Ramon Llull (1232–1316)*, translated by Anthony Bonner. Princeton: Princeton University Press, 1985.
15. *Die Philosophischen Schriften von Gottfried Wilhelm Leibniz*, herausgegeben von Carl Immanuel Gerhardt. Bd. VII. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1890.
16. *Oeuvres Philosophiques Latines et Françaises de feu Mr de Leibnitz*, par Rud. Eric Raspe. Amsterdam & Leipzig: Jean Schreuder, 1765.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК THEORY AND METHODOLOGY HUMANITIES

Постмодернизм в исторической науке: причины и прогноз [®] [®] Postmodernism in Historical Science: Causes and Forecast [®] [®]

Ю. В. Кузьмин

канд. физ.-мат. наук, с.н.с. Института истории
естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН
E-mail: ykuzmin@rambler.ru

Yuri V. Kuzmin

Candidate of Sciences (Physics and Mathematics),
Senior Researcher Fellow
Vavilov's Institute for History of Science
& Technology RAS

Резюме. Рассмотрены три волны антирационализма в истории: романтический период в первой половине XIX в., модернистский кризис науки в начале XX в. и постмодернизм начала XXI в. Сделан вывод, что и третья волна, как первые две, вскоре пойдет на спад.

Ключевые слова: постмодернистский подход, антирационализм, научный метод в истории, объективность.

Abstract. Three waves of anti-rationalism in history are considered: the romantic period in the first half of the 19th century, the modernist crisis of science at the beginning of the 20th century, and postmodernism at the beginning of the 21st century. It was concluded that the third wave, like the first two, will decline soon.

Keywords: postmodernist approach, anti-rationalism, scientific method in history, objectivity.

В последние десятилетия в исторической науке, особенно европейской, стал популярен так называемый постмодернистский подход. Он характеризуется:

1. Убедением в неизбежной субъективности любых историй. Например, Мишель Фуко (Michel Foucault), позиционирующий себя как ученый-историк, открыто заявлял, что все, что он пишет «несомненно, не может быть чем-то иным, нежели литература» [1];

2. Связанным с этим вниманием к частностям (история одного человека, история отдельных групп, избегание обобщений);

3. Отрицанием источниковедческих методов, признания «равной значимости» источников (устная история без корректного научного комментария);

4. В крайних случаях — отказом истории в статусе науки, назначением ей лишь иллюстративных и пропагандистских функций в политической борьбе, средства развлечения и просвещения, в частности — формирования «исторического сознания» народа.

Если понимать науку в смысле Рассела, Куна, Поппера, как деятельность с целью получения рационального, проверяемого, верифицируемого (фальсифицируемого) знания, «постмодернистский» подход не является научным.

В истории, по сравнению с другими науками, постмодернистский подход приводит не только к общим недостаткам, а именно, к субъективизации, исчезновению методов фальсификации и верификации, но и к специфическим — к потере историзма. Происходит неоправданное обобщение частного опыта, механический перенос морально-этических норм

и мотиваций социальной группы, к которой принадлежит автор, в совершенно другие условия. Исчезает прогностическая функция, которая необходима историкам.

Постмодернизм может привести к необратимым потерям для цивилизации. Например, в музейной среде от концепций «сохранения истории» переходят к концепции «обучать и развлекать», при этом не придавая особого значения исторической ценности, уникальности, достоверности экспонатов, их роли как памятников культурного наследия и исторических источников. Поэтому в экспозиции Политехнического музея, например, большая часть экспонатов будет заменена 3D-моделями, виртуальными инсталляциями и прочими образовательными иллюстрациями [2]. К счастью, пока речь об уничтожении коллекций не идет, но средства на работу с коллекциями и, главное, их пополнение, сокращаются в ущерб «развлекательным» программам.

Идеологическое обоснование постмодернистского подхода весьма развито и начато еще Фейерабендом с его «Эпистемологическим анархизмом» (1975). Приведем одну цитату: «Если кто-то изобрел совершенно фантастическую концепцию и не желает с ней расставаться, то с этим ничего нельзя сделать: нет фактов, которые можно было бы противопоставить этой концепции, так как она формирует свои собственные факты; мы не можем указать на несовместимость этой фантазии с фундаментальными законами естествознания или с современными научными теориями, так как автору этой фантазии данные законы и теории могут казаться просто бессмысленными; мы не можем упрекнуть его даже в нарушении законов логики, ибо он может пользоваться своей особой логикой» [3, с. 462].

Наиболее разрушительным моментом в подходе Фейерабенда я считаю «дозволено все»: аргументы не обязаны быть рациональными, они должны быть только убедительными для аудитории. Причем этот лозунг был охотно подхвачен либеральными интеллектуалами, поскольку появился во время слома норм общества: хиппи, сексуальная революция, вьетнамский синдром, борьба с расизмом. Кратко сказанное Фейерабендом можно сформулировать так: «Не смейте оспаривать наше мнение вашими методами».

Наступление постмодернизма вызывает уныние у части историков, исповедующих классический подход к науке. Однако подобное происходит не в первый, а как минимум (не считая более ранних случаев) в третий раз, и всякий раз «постмодернистские» тенденции через 20–30 лет сходили на нет. Правда, назывались они по-другому. Поэтому введем родовое обозначение: антирациональный подход (слово «субъективистский» уже занято и имеет в исторической науке другой смысл).

Первый случай — это расцвет романтизма в 1820–1840-е гг. Его главные особенности таковы:

1. Подчеркивание национальных различий, их приоритета над общими тенденциями (европейская «историческая школа права» Савиньи и Эйхгорна, отрицание существования общих закономерностей, приоритет национальных ценностей), славянофильство. Обратим внимание, движение за приоритет частного (национального над общим), в частности, отрицание идей «естественного права» — происходит после очередной попытки объединения Европы в процессе наполеоновских войн, включая введение в ряде созданных императором Франции зависимых и полузависимых государств новых норм права, основанных, в том числе на очень прогрессивном Гражданском кодексе 1804 г.

2. Идеализация средневековья, причем не исторического средневековья, а представление авторов о средневековье, которое они пропагандировали именно как общественный идеал. Эта тема идет лейтмотивом через сочинения Шатобриана и фон Гарденберга, более известного под псевдонимом Новалис. Популярным становится обращение к еще более отдаленным эпохам, использование идей Жан-Жака Руссо («назад к природе»).

3. Удивительно, но идеализация весьма авторитарных и сословных обществ прошлого сочеталась у многих романтиков с левацкими идеями равенства и братства, но равенства

и братства только в рамках жесткой общественной нормы. Яркий пример: идеализация славянофилами крестьянской общины.

4. Наконец, изменения цели истории: от рациональной реконструкции прошлого к эмоциональному «вчувствованию» и созданию убедительного для современных читателей нарратива (этим занималась «нарративная школа», наиболее известными представителями которой являются Генрих Лео и фон Раумер). При этом не учитывалось, что эмоции, связанные с этикой, понятием общественно приемлемого, у участников исторических событий могли быть совершенно другими, чем у слушателей и авторов. О соответствии «исторической правде» и разговора не было.

Вместе с тем, ученые-романтики принесли и много полезного: тут и понятие о влиянии исторического пути, и введение в оборот новых классов источников, отвергавшихся рационалистами XVIII в. (например, «Сказки братьев Grimm»). Оформилось и окрепло важное для исторической науки положение, что из источника с заведомо искаженной и неверной информацией при грамотном источниковедческом анализе зачастую можно получить информацию подлинную.

Еще одно достижение романтиков, уже вненаучное: создание идеологических оснований национальной борьбы, что было использовано движением за самоопределение Греции, борцами с колониализмом в Южной Америке, шотландскими и ирландскими националистами, вождями польских восстаний.

На этом этапе ярко проявились все основные особенности антирационального подхода: субъективизм, отказ от самой возможности дать объективную картину истории или хотя бы постепенно приближаться к ней, отказ от обобщений, приоритет частного перед общим, уравнивание источников разной степени ценности, апелляция к идеальной картинке прошлого, имеющей мало общего с действительностью, в сочетании с левыми идеями.

Но этот период вскоре сменился новым триумфом рационального подхода. Свою роль сыграло возникновение новых методов и распространение истории на новые области исследования. Здесь надо отметить привлечение сравнительно-географических методов исследования (см., например, первую главу «Истории России» С. М. Соловьёва), привлечение математической статистики (интересно, что первое приложение статистических методов к истории, совершенное Генри Томасом Боклем в 1858 г. при анализе динамики числа самоубийств в Англии, произошло на год раньше первого приложения математической статистики к анализу физических явлений, сделанному Рудольфом Клаузиусом), быстрое развитие истории техники, науки, экономики.

Но почти через 100 лет, в начале XX в., произошло следующее нашествие антирационалов, приведшее к модернистскому или, как его называли в советской историографии, буржуазному кризису исторической науки. Среди идеологов возникшего нового подхода выделялся Теодор Лессинг, заявлявший, что ни один исторический акт не вытекает из предыдущего, что понятие «развития» привнесено в историю из естествознания искусственно, что история есть набор отдельных актов. Мы вновь видим категорическое отрицание существования исторических закономерностей и возможности обобщения.

Последователь Лессинга, Карл Лотус Беккер, отрицал понятие самого исторического факта, используя, на мой взгляд, весьма нелогичную логику. Вот отрывок из его доклада: «Даже такой простой факт, как переход Цезаря через Рубикон, состоит в действительности из бесконечного количества меньших фактов, для описания которых потребовался толстый том. Значит, этот простой с виду факт, насколько мы его в состоянии познать, является только символом, упрощенным обозначением» [4, р. 329]. Но из этого в том же докладе делается странный вывод: «Так где же находится исторический факт? Сразу скажу, как бы дерзко это ни звучало, что исторический факт находится либо у кого-то в голове, либо — нигде» [4, р. 331].

Характерна в этом отрывке свойственная для антирационалов ультимативность мышления: «все или ничего». Если мы не знаем абсолютной истины, то истина нам полностью недоступна и нет смысла пытаться к ней приблизиться (в том числе, используя историко-ведческие, статистические, математические принципы). Если модель приближенна — значит, эта модель совершенно не отражает объективную действительность.

Беккер изложил свои взгляды на конференции Американской ассоциации историков в 1926 г. и, как ни удивительно, они встретили теплый прием. В это же время активизировались и вульгарно марксистские подходы, априори называющие теорию «верной» и подгоняющие под нее действительность.

Минуло еще почти 100 лет, и министр культуры РФ, доктор исторических наук В. Р. Мединский публично называет «кончеными мразями» тех, кто не верит в историю о 28 панфиловцах [5], давно и подробно разобранную, в частности, Главной Военной Прокуратурой СССР [6]. При этом понятие исторической правды для него на предпоследнем месте.

И это не локальное явление: тематика европейских исторических конференций все больше смещается в сторону частных, эмоционального пересказа и политически ангажированных тем. При этом политическая окраска может быть самой разнообразной: от самобытного пути отдельной страны до апологетики глобализации, толерантности или феминизма. В любом случае речь изначально не идет об объективном исследовании.

Итак, произошло три события, разделенные почти вековыми промежутками. Есть ли что-то общее в состоянии общества в эти моменты, что может послужить причиной роста популярности антирационального подхода? Да, есть. По моему мнению, все три периода имеют существенные общие черты.

Это рост глобализации и связанное с этим включение в активную социальную, в том числе научную жизнь, представителей ранее «молчащей» культуры:

1. В первом случае это связано с подъемом национальных чувств после наполеоновских войн и в то же время потоком новых общих идей, восходящих к наполеоновскому же Гражданскому кодексу 1804 г.

2. Во втором это связано с резким ростом доли грамотного населения, быстрой урбанизацией, вовлечением в политическую жизнь новых слоев. Шел бурный рост доли грамотных, но не образованных.

3. В третьем случае «виновна» интернетизация общества, которая также вызвала поток «мнений» тех, кто ранее не мог быть услышан. Изменился и социальный состав ученых, в том числе в связи с такими несомненно положительными процессами, как десегрегация и рост толерантности (вспомним — первая волна также принесла и положительные плоды).

Интересно, что во всех трех всплесках антирационализма схожи не только методологические, но и политические убеждения глашатаев такого подхода:

1. Все три поколения «антирационалов» характеризуют левацкие настроения. Равенство важнее свободы, корректность важнее правды, лозунг важнее знания.

2. Все три поколения характеризует обращение к чувствам, эмоциям, убеждению вместо доказательства, попытки сакрализации определенных аспектов истории, разные в разных подгруппах. Это может быть история Второй Мировой войны, которую «нельзя переписывать», история борьбы с колониализмом и национального самоопределения, история развития какой-либо социальной группы и т. д.

3. Налицо кажущийся консерватизм, часто воспринимаемый историографами как подлинный. Это может быть идеализация средних веков, первобытного состояния, а сейчас в России — сталинского социализма. Однако такая идеализация связана отнюдь не с действительным предпочтением «тех» обществ, но с известным еще в античности обращением к «золотому веку», малограмотным представлениям о предыдущем строе, а не к сути самого строя, по принципу «ведь не может всегда быть плохо, надо же во что-то верить».

4. Во всех трех случаях на общественно-политическую арену выходят активные группы недостаточно образованных «новых людей», не умеющих освоить научный метод и понять его силу, но желающих сказать свое слово и отстоять свои интересы. Они не способны научными методами отстоять свою точку зрения перед заведомо более грамотными и эрудированными оппонентами-«классиками», поэтому стихийный выход видится им в изменении правил дискуссии и фактически приводит их к отказу от принципов научного познания.

Вывод, однако, оптимистичен. Взлет и падение предыдущих волн антирационализма в истории позволяют предположить, что, хотя на данном историческом этапе развития общества постмодернистский уклон понятен и неизбежен, — «и это пройдет», а историческая наука останется.

Мы же должны продолжать наше дело: сохранять традиции «классического» научного метода в истории, передавать его молодым исследователям..., а заодно изучать такой интересный момент в истории нашей науки, как временный взлет постмодернизма.

Литература

1. Беседа Мишеля Фуко с Дуччио Тромбадори // Гуманитарный портал. 07.10.2013. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/5389> (дата обращения: 16.08.2021).
2. Политех начинает оцифровку // Политех (официальный сайт музея). 01.03.2021. URL: <https://polymus.ru/ru/museum/news/digital-collections/> (дата обращения: 16.08.2021).
3. Фролов И. Т. и др. Введение в философию. М.: Республика, 2003 (3 изд.). 623 с.
4. Becker C. L. What Are Historical Facts? // The Western Political Quarterly. 1955. Vol. 8. No. 3. P. 327–340.
5. Мединский назвал «кончеными мразями» сомневающихся в подвиге панфиловцев // РИА Новости. 04.10.2016. URL: <https://ria.ru/20161004/1478502045.html> (дата обращения: 18.08.2021).
6. Справка-доклад главного военного прокурора Н. Афанасьева «О 28 панфиловцах» // ГАРФ (официальный сайт). URL: <https://statearchive.ru/607> (дата обращения: 18.08.2021).

References

1. “Duccio Trombadori conversation with Michel Foucault.” Gumanitarnyi portal 07.10.2013. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/5389> (accessed on 16.08.2021) (in Russian).
2. “Politech begins digitalization.” In Politech (official museum’s site). 01.03.2021. URL: <https://polymus.ru/ru/museum/news/digital-collections/> (accessed on 16.08.2021) (in Russian).
3. Frolov, I. T. e.a. Introduction in Philosophy. Moscow: Respublica, 2003 (3 ed.) (in Russian).
4. Becker, C. L. “What Are Historical Facts?” The Western Political Quarterly 8/3. 1955. Pp. 327–340.
5. “Medinsky called those who doubt the feat of the Panfilovtsy as “finished scum”.” RIA Novosti. 04.10.2016. URL: <https://ria.ru/20161004/1478502045.html> (accessed on 18.08.2021) (in Russian).
6. “Reference-report of the chief military prosecutor N. Afanasyev “On 28 Panfilov’s men”.” GARF (State Archive of Russian Federation) (official site). URL: <https://statearchive.ru/607> (accessed on 18.08.2021) (in Russian).

ЦИФРОВЫЕ МЕТОДЫ В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ DIGITAL METHODS IN SOURCE STUDIES

Опыт оцифровки и каталогизации Фонда восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН

Experience in digitization and cataloging of the Fund of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center RAS

М. А. Мусаев

канд. ист. наук, руководитель Агентства по охране культурного наследия Республики Дагестан

E-mail: mahachmus@gmail.com

ORCID: 0000-0003-4757-5525

Ш. Ш. Шихалиев

канд. ист. наук, в.н.с. отдела востоковедения Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, с.н.с. Института востоковедения РАН

E-mail: shihaliiev74@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3322-0256

Р. С. Абдулмажидов

канд. ист. наук, и. о. директора Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН

E-mail: ramazana@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8960-2520

Makhach A. Musaev

Candidate of Sciences (History), Director

Agency for the Protection of Cultural Heritage of the Republic of Dagestan

Shamil Sh. Shikhaliev

Candidate of Sciences (History),
Leading Research Fellow

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Centre RAS

Senior Research Fellow
Institute of Oriental Studies RAS

Ramazan S. Abdumazhidov

Candidate of Sciences (History), Acting director

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Centre RAS

Резюме. Статья посвящена анализу результатов, проблем и перспектив цифровизации Фонда восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН. Эта коллекция является одним из самых больших в Российской Федерации собранием восточных рукописей, старопечатных книг и архивных документов на арабском, турецком, персидском языках и языках народов Дагестана (*аджам*). В 2016 г. началось осуществление ряда проектов, позволивших вывести описание и изучение этого богатейшего арабографического рукописного собрания на качественно новый уровень. Мероприятия были направлены на создание электронного автоматизированного каталога, осуществление цифровой компьютерной обработки и реставрацию манускриптов.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the results, problems and prospects of digitalization of the Oriental Manuscripts Fund of the Institute of History, Archeology and Ethnography (IIAE), Dagestan Federal Research Centre, RAS. This collection is one of the largest collections of Oriental manuscripts, old printed books and archival documents in Arabic, Turkish, Persian and the languages of the peoples of Dagestan (*ajam*) in Russia. In 2016, a number of projects were launched to bring the description and study of this rich Arabic manuscript collection to a qualitatively new level. The activities were aimed at the creation of an electronic automated catalog, the implementation of digital processing and the restoration of manuscripts.

An integrated approach was used in the work, in which the creation of laboratories for digitization and restoration of manuscripts proceeded simulta-

В работе использовался комплексный подход, при котором создание лабораторий по оцифровке и реставрации рукописей шло одновременно. В статье подробно описана выработанная в ходе обсуждения в отделе востоковедения схема описания рукописей. По каждому пункту даны пояснения, содержащие принципы и подходы, которыми руководствовалась исследовательская группа.

Важным проектом стала оцифровка рукописей ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. С участием благотворительного фонда «Пери» и «Factum Foundation for Digital Technology in Conservation» (Испания) была создана специальная лаборатория по оцифровке рукописей. Для хранения цифровых копий рукописей был оборудован специальный сервер. Конечным результатом данного проекта станет создание сайта, на котором будут размещены цифровые копии рукописей ФВРИИАЭ, а также наиболее ценных манускриптов из частных дагестанских рукописных собраний.

Ключевые слова: рукописи, оцифровка, реставрация манускриптов, Дагестан, методика описания рукописи.

Фонд восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук (ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН) является хранителем одного из самых больших в Российской Федерации собраний восточных рукописей, старопечатных книг и архивных документов на арабском, турецком, персидском языках и языках народов Дагестана (*аджам*). Он был создан на базе рукописных собраний Дагестанского института национальных культур и Дагестанского краеведческого музея в 1945 г. Однако более интенсивное пополнение материалов Фонда происходило за счет приобретений ежегодных археографических экспедиций в 50-е — 80-е гг. XX в. В 1963 г. распоряжением Президиума АН СССР был создан отдел восточных рукописей (переименованный позже в отдел востоковедения), основными задачами которого были определены выявление, фиксация и публикация памятников письменной культуры Дагестана на восточных языках.

Благодаря неутомимой и последовательной работе сотрудников отдела востоковедения удалось создать настоящую сокровищницу памятников восточной письменности. В ней участвовали стоявшие у истоков дагестанского востоковедения М. Инквачилав, А. Каяев, А. Казиев, А. Тамай, М.-С. Саидов, М.-К. Ахмедов, М.Г. Нурмагомедов, А. Гайдаросманов, К. Баркуев, М.-Р. Мугумаев, А.Р. Шихсаидов. Впоследствии к ним присоединились Х.А. Омаров, Г.М.-Р. Оразаев, А.А. Исаев, Т.М. Айтберов, Н.А. Тагирова, Д.Х. Гаджиева и др. Поисковой работой были охвачены все районы Дагестана, археографические экспедиции исследовали многочисленные частные и мечетские собрания рукописных книг [1].

По своему происхождению состав коллекции можно разделить на три группы: 1) рукописи, созданные на Ближнем Востоке и Средней Азии и попавшие различными путями в Дагестан (в основном датируются XI–XVI вв.); 2) рукописи дагестанских переписчиков (катибов), тиражировавших наиболее популярные в регионе труды классических мусульманских ученых в научных, учебных и иных целях (XIV–XX вв.); 3) сочинения, созданные на арабском языке в Дагестане (в редких случаях на дагестанских языках), составившие оригинальную, местную литературную традицию (XIV–XX вв.).

neously. The article describes in detail the scheme of the description of manuscripts developed during the discussion in the Department of Oriental Studies. For each item, explanations are provided, containing the principles and approaches that guided the research group.

An important project was the digitization of the manuscripts of the Oriental Manuscripts Fund of the IIAE. A special laboratory for digitizing manuscripts was created with the participation of the *Peri Charitable Foundation* and the *Factum Foundation for Digital Technology in Conservation* (Spain). A special server was equipped to store digital copies of the manuscripts. The final result of this project will be the creation of a website that will host digital copies of the manuscripts of the Oriental Manuscripts Fund of IIAE, as well as the most valuable manuscripts from private Dagestan manuscript collections.

Keywords: manuscripts, digitization, restoration of manuscripts, Dagestan, method of describing the manuscript.

Рукописные материалы, сосредоточенные в фонде, хронологически охватывают период около тысячи лет (с 1009 г. до 1930-х гг.) и отличаются исключительным тематическим разнообразием: грамматика арабского языка, лексикография, художественная литература, поэзия, «коранические науки», мусульманская юриспруденция, история, логика, риторика, теория диспута, этика, астрономия, медицина, суфизм, тексты и лапидарные записи на дагестанских языках с использованием арабской графики, наиболее ранние из которых относятся к XIV–XV вв.; памятники деловой и личной переписки, актовый материал (переписка сельских общин, акты купли-продажи, указы и постановления шариатских судов дореволюционного и раннего советского периодов), переписка должностных лиц Дагестанской области и многое другое.

В Фонде восточных рукописей ИИАЭ ДНЦ РАН хранятся десятки уникальных рукописей, которые известны в единственном экземпляре и которых больше нет ни в одной из мировых коллекций рукописей [2].

Он включает в себя шесть фондов: Ф. 13 (оп. 1) — библиотека востоковеда; Ф. 14 (оп. 1, 2) — рукописи на арабском, персидском, тюркских (османском, кумыкском, азербайджанском, татарском) языках и языках народов Дагестана в арабской графике; Ф. 15 (оп. 1, 2) — старопечатные книги на арабском, персидском, тюркских языках и языках народов Дагестана в арабской графике, изданные в типографиях Стамбула, Каира, Тегерана, Казани, Бахчисарая, Темир-хан Шуры (ныне г. Буйнакск, РД) в конце XIX — первой трети XX в.; Ф. 16 (оп. 1, 2, 3, 4) — памятники деловой и личной переписки, актовый материал (договоры, судебные решения XVIII — начала XX в.) на арабском, персидском, тюркских языках и языках народов Дагестана в арабской графике; Ф. 30 (оп. 1, 2) — микрофильмы и ксерокопии рукописей и старопечатных книг из государственных хранилищ Москвы, Санкт-Петербурга и Парижа; ФМС — Фонд дагестанского востоковеда М.-С. Саидова (1902–1985), включающий в себя: рукописи (оп. 1), старопечатные книги на восточных и дагестанских языках (оп. 2), фото-ксерокопии рукописей и печатных книг на восточных языках (оп. 3), литературу по истории и языкознанию на русском, английском, французском, немецком и грузинском языках (оп. 4), личный архив М.-С. Саидова (оп. 5).

Как видно из вышеизложенного, хранящиеся в ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН рукописные материалы являются не только ценными памятниками арабо-мусульманского наследия, но и представляют собой важнейшие источники по истории и культуре Дагестана и Восточного Кавказа. В этой связи, руководство ИИАЭ ДФИЦ РАН в 2016 г. приступило к осуществлению ряда мероприятий, позволивших вывести описание и изучение этого богатейшего арабографического рукописного собрания на качественно новый уровень. Они были направлены на каталогизацию рукописных фондов, осуществление цифровой компьютерной обработки и реставрацию манускриптов. Для достижения этих целей был необходим комплексный подход, поэтому создание электронного автоматизированного каталога, лабораторий по оцифровке и реставрации рукописей шло параллельным курсом.

Задачей первостепенной важности было создание автоматизированного каталога. Дело в том, что поступавшие в Фонд рукописи были лишь частично инвентаризированы. Инвентарные книги и документы по приобретению рукописей не отражали наличия всего объема, жанрового и тематического разнообразия имеющихся манускриптов. В частности, в них не были зафиксированы многие сочинения, которые имелись в составе сборных рукописей (конволют). Кроме того, в инвентарных книгах имелось множество ошибок и неточностей, связанных с идентификацией рукописей. В них часто неправильно были атрибутированы авторство, тематика и названия сочинений. В связи с этим была образована исследовательская группа во главе с Ш. Ш. Шихалиевым, которая приступила к планомерному описанию рукописей. Работа по созданию краткого аннотированного справочника велась в течение 2017–2019 гг.

Руководство ИИАЭ ДФИЦ РАН придерживается принципа «Open access» и ставит своей целью обеспечение открытого доступа к рукописям Фонда восточных рукописей для исследователей со всего мира. Для этого планируется создание специального сайта, на котором будут размещены цифровые копии рукописей. С учетом этого, при создании данного справочника во внимание принималось то обстоятельство, что в последующем он должен стать основой для создания специальной компьютерной программы, включающей в себя поисковую систему по определенному принципу. Именно из-за ориентации не только на российских, но и зарубежных исследователей, было решено описание и паспортизацию рукописей осуществлять на двух языках: английском и арабском. Выработанная в ходе обсуждения в отделе востоковедения схема описания рукописей, выглядит следующим образом:

Shelfmark (Шифр):

Size / sheets (формат, количество листов):

Language (язык):

Title (название сочинения):

Author (автор):

Subject (тематика):

Date of copy (дата переписки):

Copyist (переписчик):

Place of copy (место переписки):

Note (примечания):

Ниже даются краткие пояснения по каждому пункту описания рукописей, содержащие принципы и подходы, которыми руководствовалась исследовательская группа.

Shelfmark. В этот пункт записывался шифр рукописи, под которым он был зафиксирован в инвентарной книге. Пример: «Shelfmark: F. 14. No. 67» означает, что данная рукопись хранится в фонде 14 под номером 67. В случае если рукопись является сборной, содержащей несколько сочинений, к ее номеру добавлена соответствующая литера: a, b, c, d и т. д. Например: Shelfmark: F. 14. No. 52 (a); Shelfmark: F. 14. No. 52 (b), Shelfmark: F. 14. No. 52 (c).

Size / sheets. Здесь представлены формат рукописи (ширина и высота) и, через косую черту, количество листов рукописи. Пример: «17,5 × 22 / 34» означает рукопись форматом 17,5 см (ширина) на 22 см (высота), содержащую 34 листа. В случае если рукопись сборная, дается автономная нумерация для каждого сочинения отдельно.

Language. Указание языка, на котором написана рукопись. Например: «Language: Arabic» — рукопись на арабском языке. В случае, если рукопись является билингвой или трилингвой, языки указываются через запятую, например: «Language: Arabic, Persian».

Title. Зачастую в дагестанской письменной арабоязычной традиции общепринятые названия того или иного сочинения даны не по его заглавию, зафиксированному в каталогах и справочниках, а по имени автора. К примеру, сочинение, известное как «*Канз ар-рагибин шарх минхадж ат-талибин*» (كنز الراغبين شرح منهاج الطالبين), по дагестанской традиции именуется «*Махалли*», в соответствии с именем автора этого сочинения, Джалал ад-Дина ал-Махалли. В данном пункте названия сочинений указаны в том виде, в каком они зафиксированы в уже изданных справочниках. В случае если название сочинения не удалось определить, ему дается условное название, основанное на его тематике, например: «*الكتاب فى الفقه*» или «*الكتاب فى المنطق*». В случае если рукопись представляет собой не отдельное произведение, а сборник различных выписок, она обозначается как «Сборник выписок» (مجموع الملتقطات).

Author. В этом пункте дается полное имя автора сочинения, которое зафиксировано в каталогах, например: مسعود بن عمر التفتازاني. В случае если авторство не удалось определить, ставится прочерк. В сочинениях дагестанских авторов к имени добавляется нисба «ал-Дагистани» (الداغستاني), даже если она не указана самим автором или переписчиком. Например,

при описании сочинения «Ал-Мургим», принадлежащего перу дагестанского ученого Муртада ‘Али ал-‘Уради, имя автора указано как «مرتضى علي العرادي الداغستاني», несмотря на то что нисба «الداغستاني» в рукописи отсутствует. Это обусловлено тем, что исследователи, не знакомые с дагестанской арабоязычной литературой, могут ошибочно атрибутировать подобные сочинения.

Subject. В этом пункте указана тематика того или иного сочинения. Опыт изучения разных каталогов, как российских и европейских, так и арабских показал, что зачастую определение тематики сочинений не всегда осуществлено корректно. Это связано с тем, что классификация наук в исламской и европейской традиции различается. Поскольку в ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН сосредоточены в основном восточные рукописи, неразрывно связанные с исламом, при их описании обозначение тематики рукописей дается так, как это принято в традиционной системе классификации наук в мусульманском мире. В частности, в европейской системе наук фонетика относится к филологическим наукам, тогда как арабский *таджвид* (Правила чтения Корана) с точки зрения мусульман относится к «кораническим наукам» (علوم القرآن). Вместе с тем, в мусульманской книжной традиции ряд жанров в литературе очень часто соприкасается, так что бывает очень сложно дать четкое разграничение между смежными дисциплинами. В частности, среди рукописей есть сочинения, которые посвящены вопросам либо арабской морфологии (что традиционно обозначается термином *ас-сарф* (الصرف)), как например, сочинение «Тасриф ал-‘Иззи»), либо синтаксису (обозначаемом как *ан-нахв* (النحو)), как, например, сочинение «Ал-‘Авамил ал-Ми’а»). Вместе с тем, есть ряд сочинений, таких, например, как «Шарх ал-Унмузадж», где вопросы синтаксиса и морфологии даны вместе в рамках одного труда. Поэтому в данном пункте дается общее название «морфология и синтаксис» (الصرف و النحو), даже если то или иное сочинение посвящено только вопросам синтаксиса или морфологии.

С учетом анализа имеющихся каталогов арабской литературы, применительно к дагестанской мусульманской книжной традиции мы определили следующие жанры: القرآن — Коран; التفسير — комментарии к Корану; الفقه و أصوله — фикх и теория мусульманского права; الحديث و علومه — хадисы и смежные с этой тематикой науки, как «терминология хадисов»; الصرف و النحو — морфология и синтаксис; البلاغة — стилистика, куда входят такие поджанры, как: البيع (бади’), معان (ма’ан), إنشاء (инша’); المنطق — логика; الوضع و المناظرة — теория диспута¹; المعاجم — словари, включая как арабские толковые, так и двух-трехязычные словари; الشعر — поэзия и комментарии поэтических произведений²; ترتيب العلوم — классификация наук; الاخلاق و السلوك — суфизм и мусульманская этика; الجغرافيا — жанр путешествий и описательной географии; التاريخ — история; الهيئة — астрономия; السيرة — жизнеописание пророка Мухаммада; العقائد و أصول الدين — мусульманская догматика и основы ислама³; المواظ — назидания и наставления; الطب — медицина; الطبقات و التراجم — агиография и био-

¹ Несмотря на то, что в ряде каталогов «логика» и «теория диспута» даны в рамках одного жанра, все же мы, по примеру арабских каталогов, решили разделить эти дисциплины, поскольку «теория диспута» — это дисциплина, тесно примыкающая как к логике, так и к филологии и даже стилистике и находящаяся на стыке этих трех наук. В арабской классификации этот жанр отделен от логики.

² Несмотря на то, что в описанных нами рукописях стихи бывают разножанровые, в частности, элегии, назидания, грамматика арабского языка, суфизм и даже мусульманское право, написанное в стихотворной форме, все же мы решили объединить эти разные жанры в одну тематику — стихи и их комментарии.

³ Сюда же включен такой жанр как «доксография», а также полемика мусульман с представителями других религий.

графические сочинения; *لاوراد و الادعية* — различные молитвы и ритуальные практики; *الهندسة* — арифметика, алгебра и геометрия; *الادب و الحكايات* — художественная литература (проза)⁴; *الحكمة و الفلسفة* — философия; *علوم القرآن* — «коранические науки», то есть правила чтения Корана, сочинения, посвященные достоинствам Корана, рассматривающие «причины ниспослания айатов», а также «отменяющие» или «отмененные» айаты; *العروض* — метрика или теория стихосложения; *المكتوبات و المراسلات* — эпистолярный жанр, в том числе правила составления частных и деловых писем; *علم الجفر و الحرف* — «окультичные» науки, или сочинения, где описываются метафизические свойства тех или иных арабских букв, цифр или лигатур; *قضاء المحكمة الشرعية* — официальные юридические решения шариатских судов Дагестана.

Date of copy. В данном пункте дается точная или примерная датировка создания рукописи. В случае, когда дата указана в самой рукописи, включая день, месяц и год, она приводится полностью, с конвертацией (через слэш) на григорианский календарь. Если в рукописи указан только месяц и год переписки, то указывается интервал с начала до конца данного месяца по лунному календарю. Например, если рукопись была переписана в месяце Сафар 1246 года хиджры, то в описаниях дата переписки указывается как 1–29.02.1246 / 22.07–19.08.1830, так как месяц Сафар, второй месяц лунного календаря, имеет 29 дней, и рукопись могла быть переписана в любой из этих дней. В случае, если в рукописи отмечено, что она была переписана «во второй половине месяца Раджаб 1315 года хиджры», дата приводится как 15–30.08.1315 / 10–25.12.1897. Написание порядкового номера месяца («02» для Сафара, «08» для Раджаба) вызвано тем, что программное обеспечение сервера, где хранятся оцифрованные копии рукописей, предусматривает только цифровое обозначение месяца. Если в рукописи указан только год переписки, то указываются начало и конец этого года по григорианскому календарю, например: 1061 / 24.12.1650 – 12.12.1651. Это означает, что 1061 год хиджры начался 24 декабря 1650 г. и завершился 12 декабря 1651 г. Если дата создания в рукописи не указана, она датируется по кодикологическим и палеографическим признакам (характеристика бумаги, почерка и т. д.). Большим подспорьем в этом является многолетний опыт членов исследовательской группы, которые, участвуя в ежегодных археографических экспедициях, описали многие тысячи рукописей и способны достаточно точно определить дату и место их создания.

Copyist. В данном пункте указано имя переписчика на арабском языке. Учитывая то, что нередко арабские имена встречаются в дагестанской письменной традиции в несколько видоизмененной форме, например, *محمود* вместо *محموط*, или *ربدان* вместо *رمضان*, имена переписчиков даются так, как они зафиксированы в рукописи, включая огласовки (при наличии). В сборных рукописях нередко имя переписчика написано только в одном из сочинений, хотя остальные, судя по почерку, также написаны им. В таком случае, несмотря на отсутствие имени переписчика в последующих текстах сборника, в случае идентичности почерка в описаниях к ним указывается то имя переписчика, которое зафиксировано в первом тексте. Если имени переписчика нет, или сочинения в составе одной сборной рукописи отличаются по почерку и по бумаге, имя переписчика не дается.

Place of copy. Если место переписки рукописи указано в самом сочинении, оно дается на английском языке, дублируя в скобках название топонима на арабском языке, в том виде, как оно зафиксировано в тексте, включая огласовки, если они есть. Необходимость дублирования на арабском объясняется тем, что, с одной стороны, это поможет исследователям частных и примечетских коллекций правильно идентифицировать встречающиеся топонимы. А с другой — вариативность написания топонимов в разные периоды показывают ди-

⁴ В этот же жанр входят также произведения, посвященные истории пророков.

намику изменения как самих названий этих населенных пунктов, так и способов их написания в разной орфографии.

В случае же, если в рукописи место переписки не дается, указывается историко-географическая область, в которой она была создана, исходя из особенностей палеографии (характеристика бумаги, почерк и т. д.). Например: «Daghestan», «Iran», «Middle East»⁵ и т. д. Рукописи, переписанные в исторической Джаро-Белоканской области и в регионах Северного Азербайджана (например, Елису), отмечены как созданные в Дагестане или в Ширване. Это связано с тем, что культурная и социально-экономическая жизнь народов Дагестана и Северного Азербайджана, населенного дагестаноязычными народами, равно как и исламская и образовательная традиция (шафиитская богословская традиция, связи медресе, общая традиция изучения тех или иных сочинений и пр.) в этих двух регионах во многом схожи. Если в рукописи заметно отчетливое влияние ираноязычной письменной традиции (почерк, сочинения, не характерные для Дагестана и пр.), то в этом случае указывается, что сочинение было переписано в Азербайджане. Тем самым, составители аннотированного справочника при определении места переписки рукописи отказываются от использования современных административных границ, а опираются больше на культурную и образовательную традицию.

Note. Последний пункт описания рукописей обозначен как «примечания». Он является вспомогательным и не войдет в электронный каталог. Сюда включаются нетекстовые записи или другая информация, которая будет представлять интерес для исследователей, занимающихся изучением арабоязычного письменного наследия Дагестана. В частности, в нем фиксируются записи о прочтении рукописи у того или иного ученого, памятные и актовые записи, исторические хроники, автографы известных дагестанских ученых, характеристика бумаги применительно к датировке рукописи и пр.

Следует отметить, что в описаниях к рукописям не приводится библиография, хотя это было принято практически во всех изданных каталогах восточных рукописей. Библиография пропускается по причине того, что в современный век электронных технологий, когда в сети интернет размещены сотни электронных баз данных рукописей, ссылку на ту или иную литературу, равно как и сведения об авторе или названии сочинения легко можно найти на веб-сайтах. По этой же причине не составлялись указатели (географические, тематические, именные, дат переписки и пр.), так как электронный каталог содержит метаданные, дающие всю необходимую информацию. Исследователи могут производить поисковые запросы путем набора ключевых слов, имен и пр. Например, при введении в поисковик запроса «المحلي» появится вся информация, связанная с указанной нисбой, в том числе полное имя автора и все его работы, имеющиеся в данном каталоге. Биографию же этого автора можно найти на многочисленных веб-сайтах библиотек рукописей.

Данная схема разработана с учетом анализа ряда изданных и электронных каталогов различных арабоязычных рукописных собраний — Лейденской, Берлинской, Британской, Парижской, Александрийской, Саудовской, Катарской, Турецкой и др. библиотек. Как уже отмечалось выше, исходя из того, что данный электронный каталог ориентирован на исследователей со всего мира — России, Европы, США, стран Ближнего Востока, Турции, Ирана, Малайзии, Центральной Азии и т. д., — описания рукописей даются на английском и арабском языках. Арабский язык описаний, используемый в пунктах «Title», «Author», «Subject»,

⁵ Конечно, регион Ближнего Востока достаточно широк и многогранен. Вместе с тем, у нас еще недостаточно опыта в идентификации места переписки рукописей из арабских стран, которые тем или иным путем попали в Дагестане. В частности, по внешним характеристикам (бумага, почерк), мы не можем определить, была ли рукопись переписана в Каире, Багдаде или Дамаске. Поэтому географию переписки подобных рукописей мы определяем более широко: «Middle East».

более точно отражает специфику названий сочинений, мусульманских топонимов и антропонимов, а также особенности классификации мусульманских наук. Вместе с тем, в каталоге не приводится транслитерация названий сочинений и имен авторов, поскольку европейский (в том числе российский) опыт транслитерации не всегда отражает точность наименований сочинений, топонимов и антропонимов, равно как и тонкости определения наук в мусульманской богословской традиции. В данном случае составители ориентируются на опыт составления каталога, выполненного коллективом Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (ныне — Институт восточных рукописей РАН), где названия сочинений и имена авторов приведены в арабской графике без транслитерации.

Определенную сложность исследовательской группе добавляло то обстоятельство, что зачастую исследуемые рукописи не имели традиционных элементов, позволяющих определить название, тематику или автора. Для идентификации подобных рукописей, чаще всего дефектных, требовался высокий уровень компетенции исследователей. В этих случаях атрибуция и научное описание было основано на анализе большого количества информации из разнообразных источников, в том числе специализированных каталогов.

В результате кропотливой работы впервые за многие десятилетия существования Фонда было осуществлено описание всех имеющихся в нем манускриптов. Число выявленных рукописей, в том числе сборных, составило 3061. В них содержатся 5126 сочинений, авторами которых являются как известные в мусульманском мире ученые-богословы, так и представители местной арабоязычной традиции.

Одним из самых важных проектов стала дигитализация (оцифровка) рукописей ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. Его важность обуславливается тем, что, несмотря на расхожую фразу «рукописи не горят», многие дагестанские арабографические коллекции безвозвратно утеряны вследствие пожаров и «утечки» за пределы региона. Вследствие этого создание электронных копий рукописей ФВР ИИАЭ, а затем и частных рукописных коллекций позволит обеспечить сохранность текстов памятников арабо-мусульманского письменного наследия для последующих поколений. В этой связи руководством Института было принято решение о создании специальной лаборатории по оцифровке рукописей. Вследствие отсутствия бюджетных ассигнований, направленных на эти цели, было заключено партнерское соглашение с благотворительным фондом «Пери», взявшим на себя значительную часть материальных затрат, необходимых для выполнения заявленных проектов. «Пери» осуществил ремонт выделенных под данную задачу помещений, взял на себя все расходы, связанные с оплатой стоимости необходимого оборудования и заработной платы исполнителей проекта.

Кроме того, для осуществления проекта к сотрудничеству был привлечен фонд «Factum Foundation for Digital Technology in Conservation» из г. Мадрид. Эта испанская организация, участвовавшая во множестве проектов по сохранению памятников мирового культурного наследия с применением современных технологий, предоставила необходимое оборудование, программное обеспечение и техническую поддержку лаборатории по оцифровке рукописей.

С 2016 по 2018 гг. «Factum Foundation» разработал аппаратное и программное обеспечение для двух прототипов сканера рукописей. Один из них, установленный в 2017 г., представлял собой стационарный V-образный сканер. Оператор приводит метакрилатные пластины в контакт с книгой, аккуратно выравнивая страницы, не подвергая риску целостность бумаги и не оказывая давления на переплет. Камеры Canon 5DSR активируются с помощью специального программного обеспечения «ManuCapture», и изображения (с разрешением до 800 dpi) автоматически загружаются на компьютер. Оператор поднимает пластину, переворачивает страницу и продолжает запись. В отличие от многих коммерческих сканеров рукописей, этот относительно недорогой аппарат позволяет получить изображения очень высокого качества, так что можно идентифицировать даже мелкие детали, такие как тип бумажного волокна.

Другой аппарат, предоставленный Factum Foundation в 2018 г., представляет собой портативный сканер рукописей, простой в использовании, легкий и быстрый. Он использует две камеры Canon 7D и вспышку для получения изображений с воспроизводимым качеством разрешения до 300 dpi в любых условиях. Он сочетает в себе стандартное фотографическое оборудование с деталями, изготовленными по индивидуальному заказу, поэтому его компоненты можно быстро и недорого заменить без помощи специалиста. Предполагается, что данный сканер будет использоваться и для оцифровки частных коллекций арабографических рукописей Дагестана.

Кроме того, в распоряжении лаборатории по оцифровке имеется старый планшетный сканер ELAR. Это удобный и надежный аппарат, в котором используется собственное программное обеспечение для создания изображений с разрешением 600 dpi. С 2009 г. на нем производилась дигитализация отдельных материалов из ФВР и научного архива ИИАЭ ДФИЦ РАН. Однако сканер работает медленно и требует от оператора работы почти в темноте. Более того, его программное обеспечение для постобработки, которое выводит файлы в формате TIFF, создает изображения, которые часто не достигают заявленного разрешения.

Специалисты из «Factum Foundation» несколько раз приезжали в Дагестан для подготовки сотрудников ИИАЭ ДФИЦ РАН для работы с необходимым оборудованием и программным обеспечением. С момента установки сканеров предоставляется и удаленная техническая поддержка. Для хранения цифровых копий рукописей был оборудован специальный сервер. Конечным результатом данного проекта станет создание сайта, на котором будут размещены цифровые копии рукописей ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН, а также наиболее ценных манускриптов из частных дагестанских рукописных собраний.

Реализация проекта столкнулась с рядом трудностей, которые, впрочем, удалось успешно преодолеть. Внебюджетное финансирование прекратилось, однако руководство ИИАЭ ДФИЦ решило сохранить этот важный проект, включив исполнителей проекта в свой штат в качестве лаборантов и художников-реставраторов. Были проблемы и с оборудованием, которые на некоторое время приостанавливали кропотливую работу по созданию цифровых копий рукописей. Однако все возникавшие проблемы были решены, и все три сканера продолжают функционировать. Планомерная работа по оцифровке арабографических рукописей ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН, а также ряда ценных рукописей из частных собраний продолжается. К настоящему времени оцифровано более 1600 рукописей.

Литература

1. Гамзатов Г. Г., Саидов М.-С., Шихсаидов А. Р. Сокровищница памятников письменности // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, 1982. С. 203–221.
2. Шихалиев Ш. Ш. Сокровищница восточных рукописей Дагестана // Исламоведение. 2012. № 1. С. 75–82.

References

1. Gamzatov G. G., Saidov M.-S., Shikhsaidov A. R. "Treasure Trove of Written Monuments." In *Yearbook of Iberian-Caucasian Linguistics*. Tbilisi, 1982. Pp. 203–221 (in Russian).
2. Shikhaliev Sh. Sh. "Treasury of the Oriental Manuscripts of Dagestan." *Islamovedeniye* 1. 2012. Pp. 75–82 (in Russian).

ЦИФРОВЫЕ МЕТОДЫ В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ DIGITAL METHODS IN THE SOURCE STUDIES

Сетевые ресурсы по арабографическим манускриптам (базы данных и библиотеки): краткий обзор Web Resources for Arabographic Manuscripts (Databases and Libraries): A Brief Overview

Т. А. Аникеева

канд. филол. наук, с.н.с. Института
востоковедения РАН

E-mail: tatiana.anikeeva@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0653-3970

И. В. Зайцев

д-р ист. наук, проф., в.н.с. Института
востоковедения РАН; заместитель
директора Музея Востока

E-mail: ilyaAugust@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9862-8511

Tatiana A. Anikeeva

Candidate of Sciences (Philology),
Senior Research Fellow

Institute of Oriental Studies RAS

Ilya V. Zaytsev

Doctor of Sciences (History), Professor, Leading
Research Fellow (IOS RAS); deputy director

Institute of Oriental Studies RAS;

The State Museum of Oriental Art

Резюме. Статья представляет собой краткий очерк и попытку систематизации некоторых сетевых (преимущественно зарубежных) ресурсов, представляющих доступ к цифровым копиям рукописей на арабском, персидском и тюркских языках из различных мировых хранилищ и библиотек. Это и известнейшие европейские и американские библиотечные базы данных («Gallica», проект Французской национальной библиотеки; «Virtual Hill Museum and Manuscript Library», США), и проект библиотеки Стамбульского университета (оцифровка была завершена в мае этого года), и некоторые российские ресурсы. Одним из важных источников цифровых копий манускриптов на персидском языке является Библиотека Малек (Иран), которая предоставляет бесплатный онлайн-доступ к оцифрованным рукописям и документам. Особый интерес представляют специализированные или тематические ресурсы, которые посвящены какому-либо одному аспекту изучения арабографических рукописей: к таковому можно отнести базу данных, посвященную печатям на страницах мусульманских манускриптов, разработкой которой занимается музей и библиотека Честер Битти (Дублин), а также оцифрованную коллекцию арабских рукописей библиотеки Уэллкома (Лондон),

Abstract. The article is a brief outline of some online (mostly foreign) resources devoted to manuscripts in Arabic, Persian, and Turkic languages from various world repositories and libraries: their digitization, cataloging, and presentation on the Web. These are both the most famous European and American library databases (for example, “Gallica” that is a project of the French National Library/Bibliothèque nationale de France, or Virtual Hill Museum and Manuscript Library, USA), as well as the project of the Istanbul University Library (the final digitization of the material was completed in May 2021), and some Russian resources (“ManuscriptaIslamicaRossica” and the project of digitalization of the Fund of Oriental Manuscripts of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the RAS in Dagestan). One of the most important sources of digital copies of Persian manuscripts is the Malek Library (Iran), which provides free online access to digitized manuscripts and documents. Specialized resources that are devoted to any one aspect of the study of the arabographic manuscripts are of particular interest: these include a database dedicated separately to the seals of Muslim manuscripts, which is being developed by the Chester Beatty Museum and Library (Dublin), as well as a digitized collection of Arabic manuscripts from the Wellcome Library (London), which relates

которая относится к истории классической медицины мусульманского мира. В наш обзор мы не включили репозитории, коллекции которых оцифрованы, но не представлены в открытом доступе онлайн (несмотря на их важность).

Ключевые слова: арабографичные рукописи, палеография, базы данных, репозитории, кодикология, библиотеки, книгохранилища, оцифровка.

to the history of classical medicine in the Muslim world. In our review, we did not include repositories whose collections are digitized, but are not publicly available online (despite the fact that they are among the most important in their field).

Keywords: arabographic manuscripts, paleography, codicology, databases, repositories, libraries, book repositories, digitization.

Современное состояние рукописных исследований характеризуется, с одной стороны, введением в оборот все большего количества ранее неучтенных списков известных текстов, а также новых произведений, с другой — созданием сводных масштабных баз данных, объединяющих материалы различных мировых собраний. Подобный подход обусловлен тем, что музейное/библиотечное/архивное собрание рассматривается прежде всего как информационный ресурс исторической науки, и, соответственно, существует необходимость в структурировании и систематизации таких фондов. В создании цифровых копий исследователи видят не только обеспечение онлайн доступа к рукописям, но, прежде всего, возможность сохранности того или иного собрания при максимально долгом его использовании.

Отчасти описанию некоторых значительных коллекций (например, большой массив исламских рукописей в Северной Америке, распределенных по различным библиотекам — в основном, университетским), хотя и несколько поверхностно, посвящен раздел в относительно недавно вышедшей книге Л. ван Лита [1]¹. В наш обзор включены библиотечные ресурсы и базы данных, предоставляющие онлайн доступ к цифровым копиям рукописей; мы не включаем сюда репозитории, коллекции которых оцифрованы, но не представлены в открытом доступе онлайн (хотя они являются одними из важнейших в своей области). В качестве примера последних можно привести Библиотеку Сулеймание и Отдел рукописей Центра Джума ал-Маджид в ОАЭ. **Библиотека рукописей Сулеймание (Süleymaniye Yazma Eser Kütüphanesi, Стамбул, Турция)**, по словам ван Лита, является самым крупным хранилищем оцифрованных рукописей в мире — их количество оценивается им как более 100 тыс. [1, p. 79]. Процесс их оцифровки был начат в 2000-е гг. Копии рукописей недоступны онлайн (доступ есть лишь в самой библиотеке) и бесплатно не предоставляются. **Центр Джума ал-Маджид (Juma Almajid Center for Culture and Heritage)** в ОАЭ обладает богатейшей коллекцией арабографичных рукописей (около 8 тыс. единиц и 15 тыс. названий), кроме того, в его цифровой архив включены цифровые копии на CD-дисках из других хранилищ (всего около 33 тыс. названий), не считая микрофильмов и фотокопий: практически все они, однако, не представлены в свободном доступе в сети. Необходимо упомянуть также **Музей рукописей Александрийской библиотеки (Bibliotheca Alexandrina, Египет)** (<http://manuscriptsmuseum.bibalex.org/StaticPages/digitalproj.aspx>), который осуществляет проект, направленный на оцифровку всех рукописей, содержащихся в библиотеке (более 6 тыс. единиц хранения, см.: [2]); однако в данный момент доступа к цифровому архиву в полном смысле слова нет. В то же время этот проект является одним из самых старых в ряду проектов подобного рода (он был начат в 2005 г.). Отдельные коллекции предоставляют частичный доступ к рукописям (как правило, 1–3 страницы). Такова, например, виртуальная коллекция арабских рукописей, хранящихся в Национальной библиотеке Чешской Республики в Праге и Университетской библиотеке в Братиславе, Словакия (284 рукописи из коллекции Сафвет-бега Башагича: <http://www.manuscriptorium.com/cs>).

¹ Рецензию на нее см. в следующем номере «Digital Orientalia».

Ниже приведен список важнейших сетевых ресурсов, представляющих открытый доступ к цифровым копиям восточных рукописей.

Middle East Libraries Committee (MELCom)

Европейская ассоциация, которая является неправительственной организацией, чья цель — содействие сотрудничеству между отдельными лицами и учреждениями в Европе, на Ближнем Востоке и во всем мире, занимающимися всеми аспектами (ближневосточного) библиотечного дела, коллекционирования книг, книжной торговли и издательской деятельности. На странице этой организации (<https://www.melcominternational.org/>) представлен достаточно полный список электронных ресурсов оцифрованных рукописей по странам мира.

Фонд редких памятников Библиотеки Стамбульского университета (İstanbul Üniversitesi Nadir Eserler Kütüphanesi, Стамбул, Турция)

В мае этого года был завершен проект по оцифровке более 8 тыс. рукописей на османском, персидском и арабском языках из собрания редких памятников библиотеки Стамбульского университета (которое в целом насчитывает более 100 тыс. единиц хранения, включая карты, литографии, газеты, журналы, а также мебель, фарфор, музейные артефакты из библиотек дворцов Ыылдыз, Реза-Паши, Халис-Эфенди, Муллазаде Ибрагим-бея, Хаккы-Паши и др.) — их оцифровка проходила в рамках проекта по работе с манускриптами Главного управления библиотек и документации Университета [3]. Рукописи были отсканированы в прекрасном качестве с использованием новейших технологии оцифровки, а доступ к ним осуществляется бесплатно.

Каталог фонда редких памятников (http://katalog.istanbul.edu.tr/client/tr_TR/default_tr/search/results?qf=ITYPE%09Materyal+T%C3%BCr%C3%BC%091%3AYAZMA%09Yazma+Eser&lm=IUNEK) обладает довольно удобной системой поиска (по автору, языку, тематике) — но только на турецком языке. В каталоге представлены как те единицы хранения, доступ к которым осуществляется только для зарегистрированных читателей (неоцифрованные экземпляры), так и оцифрованные копии рукописей в открытом доступе в формате pdf, в цвете (см., например, диван Муллазаде Сулеймана Шейхи Кёстендили: <http://nek.istanbul.edu.tr:4444/ekos/TY/nektyo1784.pdf>).

Virtual Hill Museum and Manuscript Library (vHMML, США)

Крупнейшим ресурсом, посвященным оцифровке арабографичных рукописей и микрофильмов, является сайт www.vhmml.org. Задачи проекта — представить читателю оцифрованные копии арабографичных рукописей христианского мира. Виртуальный ресурс “vHMML” является проектом Музея и библиотеки рукописей Хилл (*Hill Museum & Manuscript Library*, Колледжвилл, Миннесота) в сотрудничестве с Центром цифровых гуманитарных наук Университета Сент-Луиса (Пенсильвания) и проектом «Каролингское каноническое право» Университета Кентукки. “vHMML” был запущен в 2015 г. и таким образом является одним из самых старых проектов подобного рода. Портал обладает удобной системой поиска (по репозиторию, городу, формату представленной рукописи).

Кроме того, в 2018 г. этот ресурс также запустил обучающий проект по палеографии **vHMMLSchool** (<https://www.vhmmlschool.org/>) с разделами, посвященными арабской, сирийской и латинской палеографии соответственно. Раздел по арабской палеографии состоит из шести простых уроков (происхождение и развитие арабской письменности, рукописи IX–X вв., XI–XIII вв., когда происходило оформление и развитие *насха* как одного из основных видов почерков, XIV–XVI вв., палеографические особенности рукописей XVII–XVIII вв., XIX–XX вв.), наглядным материалом для которых являются христианские арабские рукописи монастыря Св. Екатерины на Синае, а также иерусалимского монастыря Св. Марка, церкви

сорока мучеников в Мардине, церкви Богоматери в Диярбакыре и др. Таким образом, можно наглядно проследить развитие арабской письменности на протяжении почти тысячелетия. Каждый из уроков снабжен подробной библиографией; дополнительные материалы представлены в разделах “HMMLFolio”, “HMMLLexicon”, “HMMLReference”.

Фонд исламского наследия «ал-Фуркан»

Создан в 1988 г. шейхом Ахмадом Заки Йамани. На сайте <https://al-furqan.com/> пользователи в настоящее время могут просматривать и искать более 50 тыс. записей об исламских рукописях из более чем 100 частных и негосударственных коллекций, ранее опубликованных Центром рукописей фонда.

Wellcome Arabic Manuscripts Online

Коллекция арабских рукописей библиотеки Уэллкома (Лондон, Великобритания) насчитывает около 1000 списков и отдельных фрагментов рукописей — все они тематически относятся к истории классической медицины мусульманского мира (<http://wamcp.bibalex.org/home>). Этот ресурс позволяет просматривать значительную часть этой коллекции в режиме онлайн с помощью высококачественных цифровых изображений целых рукописей и связанных с ними богатых метаданных. По словам разработчиков, это — результат сотрудничества с Александрийской библиотекой (Египет) и Королевским колледжем Лондона, при финансировании по линии программы исламских исследований фонда JISC (Joint Information Systems Committee).

Арабские рукописи, представленные онлайн, являются частью восточной коллекции Библиотеки Уэллкома, которая в целом обладает около 12 тыс. манускриптами и 4 тыс. печатными книгами на 43 различных языках. Исламские фонды включают арабские и персидские рукописи и печатные книги, а также небольшую коллекцию османских рукописей и турецких книг.

Поиск по ресурсу может осуществляться на арабском (можно использовать виртуальную клавиатуру) или английском языке по происхождению, колофону, названию, *incipit* манускрипта. В каталоге название рукописи и имя автора приведены на арабском языке (а также в латинской транскрипции); есть возможность поставить фильтр на поиск по времени составления списка, наличию украшений (*унав*).

Gallica (gallica.bnf.fr)

Известный онлайн-проект Национальной библиотеки Франции (Bibliothèque nationale de France, далее — BnF). Это цифровая библиотека, сосредоточившая в себе более 8,5 млн документов — карт, партитур, видео, рукописей, печатных книг и др. Оцифрованные манускрипты из различных коллекций BnF представлены в отдельном разделе (<https://gallica.bnf.fr/html/und/manuscris/manuscris?mode=desktop>), среди них — более 7,5 тысяч рукописей на арабском языке, 1354 рукописи на персидском, 1184 списка на османско-турецком языке.

Следует отметить, что значительная часть представленных на портале цифровых копий арабграфичных рукописей — это оцифрованные микрофильмы (соответственно, рукописи представлены в черно-белом варианте). По замечанию ван Лита, подобная «оцифровка микрофильмов является относительно недорогой и быстрой, что облегчает создание значительного цифрового хранилища» [1, р. 75]. В то же время, часть рукописей представлена в цвете, в прекрасном качестве и разрешении; рукописи доступны для скачивания в формате pdf.

Qatar Digital Library (QDL)

Фокус цифровых ресурсов (карты, звукозаписи, архивы, фотоснимки, рукописи и многое другое), представленных на данном портале (https://www.qdl.qa/en/search/site/?f%255Bo%255D=document_source%3Aarchive_source), сконцентрирован на регионе Персид-

ского залива. Проект, запуск которого состоялся в 2014 г., является результатом сотрудничества с Британской библиотекой и Национальной библиотекой Катара (Доха, Катар) и основан, прежде всего, на соответствующих фондах Британской библиотеки, содержащих исламские рукописи.

В тематическом отношении представленные онлайн (без возможности скачивания) на портале QDL манускрипты — это в основном научные трактаты по различным областям мусульманского знания: медицине, астрономии, химии, геометрии, математике, астрологии, теории музыки, физике и др. Сейчас это около 250 копий рукописей на арабском языке (и еще несколько — на персидском). Каждая рукопись снабжена краткой аннотацией (содержание рукописи), приведены начало и конец текста (при наличии), а также подробные кодицилогические и палеографические характеристики (бумага, чернила, почерк, переплет, размеры, маргиналия). Следует отметить, что каждая рукопись представлена в постраничном виде (и каждое изображение является отдельно загружающимся фрагментом).

Qatar Digital Library обладает довольно удобной поисковой системой (а также руководством по поиску), позволяющей сортировать материал по дате, содержанию, типу источника, языку. При поиске конкретных слов рекомендуется использовать как арабские, так и латинизированные ключевые термины, так как некоторые записи каталогизированы неравномерно.

Отдельный, не менее значимый, раздел портала — небольшие по объему, но многочисленные (177), научные статьи (<https://www.qdl.qa/en/articles-from-our-experts>), основанные на исследованиях оцифрованных материалов.

Библиотека и Национальный Музей Малек — کتابخانه و موزه ملی ملک (Тегеран, Исламская Республика Иран)

Один из крупнейших частных музеев Ирана и Среднего Востока, названный в честь своего основателя — коллекционера и мецената Хаджи Хоссейна Аги Малека (1873–1973). Музей обладает внушительной коллекцией персидских и арабских рукописей (около 20 тыс. — одна из шести крупнейших коллекций Ирана) и библиотекой. Собрание рукописей и литографий библиотеки Малек продолжает пополняться и сегодня.

Библиотека Малек предоставляет бесплатный онлайн-доступ к оцифрованным рукописям и документам (<http://malekmuseum.org/artifact/search?type=31>), а также отдельным образцам каллиграфии и миниатюр (<http://malekmuseum.org/artifact/search?type=2>). На сегодняшний день, согласно данным веб-сайта, оцифровано более 5000 рукописей. Портал работает только на персидском языке (и зачастую довольно медленно). Для пользователя доступен подробный поиск по каждому отдельному элементу метаданных.

Насколько нам известно, библиотека Малек является единственным в Иране ресурсом, предоставляющим доступ к оцифрованным копиям рукописей. На сайте **Национальной библиотеки и архива Ирана (Тегеран, ИРИ)** (<http://www.nlai.ir/en/web/eng>) пока возможен только поиск по названию и описанию манускриптов.

Chester Beatty Islamic Seals Database

Нельзя не упомянуть и базу данных, отдельно посвященную печатям на страницах мусульманских рукописей, разработкой которой занимается Музей и библиотека Честер Битти (<https://chesterbeatty.ie>) в ирландском Дублине. В эту базу данных попало более 2000 рукописей коллекции. Оттиски печатей (вакуфных, владельческих и т.д.) являются отдельным и весьма ценным источником информации о манускриптах, а их изучение — особым разделом кодологии исламской рукописной книги (см., например: [4, с. 79–81; 5, с. 100]).

К сожалению, в данный момент эта база данных находится оффлайн, и остается надеяться, что в скором времени этот важный проект заработает. Исследователи отмечают, что обширность представленного в различных собраниях материала такова, «что можно говорить

лишь о начале пути, ведущего к созданию корпуса оттисков арабографических печатей в рукописях» [Ястребова, 2015, с. 81].

Daiber Collection Database [Токийский Университет, Япония]

Крупнейший на сегодняшний день в Японии корпус рукописей (http://ricasdb.ioc.u-tokyo.ac.jp/daiber/db_index_eng.html), в основном на арабском языке, собран немецким исламоведом Хансом Дайбером. Институт восточной культуры Токийского университета приобрел эту коллекцию (первую часть в 1986–1987 гг., вторую — в 1994 г.). Этот ресурс является частью электронной библиотеки Института восточной культуры Токийского университета. Поисковая система (с подробными инструкциями по поиску: http://ricasdb.ioc.u-tokyo.ac.jp/daiber/db_howto_eng.html) служит для одновременного использования оригинального каталога и оцифрованных изображений коллекции.

Manuscripta Islamica Rossica

Российские и московские коллекции арабографичных рукописей — тюркских, арабских и персидских — изучены пока в недостаточной степени: так, в Москве полностью описаны лишь соответствующие собрания МГУ, ИВ РАН и ГПИБ. В то же время в различных хранилищах России (в Москве, Санкт-Петербурге, Иваново, Новосибирске и других городах) находится ряд рукописных арабографичных коллекций, являющихся относительно малоисследованными [6].

Созданный портал (www.manuscriptaislamica.ru, Москва, Россия) уже несколько лет функционирует как уникальный библиотечный ресурс и точка доступа к информации об арабографичных рукописях и старопечатных книгах в собраниях РФ в Интернете. В настоящее время в открытом доступе представлены оцифрованные копии одиннадцати списков текста Корана (как полных списков, так и отдельных джузов) XVII–XIX вв. и около полутора десятков рукописей комментариев (тафсиров), молитвенников, богословских сочинений, сборников стихов (диванов). Рукописи представлены на сайте целиком в высоком разрешении, однако без возможности скачать их целиком или частями. Кроме того, в качестве дополнительной защиты от копирования используется «водяной знак». Структура описания каждой из представленных рукописей соответствует общим принципам описания подобных манускриптов. Участниками проекта, предоставившими рукописи, стали Архив РАН, Институт востоковедения РАН, Научная библиотека МГИМО(У) МИД РФ, Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН в Новосибирске, Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН в Махачкале, Фонд Марджани (Москва), Астраханская областная научная библиотека им. Н.К. Крупской (Астрахань), Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края (Красноярск), Институт экспериментальной медицины (Санкт-Петербург).

Интерфейс портала — на русском английском и персидском языках (в настоящее время осуществляется работа над переводом описаний рукописей на персидский язык), планируется перевести интерфейс ресурса также и на арабский язык.

Кроме того, нельзя не упомянуть проект, посвященный оцифровке рукописей, хранящихся в *Фонде Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН* (Махачкала). О нем идет речь в этом же разделе данного журнала (см.: [7]).

Литература

1. Van Lit L. W. C. *Among Digitized Manuscripts. Philology, Codicology, Paleography in a Digital World*. Leiden: Brill, 2020 (Handbuch der Orientalistik, vol. 137).
2. Машру'ал-аршивар-ракмили-л-махтутат. URL: <http://manuscriptsmuseum.bibalex.org/StaticPages/digitalproj.aspx> (дата обращения: 15.05.2021).
3. Bayraktar A. Ç. İÜ Nadir Eserler Kütüphanesi Koleksiyonlarından Seçkin 8000 Yazma Eser Açık Erişimde. URL: <https://www.istanbul.edu.tr/tr/haber/iu-nadir-eserler-kutuphanesi-koleksiyonlarindan-sec-kin-8000-yazma-eser-acik-eris-47006C0066005800330065003100520067005800540039007900700046006200610041004F003200370077003200> (дата обращения: 20.05.2021).
4. Ястребова О. Персидская рукописная книга // Рукописная и ксилографическая книга Востока: очерки кодикологии / Под ред. М. С. Пелевина. СПб.: Свое издательство, 2015. С. 25–80.
5. Илюшина М. Ю. Арабская рукописная книга // Рукописная и ксилографическая книга Востока: очерки кодикологии / Под ред. М. С. Пелевина. СПб.: Свое издательство, 2015. С. 81–101.
6. Anikeeva T. A., Zaytsev I. V. “Manuscripta Islamica Rossica” — a New Electronic Resource of Arabic, Persian and Turkic Manuscripts from the collections of Russian Repositories and Libraries // *Archive ouverte Sciences de l’Homme et de la Société. Extended Abstracts of ELPUB 2020*, 24th edition of the International Conference on Electronic Publishing. Doha, Qatar, 2020. DOI: 10.4000/proceedings.elpub.2020.11
7. Мусаев М. А., Шихалиев Ш. Ш., Абдулмажидов Р. С. Опыт оцифровки и каталогизации Фонда восточных рукописей Фонда восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН // *Digital Orientalia*. 2021. Том 1. № 1. С. xx-xx.

References

1. Van Lit, L. W. C. *Among Digitized Manuscripts. Philology, Codicology, Paleography in a Digital World*. Leiden: Brill, 2020 (Handbuch der Orientalistik, vol. 137).
2. *Project of the Manuscripts’ Digital Archive*. URL: <http://manuscriptsmuseum.bibalex.org/StaticPages/digitalproj.aspx> (accessed on 15.05.2021) (in Arabic).
3. Bayraktar, A. Ç. İÜ Nadir Eserler Kütüphanesi Koleksiyonlarından Seçkin 8000 Yazma Eser Açık Erişimde. URL: <https://www.istanbul.edu.tr/tr/haber/iu-nadir-eserler-kutuphanesi-koleksiyonlarindan-sec-kin-8000-yazma-eser-acik-eris-47006C0066005800330065003100520067005800540039007900700046006200610041004F003200370077003200> (accessed on 20.05.2021) (in Turkish).
4. Yasrebova, O. “Persian Manuscripts.” In *Manuscripts And Woodblock Prints of the East. Essays on Codicology*, ed. M. S. Pelevin. St. Petersburg: Svoe Izdatelstvo, 2015. Pp. 25–80 (in Russian).
5. Ilyushina, M. Yu. “Arabic Manuscripts.” In *Manuscripts And Woodblock Prints of the East. Essays on Codicology*, ed. M. S. Pelevin. St. Petersburg: Svoe Izdatelstvo, 2015. Pp. 81–101 (in Russian).
6. Anikeeva, T. A., Zaytsev, I. V. ““Manuscripta Islamica Rossica” — a New Electronic Resource of Arabic, Persian and Turkic Manuscripts from the collections of Russian Repositories and Libraries.” In *Archive ouverte Sciences de l’Homme et de la Société. Extended Abstracts of ELPUB 2020*, 24rd edition of the International Conference on Electronic Publishing Doha, Qatar, 2020. DOI: 10.4000/proceedings.elpub.2020.11
7. Musaev, M. A., Shikhaliev, Sh. Sh., Abdumazhidov, R. S. Experience in digitization and cataloging of the Fund of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center RAS. *Digital Orientalia* 1-1. 2021. Pp. xx-xx (in Russian).

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ CONCEPTUAL APPARATUS OF THE DIGITAL AGE

Проблемы понятийного аппарата исторического знания¹ [®] Problems of the conceptual apparatus of historical knowledge [®]

Н. И. Быстрицкий

зав. Лабораторией комплексных
цифровых технологий

Институт востоковедения РАН

E-mail: nb@ivtan.ru

ORCID: 0000-0001-9002-4804

Nikolay I. Bystritskiy

Head of the Laboratory for Integrated Digital
Technologies

Institute of Oriental Studies RAS

Резюме. Совершенствование понятийного аппарата исторических исследований и категорий, специфических для исторического познания, становится сегодня важнейшим условием существования исторической науки. Ясность и строгость понятий в цифровой век приобретает особую актуальность как залог целостности и завершенности научного знания. В настоящей работе предпринята попытка анализа проблемных областей понятийного аппарата исторического знания, таких как: полисемия, синонимия, неопределенность, неточность, текучесть, витиеватость, расфокусировка, историческая обусловленность, бессвязность. Их прогрессирующее обострение ставит под угрозу научную коммуникацию и саму возможность взаимопонимания между исследователями. Ясно, что сегодня назрела необходимость качественного совершенствования языка историка. Одним из путей совершенствования видится включение в исследования раздела с понятийным аппаратом, содержащего максимально емкие, однозначные и точные определения. Наличие такого раздела в исторических трудах должно быть не исключением, а правилом.

Ключевые слова: историческое знание, историческая методология, понятийный аппарат, терминология, понятия, определения, язык историка, исторический тезаурус.

Abstract. The improvement of the conceptual apparatus of historical researches and categories specific to historical knowledge is becoming today the most important condition for the existence of historical science. The clarity and severity of concepts in the digital age is acquiring high relevance — this is the key to the logicity, accuracy and consistency of knowledge that forms the integrity and completeness of the building of any science. In this work, an attempt is made to analyze the common forms of modern ailments (problem areas) of the conceptual apparatus of historical knowledge, such as: polysemy, synonymy, uncertainty, inaccuracy, fluidity, ornateness, nondiscrimination, historical conditionality, incoherence. Their progressive exacerbation threatens scientific communication and the very ability of historians to understand each other. It is clear that today there is a need for a qualitative improvement of the historian's language (thesaurus of historical knowledge). One of the ways to improve is the inclusion in the study of a section with a conceptual apparatus containing the most capacious, unambiguous and precise definitions. The presence of such a section in historical works should be not an exception, but a rule.

Keywords: historical knowledge, historical methodology, conceptual apparatus, terminology, concepts, definitions, language of the historian, historical thesaurus.

¹ Данная статья представляет собой расширенный вариант доклада, прочитанного 22 мая 2019 г. на семинаре «Проблемы теории и методологии истории и социо-гуманитарного знания».

Те, кто серьезно желает искать или отстаивать истину, должны считать своим долгом изучить способы, как избежать от неясности, сомнительности, двусмысленности, которые, естественно, бывают в словах при отсутствии надлежащего внимания.

Джон Локк (1632–1704) [1, с. 568]

Дальнейшее совершенствование научной методологии сталкивается сегодня с накопленным комплексом проблем гуманитарного знания. Так, одним из существенных барьеров для развития гуманитарных наук уже давно продолжает оставаться отсутствие необходимого единства, согласия в сфере понятийного и категориального аппарата. Зачастую историки, философы, политологи, социологи под одним понятием подразумевают разные явления, либо наоборот — для описания конкретного явления пользуются разным понятийным аппаратом. У специалистов других наук складывается такое впечатление, как будто гуманитарии говорят на разных, малопонятных языках [2, с. 45]. Да и сами представители гуманитарных дисциплин зачастую с трудом понимают язык друг друга. Еще в начале прошлого века ситуация с научной терминологией выглядела бедственной, на что ясно указывал историк Илья Леонидович Смоленский: «1. Авторы исторических сочинений (и вообще историки) понимают термины не ясно; 2. они понимают их каждый по-своему» [3, с. 74]. Во всех красках ситуацию описывал экономист и философ Иосиф Александрович Давыдов:

Поистине печальное положение философской терминологии на русском языке слишком хорошо известно, чтобы нужно было особенно распространяться об этом. Даже вполне компетентные представители мысли, — не говоря уже о сонме некомпетентных — одни и те же термины передают нередко различным образом. Это лишний штрих из нашей общей некультурности. Такого серьезного дела, как выработка терминологии на русском языке, нельзя оставлять на волю стихийно развивающегося процесса. И нашим компетентным сферам — на первом плане Академии наук — давно пора было бы положить конец этому невозможному терминологическому разброду: к этому обязывает долг ученого и философа» [4, с. XX].

Прошло более века, и сегодня положение с гуманитарной терминологией, пожалуй, даже ухудшилось. Видный французский эксперт Эдгар Морен писал: «Я все более и более убеждаюсь и том, что понятия, которые мы используем, чтобы постигнуть наше общество — все общество, — изуродованы и поэтому неизбежно ведут к порочным действиям. Я все более и более убеждаюсь в том, что антропосоциальная наука нуждается в установлении в ней внутренних сочленений» [5, с. 30]. В наши дни открыто подчеркивается, что «кризисное состояние исторического познания возобновляется уже на протяжении более ста лет, фактически с того момента, когда были предприняты серьезные попытки обосновать его научный статус» [6, с. 57]. Таковой статус и теперь ставится под сомнение рядом ученых по той причине, которая «не дает истории право называться наукой в полном смысле этого слова, является ненаучный характер ее понятийного аппарата» [7, с. 82].

Понятно, что совершенствование понятийных форм, присущих предмету исторической науки и специфических для исторического познания, сегодня становится важнейшим условием существования самой исторической науки. Соответствие критериям научности само по себе подразумевает наличие и постоянное совершенствование понятийного аппарата [8, с. 87]. Не вызывает сомнения и положение о том, что «роль понятийного аппарата в историческом исследовании громадна» [9, с. 172]. Анализ любого достойного внимания исторического труда «ясно показывает незаменимую роль, которую играют понятия, категории и обобщения <...>

они абсолютно необходимы для попытки историка интерпретировать свой материал, поднять его над уровнем повествования и хронологии до статуса истинной истории» [10, pp. 161–162].

Таким образом, ясность и строгость понятий в наш цифровой век приобретает особую актуальность, ведь «здоровье понятийного аппарата — это залог логичности, точности, последовательности и непротиворечивости знания, образующего целостность и завершенность здания любой науки» [11, с. 3]. В свое время видный французский историк Марк Блок посвятил специальный раздел своего знаменитого труда болезням исторической терминологии. В этом разделе мы находим целый перечень «симптомов»: «калькирование терминологии прошлого», «приверженность к унаследованному слову» (традиционализм), «терминология, навязанная прошлому», «в заимствованиях нет единства», «не располагает системой символов, не связанной с каким-либо национальным языком», «билингвизм», «названия меняются во времени и в пространстве вне всякой связи с изменениями в самих вещах», «двусмысленность и мнимая точность» описания зыбких социальных реальностей, «случайно данные определения», оперирование «терминами, лишь изредка имеющими точно установленный смысл», «эмоциональные излучения» и «инстинктивное» употребление [12, с. 89–107]. Далее мы попытаемся обратиться к прояснению некоторых распространенных форм современных недугов (проблемных областей) понятийного аппарата исторического знания.

Полисемия. Не требует разъяснения, что любой научный термин² в противовес слову обыденного языка должен обладать максимально понятным, ограниченным и твердо фиксированным содержанием. Такое содержание сохраняется у термина вне зависимости от контекста, в то время как значение обычного слова уточняется лишь в определенном контексте в сочетании с другими словами. Между тем, в терминологии различных областей знания весьма часто имеет место ситуация, когда один термин имеет несколько значений, служит обозначением для двух, трех, а иногда и более понятий. Образованию полисемии способствовал ряд моментов. Так, термины, используемые сегодня в гуманитарных науках, имели свое изначальное историческое содержание, затем оно эволюционировало, размывалось и расширялось, а развившаяся в XX в. многовариантность и многоаспектность социального знания породила многообразие подходов и теорий, в рамках которых стали бесконтрольно плодиться различные трактовки используемых терминов [13]. Вместе с этим, как указывает известный британский историк Питер Берк, проблема различных пониманий одного и того же термина возникала из-за того, что историки, привлекая методики смежных наук, привносили также беззаботно и их терминологию, плодя множественные ситуации вариативной интерпретации одного и того же термина [14, 90].

Возьмем простой пример. Две с половиной тысячи лет назад «отцы истории» Геродот и Фукидид посвятили свои труды освещению происходивших событий своего времени. Они полагали, что правдивое описание событий является первостепенной задачей историка, истинным содержанием исторического знания [15, с. 11; 16, с. 7]. И сегодня событие можно считать краеугольным камнем общественного исторического процесса [17, с. 20]. Однако зададимся вопросом: каково же содержание термина «событие» в современной исторической науке? Для его прояснения обратимся к современной научной и учебной литературе. Здесь нас подстерегает неожиданное разочарование: ведь историки до сих пор так и не пришли к единой точке зрения. Можно насчитать десятки различных трактовок и интерпретаций³. Каждый автор

² Термин (от *лат.* *Terminus* — границы, пределы, конечная цель) — название определенного понятия какой-нибудь области [64, с. 795] Превращение слов в термины называют терминологизацией, которая происходит посредством их связи с содержанием понятия, определением [65, с. 508].

³ Формат статьи не позволяет рассмотреть здесь собственно все варианты определений из различных учебных и справочных пособий, но мы приводим ссылки на некоторые из них. Ср.: [66, с. 459; 67, с. 37; 68, с. 121–122; 69, с. 445–446; 70, с. 134].

подходит со своей «оптикой», вкладывает свой смысл и по-своему видит содержание этого термина. В сложившейся ситуации молодому исследователю приходится каждый раз шараться от одного определения к другому.

Предельно ясно, что любая ситуация полисемии вредна для науки. «Нет большего препятствия для прогресса знания, чем многозначность понятий» — заметил шотландский философ Томас Рид [18, р. 219]. Конечно, степень вредности той или иной многозначности терминов различна. В то время как некоторые из них вызывают лишь затруднение при чтении литературы, нарушают взаимопонимание, ограничивают возможность коммуникации среди ученых, другие ведут к поверхностности, логической противоречивости, абсолютной шаткости представлений и даже к более тяжелым научным ошибкам и конфликтам.

Синонимия. Не меньшее распространение, чем полисемия, в науке получила синонимия, при которой для одного понятия существуют два, три и более термина. Синонимия опасна тем, что в один из этих терминов вкладывается содержание или более узкое, чем в другой, или более широкое, или, наконец, совершенно иное. Не вызывает сомнений, что в живом «языке не может существовать двух слов, совершенно равносильных и тождественных в выражении одного и того же понятия» [19, с. 620]. Как справедливо отметил известный востоковед, «если одно и то же явление именуется «историей» и «историографией», «историческим интересом» и «идеей истории», «историописанием» и т. д., то такое терминологическое многоголосие порождает дополнительные «шумы» в и без того перегруженных коммуникационных каналах современного человека. Кроме того, терминологическая пестрота, вероятно, свидетельствует о нечеткости, неопределенности в понимании самого обозначаемого явления» [20, с. 9]. Синонимия может быть допустима только в случае, когда из двух терминов один является краткой формой другого, но не выражает никакого иного понятия — ни по буквальному значению входящих в его состав слов, ни по содержанию самого термина в целом [21, с. 22]. Важно при введении нового термина или его заимствовании тщательно проверить, не имеется ли уже в другой научной, философской или технической области термина для данного или аналогичного понятия. Наличие синонимии может говорить о незавершенности, недостаточной продуманности и ясности идей исследователя.

«Неопределенность». Безусловно, для научного текста жизненно важно, чтобы его содержание было понятно как самому автору, так и его читателям, а лучше — понималось бы сходно с идеями самого автора. Ведь и само слово «понятие» происходит от «понимать». Такое положение вещей может быть достигнуто только в том случае, если используемые в тексте понятия обладают однозначным и твердо фиксированным содержанием, доступным для всех участников. Однако известно, что любое понятие может иметь несколько иное содержание у разных людей, даже если они принадлежат к одному и тому же культурному и интеллектуальному полю. Это происходит из-за того, что каждое понятие проходит через «горнило индивидуальности» и в силу различного опыта трактуется и применяется каждым человеком слегка по-своему. Швейцарский психолог Карл Густав Юнг отмечал, что «до тех пор, пока понятие исчерпывается своим названием, вариации в его понимании почти не ощутимы и не имеют практического значения. Однако, как только оно требует точного определения или тщательного объяснения, то появляются самые невероятные трактовки, и не только в чисто интеллектуальном понимании термина, но особенно в его эмоциональной окраске и способе применения. Как правило, эти различия являются неосознаваемыми и таковыми остаются» [22, с. 37]. Отмеченная индивидуальная вариативность понятий в научной коммуникации может приводить к эффекту полного или частичного непонимания [23, с. 201]. Состояние непонимания как нарушения системы коммуникационного взаимодействия рассматриваются специалистами как неопределенность [24, с. 67]. Историк И. Л. Смоленский отмечал: «В науках, подобных истории, неопределенность терминов настолько велика, что <...> никакое другое лицо, да и

сам говорящий не знает с точностью, что он желает утверждать» [3, с. 75]. Неопределенность может усугубляться и наличием чисто исследовательских терминов, которые не имеют твердо зафиксированных значений.

В действительности можно наблюдать ситуации полной, частичной и перплексной неопределенности. Полная характеризуется тотальным незнанием содержания понятия, частичная — недостаточным представлением, а перплексная — наличием множества представлений (определений), не совместимых друг с другом, и выраженная в затруднении выбора адекватного среди них. «Чем больше возможных вариантов выбора, тем большей неопределенностью» оборачивается для читателя трактовка какого-либо термина [25, с. 120].

Не вызывает сомнений, что в научной коммуникации неопределенность должна быть минимизирована, а, следовательно, в тексте научной работы должны приводиться определения используемых понятий. Особенно наличие определений критично для понятий базового уровня. Ведь центральные понятия исследования всегда основываются на точно взвешенных базовых понятиях [26, с. 77], без определения которых все остальные построения имеют мало смысла. «Кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «наткаться» на эти общие вопросы. А наткаться слепо на них в каждом частном случае — значит обрекать свою политику [сиречь «науку». — Н. Б.] на худшие шатания и беспринципность» — предупреждал известный мыслитель и политический деятель [27, с. 368].

Вернувшись к нашему примеру, мы можем легко убедиться, что в массе современных методологических трудов и учебников определения базовых понятий, например, таких как «событие», вовсе отсутствуют или заменяются приблизительными объяснениями [28]. В этой прискорбной ситуации провидческими оказываются слова М. Блока: «Конечно, все дело в определении. В определении, которое, как на грех, слишком часто забывают сформулировать» [12, с. 20]. Видимо члены гильдии гуманитарного знания стараются подражать римским юристам: «Omnis definitio periculosa est»⁴, или солидаризируются с персонажем романа Бенджамина Дизраэли, которая восклицала: «Ненавижу определения!» [29, р. 42 (book II, ch. 6)]. Однако такая антипатия никоим образом не извиняет настоящего профессионала. Да, и в наше время многие авторы, претендующие на принадлежность их трудов к науке, не удосуживаются указать свои исходные «системы отсчета», не задаются даже вопросом: на какой понятийной базе они осуществляют свои сопоставления, сравнения, получение нового знания. Такую аморфность, расплывчатость, неопределенность теперь принято успешно оправдывать мультипарадигмальностью подходов [11, с. 3]. Модный сегодня свободный синтез различных методов и интерпретаций ставит под угрозу научную коммуникацию и саму возможность ученым понимать друг друга.

Ведущий отечественный историк Ксения Владимировна Хвостова указывает, что «истинность и объективность исторических выводов может быть констатирована только, если работа правильно организована. В ней должно содержаться определение используемых понятий... Только подобная работа принимается сообществом историков как аргументированная и соответствующая научным критериям. Если понятия, используемые в историческом дискурсе, не определены, дискуссия бессмысленна, так как ее участники могут вкладывать в одни и те же понятия разное содержание. В такой дискуссии лишь создается иллюзия, что спор идет о существе проблемы, в действительности он идет о наименованиях» [30, с. 32–33].

Неточность. Обычно в исследованиях большинство терминов являются недостаточно точными, не содержащими достаточных и необходимых признаков, подчеркивающих специфику определяемого понятия. Часто используют термины «нестрогие, опытным путем уста-

⁴ «Всякое определение чревато опасностью». Приписывается Луцию Яволену Приску [71, с. 563 (Dig. 50.17.202)].

навливаемые значения слов естественного языка» [31, с. 360]. В этой связи французский энциклопедист Дени Дидро заметил: «Если же мы не располагаем точными понятиями, напрасны будут все наши старания и осмотрительность, мы всегда окажемся в замешательстве» [32, с. 235].

Извинительным обстоятельством тому, что в гуманитарных науках отсутствуют четко очерченные понятия, пытаются представить их не относимость к точным наукам [33, с. 219]. Но для любой науки является истинным: чтобы мысль ученого была понята и получила признание, она должна быть ясно сформулирована. «Мышление есть познание через понятия» — утверждал выдающийся философ Иммануил Кант [34, с. 102 (П.1.В94)]. О каком же научном мышлении может идти речь, когда ученые зачастую сами четко не осознают о чем говорят. Сегодня исследователи любят пользоваться общими понятиями с нечеткими, размытыми границами значений. Они настолько не связаны с конкретной действительностью, что могут быть вставлены практически в любой контекст, сфера их пользования практически безбрежна, поэтому их называют словами-амебами. Возьмем, для примера, понятия: «демократия», «социальные идентичности», «толерантность», «колонизация», «цивилизованный», «гражданское общество», «национальные интересы» и т. п. Это понятия настолько абстрактные, что по-настоящему не имеют связи с реальными вещами (миром) и обычно используются для обозначения неясных феноменов и для различных манипуляций [35, с. 85]. Специалисту следует крайне осмотрительно пользоваться такими словами, а если все-таки возникла необходимость — четко разграничить их в определении.

Понятийный аппарат науки оказался сегодня неточным, отчасти и потому, что стало модно тратить время над осмыслением отправных пунктов — теоретической и методологической базой исследования. Под точностью следует понимать адекватность термина, как инструмента научного познания, тем задачам, для решения которых он применяется [33, с. 219]. Отечественный историк Ефим Борисович Черняк предложил различать научные термины на точные и приблизительные, имеющие неопределенное содержание [36].

На практике, чтобы сформировать точный и однозначно истолковываемый термин, «необходимо избранное конкретное понятие дополнительно ограничить по содержанию», т. е. свести содержание к минимуму признаков и качеств [37, с. 369]. Когда многозначность и многогранность смыслов велика, это говорит о том, что эти понятия сырые и их надо уточнять, расчленять на более точные [38, с. 249]. Известно, что один из наиболее важных способов уточнения смысла связан с «расщеплением» понятий (на два или большее их число) в соответствии с их спецификой. Такое деление понятий является естественным следствием «растущей концептуализации научного опыта, обусловленной его разнообразием» [39, с. 30]. Определить феномен — значит поставить некий четкий предел, провести точные границы. Чем выше научный статус и чем более тщательно исследована некоторая область, тем более уточнены понятия и категории, обозначающие ее феномены.

«Текучесть». В свое время французский просветитель Жан-Жак Руссо подметил: «занимаясь сочинительством, я сотни раз думал, что в длинном произведении невозможно употреблять слова всегда в одном и том же значении» [40, с. 88; 41, с. 79]. В литературном творчестве явление, отмеченное Руссо, приемлемо и, возможно, даже продуктивно, в философии — возможно, а вот в исследовании, претендующем на научный характер — зловеще. Имеющая место вариативность содержания понятия, когда оно меняется («течет») по ходу текста работы, где в одном месте конкретному слову приписывается один смысл, а в другом — уже иной, не приводит к ясности понимания текста. Когда автор по ходу работы «самовластно расширяет, сужает, искажает значения, не предупреждая читателя и не всегда сознавая это» сам [12, с. 99], возникает опасность существенного когнитивного диссонанса. При таком дискурсе приходится всякий раз гадать, что имел в виду автор, в определенном месте работы употребляя, например, то или иное слово. Так практически стирается различие между научной коммуникацией и малообязываю-

щими вольными разговорами на околонуточные темы. В итоге происходит релятивизация научных понятий, внедряется «свободный» дискурс, при котором утрачивается возможность получения полезного знания — нормой становится непонимание идей и представлений авторов [11, с. 4].

«Витиеватость». Французский мыслитель Жан Боден оптимистично считал, что история включает в себе все науки, но только изложенные понятным и неспециалисту языком [42, с. 66; 43, с. 16]. Шли века, язык историка «совершенствовался». Сегодня его можно считать понятным с очень большой натяжкой. Современный язык историков пестрит профессиональными жаргонизмами и необоснованными иностранными заимствованиями, плеоназмами и эвфемизмами⁵, языковым жеманством и претенциозными стилистическими прикрасами. Складывается ситуация, когда многие исследователи пытаются «говорить о всем известных вещах на собственном кокни». Как отмечают специалисты, в современной научной литературе происходит засилье «птичьего языка» [44, с. 105]. Смысл этого выражения не следует связывать ни с сигнальными сообщениями, ни, тем более, с аллегориями выдающейся поэмы «Язык птиц» [45]. Оно означает ситуацию крайнего непонимания. «Понимать нельзя — птичий язык» — так живо охарактеризован язык русской философской мысли середины XIX в., изобилующий терминами, понятными только «специалистам»⁶. Последующие десятилетия существенно «обогатили» язык гуманитариев.

В конце XX в. неудобопонимаемые слова стали отличительным знаком претензии историков на сакральное, понятное только «посвященным» знание. В действительности «такая претензия лишь прикрывает «интеллектуальную срамоту», то есть отсутствие мысли и смысла» [42, с. 67]. Еще «патриарх» русской истории Василий Осипович Ключевский подметил, что «мудрено пишут только о том, чего не понимают» [46, с. 399]. Сегодня отмечается, что язык историка «принял совершенно закрытый характер; общение исследователей друг с другом происходит на уровне принятых ими дефиниций, зачастую уродующих и искажающих конкретно-исторический материал» [47, с. 162]. Таким вот путем историки сами для своих же идей создают герменевтическую проблему, когда, благодаря неверному прочтению или неточному пониманию значения слов, изложенные ими мысли не вызывают должного доверия [23, с. 201].

Все еще продолжает считаться модным включение в текст работы иностранных заимствований. Некоторые исследователи, в ряде случаев, вводят в качестве терминов такие слова, как «инспирации», «медиатор», «медиэвализмский», «модерность», «партиципация», «перформирование» и пр., и пр., не озаботившись прояснить причину и смысл их появления. Им, видимо, представляется, что при использовании незнакомых ранее слов банальные мысли вдруг оказываются подкрепленными авторитетом науки [35, с. 85]. Другие авторы пытаются использовать идеологический контекст, считая себя «новаторами», «творцами новых смыслов», отмежевываясь от старых, не модных более парадигм, а в большинстве своем — выступая популярами иностранных идей. И при переводе иноязычной литературы возникают ситуации, когда благодаря интеллектуальной лени переводчики зачастую не затрудняются подбором слов русского языка, ведь легче просто их транслитерировать.

Еще великий Александр Сергеевич Пушкин отмечал:

⁵ Плеоназм (от др.-греч. πλεοναζμός «излишний, излишество») — оборот речи, в котором происходит дублирование некоторого элемента смысла; наличие нескольких языковых форм, выражающих одно и то же значение. Эвфемизм (от греч. εὐφροσύνη «благоречие» ← др.-греч. εὖ «хорошо» + φῆμι «речь, молва») — нейтральное по смыслу и эмоциональной «нагрузке» слово или описательное выражение, обычно используемое в текстах и публичных высказываниях для замены других, считающихся неприличными или неуместными, слов и выражений.

⁶ Автор этого выражения профессор астрономии Московского университета Дмитрий Матвеевич Перевощиков так в 1844 г. иронично обозначил заумность философской фразеологии [72, с. 149].

Сокровища родного слова, —
Заметят важные умы, —
Для лепетания чужого
Безумно пренебрегли мы.
Мы любим муз чужих игрушки,
Чужих наречий погремущи... [48, с. 440].

Теоретик литературы Виссарион Григорьевич Белинский предостерегал, что «охота пестрить русскую речь иностранными словами без нужды, без достаточного основания противна здравому смыслу и здравому вкусу, но она вредит не русскому языку и не русской литературе, а только тем, кто одержим ею» [49, с. 281–282]⁷. «Не очень-то приятно видеть, как ученые засоряют свою речь иностранными словами по примеру сочинителей сельских романов, которые, стараясь передать крестьянский говор, сбиваются на жаргон, равно чуждый и деревне, и городу», — признавался М. Блок [12, с. 92]. Так, при замене русских слов иностранными, не учитывающими сложившуюся систему научного языка, наблюдается понижение статуса обозначаемых ими феноменов.

В некоторых работах наблюдается неумеренная погоня за театральностью и зрелищностью исторического текста в ущерб его научной точности. Увлечение образными, яркими и выразительными картинками прошлого, различными притянутыми сравнениями, оценками и гиперболами может стать причиной существенного искажения исторической действительности. Другие работы изобилуют красивыми фразами, без наблюдаемого смысла, логической связности и последовательности — мешанина ярких слов для заполнения пространства текста. Средствами украшения научного текста надо пользоваться к месту и с великой осмотрительностью чтобы не получалось так, как подмечал выдающийся филолог Дмитрий Сергеевич Лихачёв, когда ««красоты стиля» часто служат простой заменой отсутствующей мысли» [50, с. 570].

Расфокусировка, или неразличение. Печальная ситуация складывается, когда философы, а вслед за ними историки смешивают различные категории, именуя их одинаковым образом. Особенно опасной для ученого представляется нечеткая дифференциация онтологических и гносеологических (психических) категорий. Ведущий отечественный историк Михаил Абрамович Барг в свое время указывал на существенную неосознаваемую ошибку — «недифференцированность терминологии, приводящая к постоянному смешению понятий». Он верно полагал, что история как наука невозможна при забвении различий между представлением о вещи и бытием самой вещи, «т. е. в случае отождествления научной абстракции и действительности, от которой она отвлечена». Например, такие совершенно разные понятия, как: явление окружающей действительности, его отражение в психике индивида, новостные сообщения СМИ и сформированные представление социума об этом явлении могут именоваться исследователями единым термином. При этом «принципиальное различие, естественно, затуманивается, когда пытаются в одно определение включить не только отражаемое и отражение, но и суть самого процесса отражения» [9, с. 150–151].

Более того, философы часто путают историческую действительность (прошлое) и реальность, воссоздаваемую историками (современность). Так же, как небезосновательно подметил философ Франклин Анкерсмит, современный постмодернистский дискурс стремится подменить реальность прошлого «эффектом реальности»: «при нашем современном способе говорить об информации намечается тенденция отодвигать на задний план действительность,

⁷ Далее В. Г. Белинский отметил: «Простолюдины не понимают многих чисто русских слов, которых смысл вне тесного круга их обычных житейских понятий, например: «событие», «современность», «возникновение» и т. п., и хорошо понимают иностранные слова, выражающие относящиеся к их быту или не чуждые его понятия, например: «пачпорт», «билет», «ассигнация», «квитанция» и т. п.».

которой касается эта информация. Реальностью теперь является сама информация, а не действительность, скрытая за ней. Это дает информации свои собственные автономность и реальность» [51, с. 146]. Как показывает практика, в массе случаев из контекста исследования не вытекает, какой именно смысл приписывает автор конкретному понятию, и читателям остается только строить догадки на сей счет. При этом происходящее соединение полисемии (обладании термином множеством смыслов) и текучести (изменчивости и ускользания смысла) умножает негативные стороны этих недугов. В результате такой «терминологической интервенции» философия оказывает на историческую науку «дурманящее» воздействие, которое не добавляет ясности в ее язык, несомненно, обостряя проблему понимания [42, с. 67].

Традиция, или историческая обусловленность. Проблемой особого рода является глубокая историчность понятийного аппарата, заключающаяся в том, что любые категории и понятия являются плодами становления мировоззрения общества, которое со временем само меняется, и изменяет содержание своих плодов. Так, понятия, содержащиеся в исторических источниках, наиболее точно и адекватно отражали ситуацию изучаемой эпохи — могли иметь четкий и понятный смысл в те времена, а сегодня их смысл существенно эволюционировал. Тем не менее, сложившаяся многолетняя традиция стремится транслировать терминологию прошлого в современность. Однако ясно, что как невозможно, опираясь на смысл византийских категорий, пытаться объяснять процессы современного общества, так некорректно с помощью сугубо современных понятий раскрывать формы общественного устройства Византии. Проблему исторической обусловленности глубоко осознавал М. Блок: «Чтобы дать названия своим действиям, верованиям и различным аспектам своей социальной жизни, люди не дожидались, пока все это станет объектом беспристрастного изучения. Поэтому история большей частью получает собственный словарь от самого предмета своих занятий. Она берет его, когда он истрепан и подпорчен долгим употреблением, а вдобавок часто уже с самого начала двусмыслен, как всякая система выражения, не созданная строго согласованным трудом специалистов» [12, с. 90]. Эти мысли продолжил его коллега Люсьен Февр: «Любопытно отметить, что сегодня <...> мы упорно и с важным видом спорим по поводу метафор, пришедших к нам из глубины веков, тяжелых, давящих, непригодных» [52, с. 31].

Не вызывает сомнения, что имеющиеся в распоряжении конкретной эпохи исторические понятия, отражающие объекты и явления, изучаемые исторической наукой, имеют пределы своей применимости и могут адекватно выступать базисом исследования только с учетом точных временных и пространственных границ их использования [53, с. 36]. Научные термины, считавшиеся когда-то четкими и безукоризненными, могли изменить свой смысл и содержание, т. е. перестали быть качественными средствами познания [54, с. 55]. Они, как и вещи, живут своей жизнью: могут устаревать, выходить из моды, исчезать и появляться вновь в новом качестве. Поэтому на исследователя ложится дополнительная терминологическая нагрузка по прояснению смысла и сущности того реального исторического феномена, который обозначается тем или иным термином [42, с. 68].

Бессвязность. М. Блок, ссылаясь на философа Николая Мальбранша, указывал, что подлинными науками признаются лишь те, «которым удастся установить между явлениями логические связи». И, в этой связи история «вправе требовать себе место среди наук лишь в той мере, в какой она сулит нам вместо простого перечисления, бессвязного и почти безграничного, явлений и событий, дать их некую разумную классификацию» [12, с. 9–10] и установить понятные сочленения между ними. Научно определить какое-либо понятие можно, лишь точно указав место, которое это понятие должно занимать среди других понятий, установив все совокупности связей с ними, — вот почему терминология любой научной отрасли являет не произвольную совокупность отдельных выражений, а специализированную терминологическую систему. При этом необходимо уделять должное внимание вопросу

классификации, так как каждому термину следует иметь вполне определенное место в иерархии системы (по соподчиненности с другими терминами). Термины, включаемые в состав такой системы, должны стараться в полной мере отражать те объективные связи, которые существуют между соответственными феноменами [55, с. 5]. Следует также обращать внимание на уровень диффузности термина, уяснять перекрытие его содержания с другими терминами. Нередко вопросами связанности и взаимоувязанности терминов в исторических трудах просто пренебрегается. Представленные в них определения сформулированы так, что в них используются понятия, которые сами определяются через данное понятие или через неопределённые понятия, требующие еще своего определения. В ряде конкретных случаев наблюдается заикливание определений, рельефно описанное историками Ириной Максимовной Савельевой и Андреем Владимировичем Полетаевым на примере казуса с «сепульками» из рассказа фантаста Станислава Лемма [56, с. 71; 57, с. 105]. Бесспорно, составление взаимоувязанной терминологической системы является подлинным научным творчеством.

* * *

Уже обозревая приведенный перечень, можно наблюдать целый букет проблемных областей в сфере понятийного аппарата исторического знания, каждый из которых заслуживает отдельного исследования. Предельно ясно, что неупорядоченность терминологии, разноречивость вызывают «ненужные споры между представителями разных школ и направлений — от досадных до комичных недоразумений» [44, с. 103]. Ввиду этого, методичная работа по совершенствованию языка историка (тезауруса исторического знания), углублению понимания переменчивости и конкретности содержания понятий является важнейшей функцией исторической науки. Конечно, хотелось бы в этой деятельности, как выразился И. А. Давыдов, положиться на наши компетентные сферы в Академии наук, например, на авторитет Комитета научной терминологии в области фундаментальных наук РАН⁸. Однако признаков деятельности этого академического органа сегодня обнаружить не удастся. Да если бы он интенсивно и функционировал, то очередь до гуманитарных наук дошла бы еще не скоро.

В современной ситуации вся «тяжесть» разрешения проблем понятийного аппарата оказывается в руках профессионального научного сообщества историков. Хотелось бы надеяться на то, что каждый его представитель будет ответственно подходить к этой задаче. Ведь, кажется, не вызывает сомнения, что достойный ученый, уважающий свою профессию, заботящийся о своих коллегах по цеху, и не относящийся безразлично к творческому росту учеников и последователей, стремится сделать максимально понятными идеи своего исследования: он продумывает его структуру и концептуальный базис, и непременно определяет используемые понятия. Наличие раздела с понятийным аппаратом, содержащего максимально емкие, однозначные и точные определения должно стать нормой для трудов историков [58, с. 137–138]. Соблюдение этого принципа предельно важно для учебников и квалификационных работ, где наличие такого раздела должно стать непреложным формальным требованием. Это позволило бы придать большую ясность, четкость, целостность и осмысленность таким трудам.

В качестве практического подспорья можно рекомендовать коллегам по цеху ряд простых, но действенных правил:

1. Включать в структуру работы раздел «Термины и определения».
2. Если используемый термин имеет четко установившееся, общепринятое научное значение, следует употреблять его именно в этом значении [3, с. 76–77]. Целесообразно при этом сослаться на работу, где содержится его точное определение.

⁸ Комитет был основан в 1933 г. как Комитет научно-технической терминологии АН СССР. С 1933 по 1990 гг. было выпущено 110 сборников рекомендуемых терминов.

3. Если термин не обладает общепринятым значением, то автор может употреблять его в том значении, какой ему представляется правильным — но всегда в одном и том же, и с обязательным определением.

4. Если в существующей научной терминологии не имеется термина с соответствующим или близким значением, можно создать новый, дав ему строгое определение. В случае, когда существующее определение представляется не вполне отражающим содержание используемого термина, рекомендуется также создать новый термин, четко определив границы его значения.

5. Необходимо стремиться к предельной точности и ясности определений. Здесь нужна «величайшая осмотрительность при определении понятия» [59, с. 83].

6. Термин и его составные части должны применяться по тексту работы только в одном значении.

7. В понятийном аппарате должны быть, безусловно, устранены полисемия и синонимия.

8. Украшение слога и витиеватость уместны исключительно с целью облегчения чтения. Произведение должно «изобиловать количеством мыслей, а не украшений, которые допускать только тогда, когда ими выражается особенная мысль или действительно усиливается выражение» — наставлял известный педагог и математик Николай Иванович Лобачевский [60].

9. Отдавая отчет в том, что «понятия и категории науки имеют своеобразную родовую память и привязанность к истоку» [61, с. 245], в исследовании следует уяснять и четко разграничивать их вариативное содержание в изучаемую историческую эпоху и в современности.

10. Используемые термины должны быть взаимоувязаны и включены в единую систему. В каждом определении можно пользоваться лишь терминами, ранее определенными или известными, которые не вызывают сомнений в точности и определенности их содержания. Таким образом, чтобы идея получила признание, она должна быть «точно сформулирована в терминах определенной системы и включена в нее без противоречий» [62, с. 124].

Будем же стремиться к такому состоянию, при котором по выражению известного писателя и популяризатора науки Айзека Азимова: «Научный словарь должен стать одной из привлекательных, а не отпугивающих сторон науки» [63, с. 10–11].

* * *

Настоящей публикацией автор хотел бы пригласить специалистов различных областей знания, небезразличных к состоянию научной методологии, к открытой дискуссии об ее текущем статусе и полноценном совершенствовании. Надеюсь, что страницы журнала будут удобной площадкой для системного обсуждения и уточнения понятий и категорий исторического и шире — гуманитарного знания.

Литература

1. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Сочинения. В 3-х т. М.: Мысль, 1985. Т. 1.
2. Блосфельд Е. Г. Заметки о некоторых проблемах исторической науки // Известия Саратовского ГУ. Нов. сер. Серия: История. Международные отношения. 2013. № 1. С. 44–46.
3. Смоленский И. История как наука и как предмет преподавания (Переоценка исторических знаний). Историко-методологический этюд. Одесса, 1905.
4. Давыдов И. А. Предисловие переводчика // Зигварт Х. Логика. СПб., 1908.
5. Морен Э. Метод. Природа Природы. М.: Прогресс-Традиция, 2005.
6. Зубова И. Л. Современное состояние исторической науки: о некоторых результатах поиска новых парадигмально-методологических ориентаций // Фигуры истории, или «общие места историографии». Вторые Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. СПб., 2005. С. 57–65.
7. Будцын И. В. Вопрос о природе исторических понятий на страницах журнала «History and Theory» (60–70-е гг.) // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 19. Томск: ТомГУ, 1990. С. 82–98.
8. Подлевских Л. Г. Понятийно-категориальный аппарат теории исторического познания: проблемы и перспективы // Терминология исторической науки. Историописание. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 80–114.
9. Барз М. А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984.
10. Carey B. J., Rescher N. The Problem of Uniqueness in History // History and Theory. 1961. Vol. 1, No. 2. P. 150–162.
11. Тоценко Ж. Т. О понятийном аппарате социологии // Социологические исследования. 2002. № 9. С. 3–16.
12. Блок М. Апология истории или Ремесло историка. М.: Наука, 1986.
13. Косолапов В. В. Информационно-логический анализ научных исследований. Киев: Наукова думка, 1968.
14. Берк П. «Новая история», ее прошлое и будущее // Альманах всеобщей истории XVI–XX вв. Екатеринбург, 2004. С. 87–115.
15. Геродот. История в девяти книгах. М.: Наука, 1972.
16. Фукидид. История. Л.: Наука, 1981.
17. Быстрицкий Н. И. Естественнонаучные подходы к получению и анализу цифровых данных византийской истории // Естественнонаучные методы в цифровой гуманитарной среде. Пермь: ПГНИУ, 2018. С. 19–22.
18. Reid T. The Works of Thomas Reid, now fully collected, with selections of his unpublished letters / Eds. Hamilton W., Stewart D. 3rd edition. Edinburgh: Maclachlan and Stewart; London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1852.
19. Белинский В. Г. Общее значение слова литература // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 5. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
20. Вейнберг И. П. Рождение истории. Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н. э. М.: Наука, 1993.
21. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
22. Юнг К. Г. и др. Человек и его символы. М.: Серебряные нити, 1997.
23. Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004.
24. Соловьев О. Б. Неопределенность: интенциональные и аспектуальные горизонты понимания // Вестник Новосибирского ГУ. Серия: Психология. 2008. Т. 2. Вып. 1. С. 63–67.
25. Урманцев Н. М. Свобода человека и неопределенность его выбора // Вестник Тюменского ГУ. 2007. № 2. С. 116–121.
26. Сидорцов В. Н. Научный язык историка как проблема // Смена парадигм в историографии XIX — начала XXI в.: Сб. науч. ст. к 60-летию профессора А. Н. Нечухрина. Гродно: ГрГУ, 2012. С. 75–83.
27. Ленин В. И. Отношение к буржуазным партиям // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: ИПЛ, 1972. Т. 15.
28. Румянцева М. Ф. Теория истории. Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2002.
29. Disraeli B. Vivian Grey. N. Y.: George Routledge and Sons, 1900.

30. Знание о прошлом в современной культуре (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 3–45.
31. Горский Д. П. Проблемы общей методологии наук и диалектической логики. М.: Мысль, 1966.
32. Философия в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера. М.: Наука, 1994.
33. Бугорская Н. В. Еще раз о точности термина // Сибирский филологический журнал. 2008. № 3. С. 211–219.
34. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения. Т. 3. М.: ЧОРО, 1994.
35. Кара-Мурза С. Г. Власть манипуляции. М.: Академический Проект, 2009.
36. Черняк Е. Б. История и логика (Структура исторических категорий) // Вопросы истории. 1995. № 10. С. 29–43.
37. Соловьев В. Д. и др. К вопросу об определении термина // Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики. М., 1971. Ч. 2. С. 365–370.
38. Свидерский В. И. Элементы и структура как категории диалектики // Диалектика и логика научного познания. М.: Наука, 1966. С. 245–272.
39. Новоселов М. М. Абстракции в лабиринтах познания. (Логический анализ). М.: Идея-Пресс, 2005.
40. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании. СПб.: тип. «Север», 1912.
41. Сталь Ж. де. О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями. М.: Искусство, 1989.
42. Лаптева М. П. Язык историка и проблема понимания // Фигуры истории, или «общие места» историографии. Вторые Санкт-петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. СПб.: Северная звезда, 2005. С. 66–71.
43. Боден Ж. Метод легкого познания истории. М.: Наука, 2000.
44. Бобкова М. С. Терминологический инструментарий исторической науки: к постановке проблемы // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 13 (84). Вып. 15. С. 102–108.
45. Навои А. Язык птиц. СПб.: Наука, 1993.
46. Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М.: Наука, 1968.
47. Актуальные теоретические проблемы современной исторической науки // Вопросы истории. 1992. № 8–9. С. 159–166.
48. Пушкин А. С. Из ранних редакций // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 5. Евгений Онегин. Драматические произведения. Л.: Наука, 1978.
49. Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 10. М.: Изд-во АН СССР, 1956.
50. Лихачев Д. С. Прошлое — будущему. Статьи и очерки. Л.: Наука, 1985.
51. Анкерсмит Ф. Р. Историография и постмодернизм // Современные методы преподавания Новейшей истории. М.: ИВИ РАН, 1996. С. 142–163.
52. Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991.
53. Миньяр-Белоручева А. Л. Язык историка. М.: Изд-во МГУ, 2001.
54. Ракитов А. И. Анатомия научного знания. М.: Политиздат, 1969.
55. Лотте Д. С. Некоторые принципиальные вопросы отбора и построения научно-технических терминов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
56. Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб.: Наука, 2003.
57. Лем С. Звёздные дневники Ийона Тихого. Путешествие четырнадцатое // Лем С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. М.: Текст, 1994.
58. Смоленский Н. И. Рациональное и эмоциональное в языке историка // Исторические записки. 1999. № 2. С. 137–148.
59. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. СПб., Наука, 1997.
60. Лобачевский Н. И. Научно-педагогическое наследие. Руководство Казанским университетом. Фрагменты. Письма. М.: Наука, 1976.
61. Лаптева М. П. Теория и методология истории: курс лекций. Пермь: Пермский ГУ, 2006.
62. Кюнг Г. Онтология и логический анализ языка / Пер. с нем. и англ. яз. А. И. Никифорова. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.

63. Азимов А. Язык науки. М.: Мир, 1985.
64. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2003.
65. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: СЭ, 1990.
66. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014.
67. Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания: Пособие для вузов. М.: Дрофа, 2004.
68. Бочаров А. В. Основные методы исторического исследования: Учебное пособие. Томск: ТомГУ, 2006.
69. Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: Учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Уральского ГУ, 2010.
70. Савельева И. М., Полетаев А. В. Теория исторического знания: Учебное пособие. СПб.: Алетея, 2007.
71. Дигесты Юстиниана / Отв. ред. Л. Л. Кофанов. Т. VII, 2. М.: Статут, 2005.
72. Герцен А. И. Былое и думы. Ч. 1. Гл. VII // Герцен А. И. Собрание сочинений. Т. 8. М.: АН СССР, 1956.

References

1. Locke, J. *An Essay Concerning Human Understanding*. Moscow, 1985 (Russian transl.)
2. Blofel'd, E. G. "Notes on some problems of historical science." *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations* 1. 2013. Pp. 44–46 (in Russian).
3. Smolensky, I. *History as a science and as a subject of teaching (Reassessment of historical knowledge). Historical and methodological study*. Odessa, 1905 (in Russian).
4. Sigwart, C. *Logik*. St. Petersburg, 1908 (Russian transl.)
5. Morin, E. *La Méthode. Vol. 1. La Nature de la nature*. Moscow, 2005 (Russian transl.)
6. Zubova, I. L. "The current state of historical science: on some results of the search for new paradigmatic and methodological orientations." In *Figures of history, or "common places of historiography."* *Second St. Petersburg Readings on Theory, Methodology and Philosophy of History*. St. Petersburg, 2005. Pp. 57–65 (in Russian).
7. Budtsyn, I. V. "The question of the nature of historical concepts on the pages of the journal "History and Theory" (60s–70s)." In *Methodological and historiographic questions of historical science*. Tomsk, 1990. Pp. 82–98 (in Russian).
8. Podlevskikh, L. G. "Conceptual and categorical apparatus of the theory of historical knowledge: problems and prospects." In *The terminology of historical science. Historical writing*. Moscow, 2010. Pp. 80–114 (in Russian).
9. Barg, M. A. *Categories and methods of historical science*. Moscow, 1984 (in Russian).
10. Carey, B. J., Rescher, N. "The Problem of Uniqueness in History." *History and Theory* 1/2. 1961. Pp. 150–162.
11. Toschenko, Z. T. "On the conceptual apparatus of sociology." *Sotsiologicheskie Issledovaniia* 9. 2002. Pp. 3–16 (in Russian).
12. Bloch, M. *Apologie pour l'histoire ou Métier d'historien*. Moscow, 1986. (Russian transl.)
13. Kosolapov, V. V. Information-logical analysis of scientific research. Kiev, 1968 (in Russian).
14. Burke, P. "Overture: the New History, its Past and its Future." In *Imagines mundi: almanac of general history studies of the 16th–20th centuries*. Vol. 3. Ekaterinburg, 2004. Pp. 87–115. (Russian transl.)
15. Herodotus. *The Histories*. Moscow, 1972.
16. Thucydides. *History of the Peloponnesian War*. Moscow, 1981.
17. Bystritskiy, N. I. "Natural Science Approaches to the Acquisition and Analysis of Digital Data for the Byzantine History." In *Natural Science Methods in the Digital Humatitarian Envieronment*. Perm, 2018. P. 19–22 (in Russian).
18. Reid, T. *The Works of Thomas Reid, now fully collected, with selections of his unpublished letters*. Eds. Hamilton W., Stewart D. 3rd edition. Edinburgh, 1852.
19. Belinsky, V. G. *Complete works: in 13 volumes. Vol. 5*. Moscow, 1954 (in Russian).
20. Veinberg, I. P. *Rozhdenie istorii: istoricheskaja mysl' na Blizhnem Vostoke sere diny I tysiacheletia do n.é.* Moscow, 1993 (in Russian).
21. Lotte, D. S. *Fundamentals of building scientific and technical terminology. Questions of theory and methodology*. Moscow, 1961 (in Russian).
22. Jung, C. G., ed. *Man and His Symbols*. Moscow, 1997 (Russian transl.)
23. Kolesov, V. V. Language and mentality. St. Petersburg, 2004 (in Russian).

24. Soloviev, O. B. "Uncertainty: Intentional and Aspectual Horizons of Understanding." *Vestnik Novosibirsk State University. Psychology* 2-1. 2008. Pp. 63–67 (in Russian).
25. Urmantsev, N. M. "Human freedom and uncertainty of his choice." *Tyumen State University Herald* 2. 2007. Pp. 116–121 (in Russian).
26. Sidortsov, V. N. "The historian's scientific language as a problem." In *Change of paradigms in the historiography of the 19th — early 21st centuries: Collection of scientific articles dedicated to the 60th anniversary of Professor A. N. Nechukhrin*. Grodno, 2012. Pp. 75–83 (in Russian).
27. Lenin, V. I. *Complete works*. 5th ed. Vol. 15. Moscow, 1972 (in Russian).
28. Rumyantseva, M. F. *History theory. Textbook*. Moscow, 2002 (in Russian).
29. Disraeli, B. *Vivian Grey*. N. Y., 1900.
30. "Knowledge about the past in modern culture (materials of the "round table")." *Voprosy Filosofii* 8. 2011. Pp. 3–45 (in Russian).
31. Gorsky, D. P. *Problems of the General Methodology of Sciences and Dialectical Logic*. Moscow, 1966 (in Russian).
32. *Philosophy in the "Encyclopedia" by Diderot and D'Alembert*. Moscow, 1994 (in Russian).
33. Bugorskaya, N. V. "Once again about the accuracy of the term." *Siberian Journal of Philology* 3, 2008. Pp. 211–219 (in Russian).
34. Kant, E. *Kritik der reinen Vernunft*. Moscow, 1994 (Russian transl.)
35. Kara-Murza, S. G. *The power of manipulation*. Moscow, 2009 (in Russian).
36. Cherniak, E. B. "History and Logic (Structure of Historical Categories)." *Voprosy Istorii* 10. 1995. Pp. 29–43 (in Russian).
37. Soloviev, V. D. e. a. "To the question of the definition of the term." In *Semiotic problems of languages of science, terminology and informatics*. Vol. 2. Moscow, 1971. Pp. 365–370 (in Russian).
38. Sviderskii, V. I. "Elements and structure as categories of dialectics." In *Dialectics and logic of scientific knowledge*. Moscow, 1966. Pp. 245–272 (in Russian).
39. Novoselov, M. M. *Abstractions in the labyrinths of knowledge. (Logical analysis)*. Moscow, 2005 (in Russian).
40. Rousseau, J.-J. *Émile ou De l'éducation*. St. Petersburg, 1912 (Russian transl.)
41. Staël, G. de. *De la littérature considérée dans ses rapports avec les institutions sociales*. Moscow, 1989 (Russian transl.)
42. Lapteva, M. P. "The historian's language and the problem of understanding." In *Figures of history, or "commonplaces" of historiography. Second St. Petersburg Readings on Theory, Methodology and Philosophy of History*. St. Petersburg, 2005. Pp. 66–71 (in Russian).
43. Bodin, J. *Methodus ad facilem historiarum cognitionem*. Moscow, 2000 (Russian transl.)
44. Bobkova, M. S. "Terminological Toolkit of Historical Science: Towards a Problem Statement." *Belgorod State University Scientific Bulletin. History, Political science, Economics, Information technologies* 13(84)-15. 2010. Pp. 102–108 (in Russian).
45. Nava'i, Ali-Shir. *Language of Birds (Lison ut-Tayr)*. Moscow, 1993 (Russian transl.)
46. Kliuchevskii, V. O. *Letters. Diaries. Aphorisms and thoughts about history*. Moscow, 1968 (in Russian).
47. "Actual theoretical problems of modern historical science." *Voprosy Istorii* 8–9. 1992. Pp. 159–166 (in Russian).
48. Puskin, A. S. *Complete works: In 10 volumes. Vol. 5. Eugene Onegin. Dramatic works*. Leningrad, 1978 (in Russian).
49. Belinsky, V. G. *Complete works: in 13 volumes. Vol. 10*. Moscow, 1956 (in Russian).
50. Lichačev, D. S. *The past is for the future. Articles and essays*. Leningrad, 1985 (in Russian).
51. Ankersmit, F. R. "Historiography and postmodernism." In *Contemporary teaching methods of modern history*. Moscow, 1996. Pp. 142–163 (Russian transl.)
52. Febvre, L. *Combats pour l'histoire*. Moscow, 1991 (Russian transl.)
53. Min'ar-Beloručeva, A. L. *The language of the historian*. Moscow, 2001 (in Russian).
54. Rakitov, A. I. *Anatomy of scientific knowledge*. Moscow, 1969 (in Russian).
55. Lotte, D. S. *Some fundamental questions of selection and construction of scientific and technical terms*. Moscow; Leningrad, 1941 (in Russian).
56. Savel'eva, I. M., Poletaev, A. V. *Knowledge of the Past: Theory and History. Vol. 1: Construction of the past*. St. Petersburg, 2003 (in Russian).
57. Lem, S. *Dzienniki gwiazdowe. Podróż czternasta*. Moscow, 1994 (Russian transl.)

58. Smolensky, N. I. "Rational and emotional in the language of the historian." *Istoricheskie Zapiski* 2. 1999. Pp. 137–148 (in Russian).
59. Rickert, H. *Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung*. St. Petersburg, 1997 (Russian transl.)
60. Lobačevskij, N. I. *Scientific and pedagogical heritage. Governance of Kazan University. Fragments. Letters*. Moscow, 1976 (in Russian).
61. Lapteva, M. P. *Theory and methodology of history: a course of lectures*. Perm, 2006 (in Russian).
62. Kung, G. *Ontology and the Logistic Analysis of Language*. Moscow, 1999 (Russian transl.)
63. Asimov, I. *Words of Science and the History behind Them*. Moscow, 1985 (Russian transl.)
64. Ozhegov, S. I. *Explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow, 2003 (in Russian).
65. *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow, 1990 (in Russian).
66. *Theory and methodology of historical science. Terminological dictionary*. Moscow, 2014 (in Russian).
67. Repina, L. P., Zvereva, V. V., Paramonova, M. Y. *History of historical knowledge*. Moscow, 2004 (in Russian).
68. Bocharov, A. V. *Basic methods of historical research: Textbook*. Tomsk, 2006 (in Russian).
69. Mazur, L. N. *Methods of historical research: Textbook*. Ekaterinburg, 2010 (in Russian).
70. Savel'eva, I. M., Poletaev, A. V. *The theory of historical knowledge: Textbook*. St. Petersburg, 2007 (in Russian).
71. *Digesta Iustiniani. Vol. VII, 2*. Moscow, 2005 (Russian transl.)
72. Herzen, A. I. *Collected Works. Vol. 8*. Moscow, 1956 (in Russian).

ЦИФРОВЫЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ DIGITAL SPATIAL STUDIES

Некоторые проблемы картографирования границ азиатской части Российской империи Some problems of mapping the borders of the Asian part of the Russian Empire

Е.С. Гришин

Ведущий специалист Лаборатории комплексных
цифровых технологий

Институт востоковедения РАН

E-mail: bibliosof-info@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9521-2246

Eugene S. Grishin

Leading Specialist of the Laboratory for Integrated
Digital Technologies

Institute of Oriental Studies RAS

Резюме. Статья посвящена проблемам картографирования административно-территориального деления азиатских территорий Российской империи. Задача по определению границ губерний и областей и нанесением их на карту требует комплексного решения, а не только лишь механического перенесения линий с картографических источников. Рассмотрено значение картографической изученности отдельных местностей в связи с возможностью их точного морфологического определения и нанесения на карту. Дана характеристика освоенности территории как важного фактора, определяющего тип административных и государственных границ. Составлены классификатор атрибуции границ по их происхождению, функциями морфологическим признакам. Рассмотрена основные направления динамики конфигурации и определения границ административных областей в связи с развитием рассматриваемой территории.

Ключевые слова: историческая картография, административное деление, границы, картографические источники, картографическая изученность

Abstract. The article is devoted to the problems of mapping the administrative-territorial division of the Asian territories of the Russian Empire. The task of defining the boundaries of provinces and regions and drawing them on a map requires an integrated solution, and not just mechanical transfer of lines from cartographic sources. The significance of the cartographic study of individual areas is considered in connection with the possibility of their precise morphological determination and drawing on the map. The characteristic of the development of the territory is given as an important factor determining the type of administrative and state borders. A classifier of attribution of boundaries by their origin, functions and morphological features has been compiled. The main directions of the dynamics of the configuration and determination of the boundaries of administrative regions in connection with the development of the territory under consideration are considered.

Keywords: historical cartography, administrative organization, state boundaries, cartographic sources, cartographic coverage of studies

Ряд исследовательских направлений по новой истории России касаются пространственных аспектов и нуждаются в качественном картографическом сопровождении. В одних случаях карта может служить сопроводительным материалом, иллюстрирующим содержание статьи или монографии; в других же карта является одним из основных инструментов исследования. Практика создания дискретных карт под частные исследовательские задачи приводит к появлению многообразного, но слабого по качеству и плохо унифицированного

массива картографических работ. К тому же подобный подход отличается большой трудоемкостью: каждая новая карта создается фактически с нуля, без опоры на уже накопленный фонд картографической информации. Более оптимальным представляется путь создания генеральных картографических основ, которые служили бы фундаментом для создания тематических карт. Наиболее удачным решением является создание картографической основы, представляющей собой базовое описание исторического пространства, которая может быть заполнена тематической информацией. Какой бы уровень проработки исторического пространства мы ни взяли, на начальном этапе накопления картографической информации мы нуждаемся в обзорной карте, которая позволила бы в дальнейшем ставить конкретные задачи по дополнительному изучению и картографированию тех или иных регионов.

Для решения исследовательских задач в области административного устройства нами был разработан вспомогательный материал в виде геохронологического кодекса административно-территориального деления Российской империи. Кодекс содержит в себе индексацию всех административно-территориальных единиц I и II порядка (губерний, областей, уездов и округов), даты актуальности их границ и ссылку на соответствующий источник. Геохронологический кодекс позволяет отобрать из цифровой модели карты административные границы, соответствующие той или иной дате, и собрать из них полигональные объекты, соответствующие губерниям и уездам.

В ходе построения пространственной модели административно-территориального деления мы оперируем по меньшей мере тремя дефинициями административной границы: 1) её формальным определением, в котором заключается качественное описание конфигурации; 2) её контуром на карте; 3) её воплощением в реальном историческом пространстве. Первое определение сходно с формальной делимитацией государственных границ и чаще всего содержится в официальных документах — актах об образовании административных областей, определении и изменении их границ. Описание установленных границ может сопровождаться картой, точность исполнения которой зависит от изученности территории, уровня картографических работ и других факторов. Если граница ассоциирована с конкретным географическим объектом, то к картографическому определению добавляется связанность с реальными объектами на местности. Сопоставление всех трех дефиниций может не только выявлять противоречия, но и приводить к ситуации, когда граница меняет свою морфологию, несмотря на отсутствие изменений в её формальном определении.

Применительно для азиатской части Российской империи можно выделить следующие пространственные типы границ I–II порядка:

- ассоциированные с береговой линией морских бассейнов;
- ассоциированные с внутренними гидрографическими объектами — реками, озерами;
- опирающиеся на орографические объекты;
- геометрические и условно геометрические границы.

Отметим также, что при построении кодекса административно-территориального деления для азиатской части Российской империи не ставилась задача создания полной классификации административных границ; их общая типология носит сугубо прикладной характер, нацеленный на достижение историко-географического соответствия.

Актуализация границ может выявить следующие ситуации:

- граница или её часть была установлена по географическому объекту при низкой картографической изученности самого объекта. Отсюда возникает проблема обращения к картографическим источникам, которые указывают на ассоциирование границы с рекой или линией хребта, но при этом дают их неточную морфологию: следует ли сохранить произвольность отображения границы в источнике или же актуализировать её по контуру объекта?

- граница ассоциирована с географическим объектом с высокой динамикой изменения морфологии. В основном это относится, конечно, к гидрографическим объектам. Изменение

конфигурации опорного объекта влечет за собой изменение самой границы. Здесь возникает потребность в актуализации топографических условий. Подобные задачи требуют создания региональных картографических основ более крупного масштаба с поправкой на определенный период.

- граница определяется условно и по мере освоения территории её конфигурация приобретает более выраженный характер, сохраняя при этом общую направленность. В основном это касается антецедентных границ.

Можно было бы ограничиться замечанием, что низкая освоенность территории не создает запроса на уточнение границ, но игнорирование этой проблемы приводит к усложнению решения ряда методических задач, в частности, увязку пространственных данных по разным периодам, определение стабильности границ и характера развития административных областей. Наконец, неопределенность границ отрицательно сказывается на выполнении картометрических операций. Поэтому актуализация границ даже и их цифровых моделей может быть отнесена к важнейшим задачам базового исторического картографирования по каждому региону.

Рассмотрим подробнее примеры из первого блока, когда опора границы на географические объекты недостаточно обеспечивается актуальной картографической изученностью. Граница между Камчатской областью и Якутской областью проходила по Становому хребту [5, 6] (здесь стоит обозначить, что это название в начале XX в. объединяло под собой не только Становой хребет в его современном пространственном определении, но и Колымское нагорье, Джугджур), затем переходит в реку Чаун [6]. Участок по Чауну был обследован учеными экспедициями (№60 и 22 по перечню Каверского) [2,3], прибрежная территория в районе устья и Чаунской губы была изучена исполнителями Морского министерства. Линия Станового хребта была обследована силами чинов Министерства государственных имуществ, подобно многим другим внутренним границами азиатской России. Если морфология реки Чаун была показана достаточно верно и подробно, то основной участок границы по хребту представляется достаточно упрощенным, что соответствовало уровню изученности этой территории. Особенно это проявляется на участках Гижигинского и Охотского уездов, где граница на значительном протяжении лишь задает направление, не имея выраженных особенностей конфигурации. Схожая картина наблюдается и южнее, по Яблоновому хребту, по Джугджуру и на других участках, которые также были обследованы Министерством государственных имуществ [4,5,6].

Характерно, кстати, что научные географические экспедиции по Восточной Сибири и Дальнему Востоку были ориентированы в первую очередь на изучение гидрографических объектов и преимущественно проходили по течениям рек. Между тем, значительная часть границ губернского и уездного уровней проходили по водоразделам и тяготели к объектам орографии, изученность которой оставалась довольно низкой. Работы Министерства государственных имуществ не могли исправить это положение и носили общий характер.

В тех же случаях, когда граница обосновывалась гидрографическим объектом, нередко наблюдается совмещение изученности разных ведомств, как это прослеживается на примере Анабара, служившего северной частью границы между Якутской областью и Енисейской губернией. Подобное совмещение положительно сказывалось на детальности определения границы. Тем контрастнее выглядит большая часть той же границы, представляющая типичные строгие геометрических участки, без прямой зависимости от географических дефиниций. Исключение составляет лишь участок по реке Илимпея (приток Нижней Тунгуски), который сам по себе представляет любопытную иллюстрацию связи морфологии границ и географической изученности территории. В своем среднем течении Илимпея образует длинную излучину, вытянутую на северо-запад. Излучина не может расцениваться как отдельный проток, кроме того, на неё расположен один из порогов реки, что делает невозможным её судоходство. Пути вдоль Илимпеи, обозначенные на более поздних картах, срезали участок излучины,

переходя на южный участок реки [6]. Очевидно, изучение течения Илимпеи, также проходило по этому же маршруту, игнорируя её поворот на северо-запад [8]. В итоге граница на картах выглядит более упрощенной и выпрямленной, чем объект, которым она задается.

Западная граница Охотского уезда имеет выраженный геометрический характер, не теряя при этом ассоциирования с географическими объектами. Так, на уровне 60–61 параллелей граница между обеими областями состоит из прямых участков, лежащих к востоку от реки Юдома и повторяющих её общее направление. Тем самым долина Юдомы остается в составе Якутского уезда. В подобных ситуациях возникает вопрос с классификацией самой границы, равно как и с её качественной характеристикой: считать ли строго геометрической и как она характеризует разделяющую территорию. На первый вопрос нельзя ответить положительно, так как граница не теряет связи с топографическими объектами: фактические она очерчивает буферную зону участка, прилегающего к реке и обозначая принадлежность к конкретной административной зоне. Вместе с тем выраженная геометричность границы свидетельствует о низкой освоенности территории. В этом отношении указанный участок имеет все признаки «молодой» границы, которая уточняется и приобретает более выраженную конфигурацию по мере включения прилегающей территории в область экономической и хозяйственной деятельности.

Как видно, проблема определения конфигурации границ распадается на два направления: картографическую изученность и ход формирования административно-территориального деления.

Общая направленность на разукрупнение создавала потребность в определении новых границ, ещё не сформированных естественным процессом развития регионов. Если границы европейской части России опирались на глубокую генетику, то границы азиатских губерний и областей определялись «кабинетно», часто без опоры на традицию развития региона. Отсюда подавляющее преобладание антецедентных границ на большей части Сибири и Дальнего Востока. Значимость этого явления была удачно сформулирована А. В. Ремневым: «административные границы не столько обозначали уже сложившиеся экономические районы, сколько активно формировали их» [10].

Одна из очевидных особенностей границ сибирских областей и губерний – их низкая контактность. Огромная протяженность не может служить исчерпывающей характеристикой её роли во взаимодействии административных областей. Мало того, наиболее устойчивые участки границы, опирающиеся на водораздельные линии, скорее выполняли изолирующую роль, нежели контактную.

В случае с азиатскими губерниями и областями задача по созданию единой цифровой картографической основы наталкивается на значительные препятствия. Генеральные картографические издания по Азиатской России не отвечают содержательным задачам картографирования границ из-за обзорного характера и мелкого масштаба. Составление «Генеральной карты Азиатской России» в 100-верстном масштабе начала составляться в 1846 г. и была продолжена после значительного перерыва в 1857 г. [9, 11]. Она вобрала в себя результаты работ различных ведомств: Военного и Морского, Русского Географического общества, Академии наук. Издание карты было завершено в 1884 г.

Военно-топографическим Депо в 1869 г. была издана 200-верстная карта Азиатской России и сопредельных территорий [12, 14]. В дальнейшем неоднократно дополнялась и переиздавалась. Перечисленные картографические издания, вполне удовлетворяющие требованиям обзорного картографирования, не подходят для построения линий административных границ в нужной детальности. Если по европейской России было несколько картографических работ обобщающего характера, включая карту Военно-топографического депо 1799 г., карты РГО 1862 г., двух Специальных карт в 10-верстном масштабе, то азиатские территории испытывали дефицит в сплошном среднемасштабном картографировании. Лишь в 1899 г. началось составление «Специальной карты Азиатской России» в масштабе десять

верст (1: 420 000) [9, 10]. Работы по ней продолжились уже в советский период. Из «Специальной карты» была выделена 20-верстная «Карта Дальнего Востока» под редакцией генерал-майора А. А. Большева [14]. Под его же руководством составлялась «Карта южной пограничной полосы Азиатской России» в масштабе 40 верст в дюйме. Таким образом, среднемасштабное картографирование также не обеспечивает геометрическое определение границ АТД, что вполне ожидаемо, учитывая обширность рассматриваемой территории.

Другая стратегия по созданию цифровой картографической модели административно-территориального деления может состоять в использовании региональных работ по отдельным губерниям и областям Азиатской России. Выбор этого решения напрашивается тем более, что и съемка территории велась в основном по региональному принципу. Однако и этот вариант предполагает столкновение с рядом методических затруднений: отсутствие сплошного картографического покрытия, разнородность методики, точности и масштаба картографирования, хронологическая разбросанность изученности территории. Подключение различных по исполнению региональных картографических источников для построения единой карты требует проведения ряда операций: увязки соседних листов, приведения используемых картографических данных к общей математической основе, унификации типологии и структуры картографических объектов.

Для характеристики регионального картографирования приведем следующие примеры. Установление государственной границы по Тяньцзиньскому трактату и проведение рекогносцеровочных съемок в Уссурийском крае было возложено на Уссурийскую экспедицию (1859 г.). По отчетной карте, значительная часть картографируемой территории была заснята инструментальными съемками, однако из-за высоких темпов проведения работ их уровень их реального выполнения сильно страдал. Собственно, здесь мы наблюдаем ещё одну важную закономерность наращивания географической изученности обширных территорий: потребность в ускоренном картографировании вынуждало предпочитать глазомерную и рекогносцеровочную съемку. Также сказывался недостаток средств и исполнителей для охвата таких значительных площадей (в этом отношении любопытен комментарий начальника картографического заведения Военно-топографического отдела Главного штаба генерал-майора А.А.Большев относительно возможностей России догнать уровень картографирования в Австро-Венгрии: «При обширности территории России по сравнению хотя бы с площадью, занимаемой Австро-Венгерской монархией, наше Отечество, чтобы идти по картографии в одном уровне с его соседкою, должно бы без преувеличения иметь в 10 раз больший состав картографов, художников, граверов на меди и на камне и прочих чинов картографической специальности» [10]. Тем не менее, для составления мелкомасштабных карт первого поколения подобный подход себя вполне оправдал.

Картографирование преимущественно осуществлялось маршрутными съемками, что позволяло ускоренно собирать исходный фактографический материал и наращивать изученность малоисследованных регионов. Вместе с тем, астрономическая заснятость всех перечисленных регионов оставалась ещё очень слабой. Если продолжать сопоставление картографических работ в Сибири и на Дальнем Востоке с европейской частью России, то в последнем случае не так остро стояла проблема разнородности создаваемых карт. Для азиатских территорий характерно большое разнообразие применявшихся приемов картографирования, что особенно сказывалось при построении генерализированных мелкомасштабных карт. Эта ситуация была исправлена путем возложения основных крупномасштабных работ на Восточно-Сибирский Военно-Топографический Отдел. Таким образом, картографирование осуществлялось общей рабочей группой, участники которой хорошо знали регион по своему профессиональному опыту.

Особую сложность составляла проработка математической основы, подходящей для картографирования больших пространств. Картограф Н. М. Соловьев путем сопоставления раз-

личных вариантов картографических проекций пришел к выводу, что наиболее подходящим вариантом является косая цилиндрическая конформная проекция Меркатора. Средний был выбран меридиан между Хабаровском и Благовещенском – 130.

Общий порядок составления карт был довольно стандартным с поправкой на нехватку сведений для покрытия такой значительной территории: на координатную сетку наносились астрономические и тригонометрические пункты; затем добавлялся весь полученный материал в порядке точности и достоверности – результаты инструментальных съемок, сведения по маршрутным съемкам, а промежуточные пространства заполнялись данными, содержащимися в текстовых отчетах.

Как пример соотношение данных, получаемых при маршрутной съемке, приведем пример экспедиции М. В. Певцова, проводившей съемку 5-верстного масштаба по пути в Китай в 1878-1879 гг [13]. Всего было снято 4000 верст, определено 28 астрономических пунктов и 100 высотных отметок.

В 1758-1765 гг. действовала секретная Нерчинская экспедиция, организованная по поручению Сената [3, 10]. Среди её достижений – съемка и описание рек Нерчинского уезда и составление Нерчинского атласа, в котором были отражены демографические данные, характер освоения и хозяйственного использования картографируемой территории. Сам атлас на настоящий момент не найден, однако результаты деятельности экспедиции были отражены в рядке других картографических изданий того же времени [13]. Ситуация с атласом применительно для построения схемы изученности ставит нас перед следующим вопросом: стоит ли учитывать факт изучения территории, если результаты этого изучения были утрачены и не могут быть в настоящее время задействованы и качественно оценены. Действительно, если из-за утраты первичные материалы или составленные по ним карты стали не доступны, то, соответственно, прирост изученности не происходит и их учет не имеет смысла. Совсем другое дело, если сведения из утраченных карты были задействованы в другом картографических изданиях. В этой ситуации историк не может обратиться к первоисточнику, однако реальное приращение географического изучения территории произошло и это должно быть отражено на результирующей схеме, пусть даже с определенными оговорками и поправками.

Даже те участки, которые покрыты маршрутными съемками, не всегда могли быть корректно отображены на карте. Отсутствие плотной сети астрономических пунктов приводило к искажениям; реально исполнение съемочных работ не всегда соответствовало заявленному масштабу.

Практика картографического обеспечения геохронологического кодекса административно-территориального деления показала, что наиболее продуктивным оказалось совмещения обоих подходов: общая опора на генерализованные картографические материалы с активным использованием регионально ориентированных карт для уточнения сложных или проблемных участков, требующих дополнительной проработки.

Наиболее ценным обобщающим источником, позволяющим дать комплексную оценку состояния изученности территории азиатской России является «Карта Азиатской России, составлена г. м. Коверским по сведениям, имеющимся в Министерствах: Императорского двора (земли Кабинета Его Величества и Главного Управления Уделов), Военном, Морском, Путей Сообщения, Государственных Имуществ и Юстиции». Карта была издана «Картографическим заведением Военно-топографического отдела Главного штаба в 1895 г. Главное её достоинство состоит в том, что помимо подробной географической основы (показаны зимовья и юрты; ставки, укрепления, форты, пограничные посты и караулы; ночлежные пункты, развалины, монастыри христианские и буддийские, часовни, миссионерские станции, мечети, могилы) на карте цветной заливкой и линиями обозначены области топографических съемок. Цвет заливки соответствуют по легенду определенному ведомству, которое осуществляло съемки. Отдельными знаками указаны области геологических изысканий, а также маршрутные пути. Кроме

того, к важным признакам изученности территории относятся другие объекты, фигурирующие на карте: телеграфные кабели, маяки, футштоки и мореографы.

Всего Коверский указал семь отраслевых ведомств и других структур:

- «кабинет Его Величества и Главного Управления Уделов»;
- Генеральный штаб и чин Корпуса военных топографов;
- казачьи войска;
- морское министерство;
- министерство путей сообщений;
- министерство государственных имуществ;
- межевое ведомство министерства юстиции.

Следствием этого было не только различная тематическая направленность, но и разная методика исполнения поставленных задач, формирование нескольких параллельных картографических школ. В связи с этим Коверский сетовал на то, что картографическая продукция всех прочих структур, помимо военно-топографической, практически изолирована и не востребована при решении прикладных задач.

К недостаткам карты можно отнести то, что выбранный способ суммарного фиксирования изученности не позволяет в полной мере отобразить области наложения (съемки разных ведомств на одной территории, проходившие в разное время), а также точность и масштаб съемочных работ. В это отношении карта уступает аналогичной схеме, созданной Коверским по европейской части, однако это не умаляет её информативность. Основные наблюдения и наиболее значимые итоги могут быть сформулированы по имеющемуся материалу.

Вероятно, в основу карты 1895 г. была положена более ранняя карта, подготовленная в 1891 г., - «Карта Азиатской России и смежных с нею владений...». Общими элементами обеих карт являются масштаб, компоновка, общая детальность, а также указание маршрута пути следования Николая Александровича Романова в 1890-1891 гг. (на тот момент – наследника престола). На карте 1891 г. подробно указаны маршруты русских и иностранных экспедиций на картографируемой территории.

Карта Коверского может быть дополнена более ранней «Картой Северного Ледовитого океана в границах Российской империи, составленной на основании русских гидрографических исследований с 1734 по 1871 г.». На ней цветными линиями показаны участки обследования по конкретным экспедициям (всего – 23 позиции в легенде).

Прирост изученности по отдельным её регионам происходил крайне неравномерно, с сильным расхождением по уровню исполнения картографических и съемочных работ, их содержанию и целевому назначению. Тем самым обозначается проблема совмещения картографических источников по указанной территории, генерализации их в виде общих пространственных моделей.

Проведение картографической изученности осуществлялось несколькими профильными ведомствами, что нашло отображение в тематической направленности получаемых карт и пространственных акцентах обследования территории. В общей сложности можно выделить следующие отраслевые потребности картографических работ:

- военное дело: изучение территории с целью строительства фортификация, квартирования войск, прокладывания маршрутов, наблюдения за государственной границе; Картографирование приграничной зоны, её повышенная изученность относительно других территорий – обычное явление в практике картографирования государственной территории. Однако именно в случае с азиатскими губерниями отчетливо видна положительная обратная связь картографической изученности и уровнем развития территории вблизи государственной границы: интерес к местности создает запрос на её картографирование; в свою очередь, наличие карты позволяет более эффективно проводить освоение области.

- межевание; установление границ – как государственных, так и административных на различном уровне;
- освоение территории: картографическое обеспечение переселенческих процессов;
- хозяйственно-экономическое развитие; строительство железных дорог, портов, станций и других объектов инфраструктуры;
- поиск и добыча природных ресурсов [1].

При том, что каждая тематическая карта имела свою специфику, её составление так или иначе увеличивало также и уровень общегеографической изученности. Так, при составлении геологических карт производились значительные работы по уточнению рельефа и гидрографии исследуемых территорий.

Итак, наращивание картографической изученности азиатских территории происходило связано с ростом её географической изученности. В то время, как западные губернии все больше становились объектом работы военных топографов, Сибирь и Дальний Восток оставались в области научного интереса.

Литература

1. Азиатская Россия. Люди и порядки за Уралом. Т. 1. СПб., 1914. С. VI.
2. Коверский Э. А. Объяснительная записка к «Отчетным картам астрономических, геодезических и топографических работ, произведенных в России // Записки ВТО. -СПб., 1893. - Ч. II.
3. Коверский Э.А. Чем располагаем мы для изучения топографии нашей территории в Азии и какие результаты достигнуты по этой части // Ежегодник ИРГО. СПб., 1892. Т. 2. С. 1-39.
4. Генеральная карта Азиатской России по новейшему разделению на губернии, области и приморские управления с показанием пути российских мореходов. Сочинена Корпуса военных топографов поручиком Ф.И. Позняковым и издана Военно-Топографическим депо – 2 л – СПб., – 1825.
5. Генеральная карта Восточной Сибири, составленная при штабе Восточно-Сибирского Военного округа в 1855 г., исправленная и дополненная в 1861 г
6. Карта Азиатской России с прилегающими к ней владениями. Составлена и издана Военно-топографическим отделом. – 8 л – СПб., – 1884.
7. Карта Восточной Сибири с показанием экспедиций, совершённых с открытия Сибирского отдела Императорского русского географического общества с 1851 по 1876 гг. – 1 л / Сост. Э. А. Коверский. – СПб: Картогр. заведение А. Ильина, – 1877.
8. Карта Северного Ледовитого океана в границах Российской империи, составленной на основании русских гидрографических исследований с 1734 по 1871 г. Департамент Морского министерства. 1874 г.
9. Быковский Н. М. Картография: исторический очерк. - М-Петроград, 1923. - С. 189.
10. Захаренко И. А. История географического изучения и картографирования Дальневосточного пограничного пространства России и Китая : середина XVII - начало XX в. : диссертация на соискание ученой степени доктора географических наук. М., 2009.
11. Кусов В.С. Золотой век картографирования Сибири // Сибирь: Атлас Азиатской России / Науч. ред. А.П. Деревянко. М. - Новосибирск: ООО «Топ-Книга» - Роскартография, 2007. - С. 22-24.
12. Павлова Н. В. Вклад военных топографов и геодезистов в картографирование Сибири во второй половине XIX – начале XX века // Вестник ОмГУ. 2015. №1 (75).
13. Постников А. В. Работы по организации охраны и картографирования территорий, разграниченных между Российской империей и цинским Китаем по условиям Нерчинского договора (1689 г.) и Кяхтинского (Буринского) трактата 1727 г // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2016.
14. Соколов Н. В. Исторический очерк деятельности Корпуса Военных Топографов, 1822-1872. - СПб., 1872.

References

1. Aziatskaya Rossiya. Lyudi i poryadki za Uralom. T. 1. Spb., 1914. S. VI.
2. Koverskij Eh. A. Ob'yasnitel'naya zapiska k «Otchetnym kartam astronomicheskikh, geodezicheskikh i topograficheskikh rabot, proizvedennykh v Rossii // Zapiski VTO. -SPb., 1893. - Ch. LI.
3. Koverskij Eh.A. Chem raspolagaem my dlya izucheniya topografii nashej territorii v Azii i kakie rezul'taty dostignuty po ehtoj chasti // Ezhegodnik IRGO. SPb., 1892. T. 2. S. 1-39.
4. General'naya karta Aziatskoj Rossii po novejsheму razdeleniyu na gubernii, oblasti i primorskie upravleniya s pokazaniem puti rossijskikh morekhodov. Sochinena Korpusa voennykh topografov poruchikom F.I. Poznyakovym i izdana Voenno-Topograficheskim depo – 2 l – SPb., – 1825.
5. General'naya karta Vostochnoj Sibiri, sostavlenaya pri shtabe Vostochno-Sibirskogo Voennogo okruga v 1855 g., ispravlenaya i dopolnennaya v 1861 g
6. Karta Aziatskoj Rossii s prilgayuschimi k nej vladeniyami. Sostavlena i izdana Voenno-topograficheskim otdelom. – 8 l – SPb., – 1884.
7. Karta Vostochnoj Sibiri s pokazaniem ehkspeditsij, sovershyonnykh s otkrytiya Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obschestva s 1851 po 1876 gg. – 1 l / Sost. Eh. A. Koverskij. – SPb: Kartogr. zavedenie A. Il'ina, – 1877.
8. Karta Severnogo Ledovitogo okeana v granitsakh Rossijskoj imperii, sostavlennoj na osnovanii russkikh gidrograficheskikh issledovanij s 1734 po 1871 g. Departament Morskogo ministerstva. 1874 g.
9. Bykovskij N. M. Kartografiya: istoricheskij ocherk. - M-Petrograd, 1923. - S. 189.
10. Zakharenko I. A. Istoriya geograficheskogo izucheniya i kartografirovaniya Dal'nevostochnogo pogranichnogo prostranstva Rossii i Kitaya : seredina XVII - nachalo XX v. : dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni doktora geograficheskikh nauk. M., 2009.
11. Kusov V.S. Zolotoj vek kartografirovaniya Sibiri // Sibir': Atlas Aziatskoj Rossii / Nauch. red. A.P. Derevyanko. M. - Novosibirsk: OOO «Top-Kniga» - Roskartografiya, 2007. - S. 22-24.
12. Pavlova N. V. Vklad voennykh topografov i geodezistov v kartografirovanie Sibiri vo vtoroj polovine KhKh – nachale KhKh veka // Vestnik OmGU. 2015. №1 (75).
13. Postnikov A. V. Raboty po organizatsii okhrany i kartografirovaniya territorij, razgranichennykh mezhdru Rossijskoj imperiej i tsinskim Kitaem po usloviyam Nerchinskogo dogovora (1689 g.) i Kyakhtinskogo (Burinskogo) traktata 1727 g // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. 2016.
14. Sokolov N. V. Istoriicheskij ocherk deyatel'nosti Korpusa Voennykh Topografov, 1822-1872. - SPb., 1872.

ВЫЗОВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ DIGITALIZATION CHALLENGES

Эмпирические вопросы формализации исторической информации (опыт составления событийной базы данных по истории Византии IX–X вв.)

Empirical questions of formalization of historical information (the experience of compiling an Event Database on the history of Byzantium in the 9th–10th centuries)

П. В. Кузенков

канд. ист. наук, в.н.с. Севастопольского государственного университета

E-mail: pk407@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8394-4319

Pavel V. Kuzenkov

Candidate of Sciences (History), Leading Research Fellow

Sevastopol State University

Резюме. В статье представлены некоторые базовые проблемы, с которыми столкнулся автор и его коллеги на предварительной стадии реализации проекта событийного свода византийской истории. Создание структурированной базы данных, содержащей основные события истории Византии IX–X вв., потребовало проведения предварительных работ по формированию перечня источников, сбору и классификации научно-исследовательской литературы, что вылилось в создание особых библиографических баз данных. На этапе непосредственного создания базы событий пришлось решить несколько принципиальных теоретических задач: о соотношении факта и события; о способах фиксации события; о способах и форматах задания даты и места; о сущности, характере и форме записи событий разного типа. Выявилась необходимость в создании ряда связанных баз данных: просопографической, институциональной, географической. Эти и другие проблемы, решения которых были предложены и реализованы в ходе работы над событийной базой данных представлены с учётом широких исследовательских перспектив данной методологии исторических исследований.

Ключевые слова: историческая информация, цифровая история, теория исторического знания, формализация, история Византии

Abstract. The article presents some of the main problems faced by the author and his colleagues at the preliminary stage of the implementation of the project of the event database of Byzantine history. The creation of a structured database containing the main events of the history of Byzantium in the 9th–10th centuries required preliminary work on the formation of a list of sources, collection and classification of scientific research literature, which resulted in the creation of special bibliographic databases. At the stage of direct creation of the event database, several fundamental theoretical problems had to be solved: on the relationship between fact and event; about the ways of fixing the event; on the methods and formats for specifying the date and place; on the essence, nature and form of recording events of various types. A need emerged to create a number of related databases: prosopographic, institutional, and geographic. These and other problems, solutions to which were proposed and implemented in the course of work on the Event Database, are set out taking into account the promising research prospects of this methodological approach for historical study.

Keywords: historical informatics, digital history, theory of historical knowledge, formalization, history of Byzantium

Постановка проблемы

Формализация исторической информации — давно назревшая исследовательская задача, к решению которой в настоящее время обращаются исследователи различных направлений¹. В отличие от историков нового и новейшего времени, в распоряжении которых появляются значительные по объёму массивы относительно легко поддающейся цифровизации статистической и иной подобного вида информации, медиевисты и специалисты в истории Древнего мира вынуждены оперировать крайне разрозненными и случайными числовыми данными, носящими ярко выраженный субъективный и оценочный характер. Однако их исследования обладают тем преимуществом, что опираются на обозримый и конечный массив письменных источников, систематическое «цифровое» освоение которых возможно в относительно близкой перспективе.

В особенности это относится к византиноведению — области исторической науки, находящейся на рубеже востоковедения, антиковедения и медиевистики и занимающейся изучением Восточной Римской (Византийской) империи — важнейшего позднеантичного и средневекового государства, лежащего на стыке Европы и Азии и являющегося ядром особой восточнохристианской (православной) цивилизации. Исследования в области Византии, с одной стороны, ограничено достаточно узким (даже в сравнении со средневековой Западной Европой) и ограниченным кругом исторических сочинений и вполне обозримым (хотя и непрерывно увеличивающимся) массивом археологических данных. С другой стороны, эти исследования дают весьма широкий спектр перспективных направлений и имеют важное значение не только на микро-, но и на макроисторическом масштабе. Тысячелетний диапазон истории византийского государства и общества и относительно стабильный характер его развития открывают серьёзные перспективы для исследований в области политической, культурной, религиозной и цивилизационной эволюционной динамики, а потому могут представлять не только узко исторический, но и более широкий (политологический, культурологический, экономический, социологический) интерес.

Историческое исследование, задачей которого является выяснение причинно-следственных связей между событиями с целью анализа эффективности человеческой деятельности [1, с. 49], главным образом в макросоциальном (политическом) масштабе, невозможно без систематизированного описания исторических событий, локализованных в пространстве и времени, соотносённых с лицами (акторами), объектами и обстоятельствами их действия исвязанных с конкретными источниками. Построение полноценной событийной (геонотографической) базы данных, содержащей в себе максимально полный объём исторической информации, — задача первостепенной научной важности. При правильной организации такая база данных способна стать не только удобным способом хранения и передачи имеющегося исторической информации, но и перспективным инструментом для ее обработки и дальнейшего наращивания исторического знания. Подобно тому, как звездные таблицы Тихо Браге стали основой для выведенных Иоганном Кеплером законов небесной механики, точные событийные таблицы (и только они) могут стать надежной основой для установления объективных исторических закономерностей — фундаментальной задачи истории как науки.

Именно списки царей стали, как известно, древнейшими историческими текстами. В дальнейшем важнейшим жанром исторического нарратива стало хронологически упорядоченное повествование: во многих языках термины, обозначающие историческое сочинение, содержат указание на исчисление времени (*греч.* *χρονογραφία*, *лат.* *Annales*, *араб.* *تاريخ* *та'рих*, *кит.* *歷史* *лиши*, *рус.* *летопись*). Своего рода эталоном хроники стало сочинение христианского писателя и епископа, Евсевия Кесарийского, составленное в конце III в. и полу-

¹ См., напр., вступительную статью А. Нанетти в настоящем выпуске журнала.

чившее название «Каноны времени» (здесь слово «канон» использовано в первоначальном значении «линейки») [2]. Евсевий провел колоссальную работу, собрав воедино исторические сообщения из доступных ему источников и расположив их на единой хронологической шкале (начиная от года рождения Авраама) в виде нескольких столбцов, каждый из которых относился к тому или иному региону (Ассирия, Греция, Рим, Египет и т. д.). В финале таблиц эти регионы впечатляюще сливались в единую Римскую империю, что позволило Иерониму, латинскому переводчику и продолжателю Евсевия, ограничиться одним столбцом событий, датированных по эрам Авраама и Христа. К хронике Иеронима восходят все средневековые европейские хроники, представляющие собою по сути простые списки событий.

Византийская традиция, увы, не сохранила ни самих «Канонов» Евсевия, ни заложенного им жанра. Сложные «двумерные» таблицы оказались очень сложны для копирования (из-за малейшей разницы в почерке события съезжали со своих мест, и вся хронология нарушалась), а их сухой текст не привлекал средневековых книжников. В начале IX в. Георгий Синкелл и Феофан Исповедник создали (опираясь на Евсевия) «одномерный» аналог хронологически упорядоченной всемирной истории — «Хронографию», в которой все события были просто разложены по годовым гнездам эры от сотворения мира. Но и такой вид исторического нарратива не нашёл достойного продолжения, и все дальнейшие византийские исторические сочинения не просто не придерживались годовой сетки координат, но и вообще крайне редко указывали какие-либо даты. Эта специфическая особенность византийской историографии ставит перед исследователем особую проблему: хронологическое распределение событий с неявными (относительными) датировками. Например: основной источник о событиях IX–X вв., «Хронография» анонимного Продолжателя Феофана, вопреки названию, взятому от знаменитого сочинения Феофана (букв. «летописание»), датировок практически не содержит (а те, что есть, вызывают недоумение). Таким образом, при оцифровке его нарратива события приходится располагать произвольно — опираясь на ту или иную исследовательскую реконструкцию. При этом сам автор «Хронографии» нередко нарушает хронологическую последовательность своего рассказа, группируя сюжеты, а подчас и дублируя события из-за использования разных источников.

Продолжением трудов Евсевия и Георгия—Феофана в эпоху Нового времени стали грандиозные своды европейских эрудитов XVI–XVII вв.: «Thesaurus temporum» Жозефа-Жюста Скалигера, «Магдебургские центурии» коллектива протестантских ученых под руководством Маттиаса Флациуса, «Annales ecclesiastici» Цезаря Барония и др. Попыткой создать полномасштабный свод византийской хронологии стал труд швейцарского филолога на русской службе Эдуарда де Муральта «Essai de chronographie byzantine» (2 ч., 1855 и 1871). Однако этот кропотливый труд, увы, быстро устарел ввиду непрерывной работы ученых по уточнению датировок, и в настоящее время у византинистов (да и у других историков) не существует авторитетного и всеобъемлющего перечня исторических событий. Желая уточнить ту или иную дату приходится обращаться к всевозможным энциклопедическим изданиям, но и в них информация далеко не всегда соответствует последнему слову научной мысли.

Между тем, современные технологии создают совершенно новые возможности для соединения фундаментального массива академического исторического знания с возможностями оперативного учета новых научных достижений и удобного доступа ко всем уровням информационных массивов. К сожалению, популярные сетевые ресурсы (вроде «Википедии») далеко не всегда отвечают высоким академическим требованиям, и при этом лишены полноценной внутренней систематики. По нашему глубокому убеждению, настало время создания исторических хроник нового поколения — глубоко интегрированных и формализованных, но при этом удобных для пользования баз данных, в которых исторический нарратив был бы

представлен не просто закрытым списком достаточно случайно избранных событий, но представлял бы собой непрерывно пополняемую, максимально репрезентативную, связанную с источниками и исследовательской литературой сетевую информационную систему, ориентированную на профессиональное сообщество, но в то же время доступную широкому кругу пользователей. Создание и поддержка таких проектов требует длительного времени и привлечения сотен высококвалифицированных специалистов, что под силу только прогрессивным объединениям университетов и профильных академических институтов. Но начало уже положено: в рамках предварительной стадии нашего проекта были отработаны различные аспекты нового хронологического инструментария на примере истории Византии IX–X вв. [3].

Обзор типов источников

Массив наших знаний о Византии составляют несколько групп источников. В первую очередь, это документальный и актовый материал. Ввиду крайне плохой сохранности византийских архивов (что вызвано как многочисленными пожарами, так и двукратным тотальным разграблением Константинополя — западными крестоносцами в 1204 г. и турками-османами в 1453 г.), этот тип источников сводится к ограниченному количеству текстов и крайне немногочисленным оригиналам (в основном из монастырских собраний Афона). Перечни (регесты) этих документов, относящихся к императорской и патриаршей канцеляриям, составлены трудами немецких [4], кипрских [5] и французских [6] ученых. Кроме того, достаточно подробно изучены и изданы документальные собрания монастырей Афона [7].

Второй круг письменных источников — исторические сочинения византийских (на греческом языке) и иных (западных и восточных) авторов. Массив этих текстов, который на сегодняшний день можно считать практически закрытым (ввиду хорошей изученности всех рукописных собраний), достаточно хорошо описан в справочниках по византийской истории [напр., 8]. Тексты основной части византийских исторических сочинений изданы критически, переведены на основные европейские языки (в т.ч. и на русский) и снабжены комментариями [серии: 9; 10; 11; 12]. Более того, стараниями Калифорнийского университета создан впечатляющий электронный корпус грекоязычных текстов, который за последние несколько лет активно пополняется памятниками византийской и даже поствизантийской эпохи [13]. Наличие такого массива открывает впечатляющие исследовательские перспективы.

Третий по важности уровень источников составляет археологический материал: эпиграфика, нумизматика, сфрагистика. Этот массив данных систематизирован и издан далеко не однородно и, в отличие от литературных текстов, постоянно накапливается ввиду всё новых и новых археологических находок.

Наконец, особую группу составляют «немые» артефакты — памятники архитектуры, изобразительного и прикладного искусства, оружие, корабли и другие виды технических конструкций и т. п. Их систематизация и «оцифровка» требует принципиально иных подходов, нежели применяемая к текстовым источникам. В настоящее время этим занимается активно развивающаяся дисциплина — цифровая археология, успехи которой заставляют и классических гуманитариев быть более активными в деле дигитализации источников.

В процессе систематизации данных о византийской истории были инициированы в мире несколько крупных проектов по созданию специальных сводов в области библиографии [см. 14], просопографии [15; 16; 17; 18; 19], исторической географии [20]. Наличие таких сводов существенным образом облегчает создание универсального корпуса византийской истории — при условии, разумеется, их перевода на единую цифровую платформу, что является далеко не тривиальной задачей при нынешних подходах к организации и финансированию науки и охране авторских прав.

Аннотированная библиография

Задача комплексного исследования истории Византии поставила на повестку дня вопрос о создании единой информационной системы, которая давала бы исследователю оперативный и удобный доступ к источникам и исследовательской литературе [20]. Последнюю задачу призваны решать современные справочно-библиографические системы — но, как показал опыт, они нацелены в первую очередь на библиотечные собрания и часто ограничиваются формальным описанием изданий. Гораздо полезнее для византиниста оказываются аннотированные библиографические обзоры. И именно с их планомерной оцифровки и внесения в единую базу данных и был начат наш проект. Процесс этот оказался крайне трудоемким (учитывая наличие литературы на дюжине современных и древних языков, а также разноречивой в системе библиографических описаний). Тем не менее, в результате за 20 лет никем не финансирувавшейся и, как правило, основанной на энтузиазме отдельных лиц работы удалось создать электронную таблицу с аннотированными и развернутыми описаниями работ по истории Византии и сопредельных стран объемом более 400 000 единиц.

В случае полного охвата всей вышедшей со времени начала книгопечатания (1445 г.) специальной литературы в области византиноведения данная БД должна включить, по нашим предварительным оценкам, около 1 млн названий, с ежегодным приращением примерно на 5000 новых работ.

Практическим результатом данного этапа стала сетевая электронная библиографическая база данных «Библиография российского византиноведения», запущенная в 2011 г. [14 с. 406].

Следующим этапом по созданию свода знаний по истории Византии стало создание цифровой событийной базы данных, описанию которой и посвящена данная статья.

Фактография и геонотография

Если для естественных наук предметом исследования являются природные процессы и явления, фиксируемые человеческим опытом, то для исторической науки аналогом этого выступает вся совокупность событий, имеющих отношение к жизнедеятельности человека. Строго говоря, и любое естественнонаучное событие также можно интерпретировать в качестве исторического — при том условии, что оно прямо или косвенно затрагивает антропосферу. Например, последствия природных катастроф и аномалий, а также небесные явления издревле фиксировались в исторических сочинениях как важные с точки зрения хозяйственной и/или духовной жизни народов события.

Методологической проблемой является различие события как онтологического феномена объективного характера и исторического факта как фиксации данного события [21]. Точно так же, как научная фиксация природных явлений происходит в процессе научных опытов, обеспечивающих объективацию и верифицируемость того или иного факта, научная фиксация исторических событий производится путем критического анализа и систематизации сообщений письменных источников, выступающих в роли главного поставщика исторической информации. При этом факт соотносится с событием как информационный след с действительностью [22 с. 139; 23 с. 250].

В этой связи актуальной задачей являлось создание базы данных, которая в идеале призвана собрать воедино все более или менее достоверные факты, из которых можно делать заключения о значимых исторических событиях. Ввиду относительности и субъективности критерия значимости (ранга), а также ввиду возможности членения комплексных событий на более мелкие, размер подобной базы не имеет пределов. Однако, как показывает опыт, в исторический нарратив имеет смысл включать далеко не всё множество имеющих место в действительности человеческих действий, но лишь те, которые имеют когнитивное значе-

ние — а именно, в состоянии пополнить сокровищницу человеческого опыта. Очевидным образом, в эту группу попадают в первую очередь события политические (касающиеся жизни больших масс людей): именно поэтому основную часть исторических сочинений составляют повествования о правителях и войнах. С развитием исторической науки было предложено уделить внимание и событиям так называемой микроистории, или истории повседневности, как проливающим свет на эволюцию общепринятых обычаев, нравственных систем, экономических условий и тому подобных социальных практик и реалий, которые, как правило, остаются на периферии классических историописателей, но представляют особый интерес для изучения эволюции обществ. Их фиксация в едином фактографическом пространстве с событиями традиционной макроистории вполне возможна и даже полезна, но требует механизма фильтрации при помощи системы рангов и тегов. К примеру, запись всех более или менее важных событий, связанных с жизнью каждого человека, способна превратить БД в бесконечный и практически нечитаемый информационный континуум. Однако если мы все события такого рода «спрячем» с помощью рангового фильтра (например, не показывая события ранга ниже «4» по 10-балльной системе), мы сможем представить БД в виде, весьма похожем на классические хронологические таблицы. А включив все ранги и поставив в качестве фильтра имя конкретного человека, мы получим его полноценную биографию.

Поскольку фактом в общем случае можно называть любую достоверную информацию, следует оговорить, что в описываемую базу вносятся только исторические факты, отражающие события. Таким образом, саму таблицу было бы правильно называть гегонотографической (от греч. *γεγονός* «событие, факт, происшедшее»). Впрочем, этот несколько тяжеловатый для русского уха термин можно заменить на более понятное и благозвучное словосочетание «событийная база» (далее СБ).

Особыми группами источников исторической информации являются артефакты — продукты творческой деятельности человека, а также идеологемы и иные идейные конструкты, создаваемые человеком. Формальное описание тех и других в рамках исторического дискурса представляет собой сложную исследовательскую задачу, решаемую с помощью методов искусствознания, культурологии, семиотики, герменевтики и широкого спектра философских дисциплин. Артефакты играют роль гарантов достоверности фактов, что обуславливает их важнейшую роль в историческом знании.

В качестве составных частей событийной базы в нашем проекте были приняты следующие: 1) краткая дата; 2) краткое место; 3) краткое описание события; 4) институция; 5) лицо; 6) ранг; 7) тип; 8) полная дата (диапазон в числах Скалигера); 9) подробное описание; 10) источники; 11) исследования; 12 и далее) дополнительная информация (день недели, год по разным эрам, тексты и переводы источников, ключевые слова и теги и т. д.). Избранный для работы над предварительной стадии проекта традиционный табличный формат позволил удачно совместить возможности математических и логических операторов с большим объемом текстового содержания ячейки. Однако для полноценной реализации проекта необходимо создание полноценной сетевой базы данных, что требует привлечения специалистов из сферы IT технологий и соответствующего организационного и ресурсного обеспечения.

Система датировок

Наличие авторитетного перечня основных событий мировой истории, организованных по хронологическому принципу, — условие, без которого история не может существовать как научная дисциплина. Именно верная датировка событий делает возможным и выявление между ними причинно-следственных связей, и выведение тех или иных обобщающих наблюдений. Не случайно исторические записи всех народов и культур начинаются именно с упорядоченных списков царей и жрецов. Более того, в большинстве традиций эти имена и ста-

новились основой системы летосчисления. Отсутствие единой и цельной хронологической шкалы довольно долго было серьёзным препятствием для синхронизации событий мировой истории, и только появление христианства, с его претензией на всемирный охват, создало условия для появления универсальных эр: от сотворения мира и от Рождества Христова. Последняя из этих эр господствует в современном мире, однако не вполне удобна для описания древней истории — ввиду появления отрицательных величин и отсутствия «нулевого» года. Поэтому уже в XVI в. французский ученый-эрудит Жозеф-Жюст Скалигер предложил универсальную хронологическую шкалу, основанную на последовательном счете суток, начиная с полудня 1 января 4713 г. до н.э. Эту систему, включающую в свой диапазон все без исключения письменно зафиксированные и датируемые исторические события, мы и приняли за основу [24].

В целом, беллетристический нарратив, характерный для византийской историографии, превращает составление событийной базы в кропотливую научно-исследовательскую работу. При наличии гипотетических датировок, предложенных исследователями, при формировании таблицы приходится отдавать предпочтение какой-то одной из версий хронологии, отплевывая альтернативные варианты в разряд дополнительных (указываемых в скобках). Конечно, можно было бы заносить в таблицу все гипотезы как равноправные, но в таком случае возникло бы значительное количество дублированных событий.

Даты вводятся в СБ в нескольких форматах: 1) описательном (здесь возможно использование любых календарей, удобных для событийного контекста); 2) юлианском (год — число — месяц — час — минута — секунда); теоретически возможно внесение даты в любой календарной форме с последующей конвертацией в юлианскую. Точность указания датировки ничем не ограничена: при необходимости можно в графе «секунды» задавать сколь угодно малые числа (что, впрочем, неактуально при описании исторических событий); 3) числа Скалигера (в виде десятичной дроби, вычисляемой автоматически при внесении юлианской даты).

Важнейшим принципом, заложенным в систему, является представление *любой* даты в виде интервала, длина которого зависит от точности датировки. В случае известной даты это суточный отрезок, начинающийся в 00:00:00 и оканчивающийся в 24:00:00; в случае года — с 0 ч. 1 января по 24 ч. 31 декабря или с другими границами, соответствующими той или иной системе счёта лет. По мере изменения точности датировки в результате исследования границы интервала могут быть сколь угодно уменьшены (или увеличены).

Интервальный формат датировок следует отличать от датировок неявного типа, задаваемых в виде отрезка, ограниченного пределами наиболее ранней (*terminus post quem*) и наиболее поздней (*terminus ante quem*) из возможных дат. В этом случае в таблицу вносятся 00:00:00 ранней и 24:00:00 поздней даты.

Особую проблему представляют так называемые «полые» датировки, когда интервал возможных значений является прерывистым: например, в случае точно известного числа месяца и сомнительного года события. На ранних этапах работы мы заносили эти датировки в виде совокупности интервалов, что, однако, приводило к появлению нескольких одинаковых записей об одном и том же событии. Чтобы избежать «умножения сущностей», мы стали разворачивать «полые» интервалы до предельных границ, превращая их в обычные. Однако такой подход приводил к неоправданному занижению точности: к примеру, локализация события в пределах 14 июня 1206 или 1207 г. дает всего две возможных даты, хотя и разделенным годовым промежутком, тогда как интервал с 14 июня 1206 г. по 14 июня 1207 г. «размывает» событие по целому году. В результате было принято следующее решение. В случае «полых» датировок в СБ заносится только одна дата (на произвольный выбор), тогда как вторая указывается как вариант. Практика показала удобство и исследовательскую продуктивность данного подхода.

Избрание одной из нескольких возможных дат приводит — как в случае других альтернативных датировок — к появлению серии гипотетических временных цепочек. Выбор одной из них может быть сделан лишь в результате академического исследования, для которого наиболее удобен интерфейс, позволяющий связывать зависящие от той или иной гипотезы цепочки и «нажатием кнопки» выстраивать один вариант за другим, проверяя его вписываемость в более достоверный хронологический контекст. Это позволит перейти к следующему уровню реализации данного — анализу причинно-следственных связей, выявлению закономерностей и отработке прогностических алгоритмов.

Особой проблемой в исторических исследованиях является корреляция датировок, сделанных в источниках по разным системам календарей и летосчисления. Для удобства в нашей системе принята юлианская система Скалигера, активно используемая астрономами, с тем отличием, что за начало счетных суток принимается не полдень 12:00, а предшествующая полночь. Таким образом, табличное число Скалигера опережает астрономическое на 0,5 (напр., 0 ч. 0 мин. 1 января 2021 г. = 2459216,0 вместо 2459215,5).

При внесении в СБ датировок для событий новейшего времени важность приобретает учет часовых поясов, а также сезонных сдвигов счета времени («летнее/зимнее время»). Для практического удобства в системе принята нормализация на поясное время Москвы и Санкт-Петербурга образца 2014 г. (UTC +3), совпадающее с летним Восточноевропейским временем (EEST) и часовым поясом Ближнего Востока. Поясные отклонения других регионов учитываются при вычислении при добавлении к абсолютному числу Скалигера соответствующего коэффициента.

Работа с датами из истории византийско-арабских отношений высветила неожиданную проблему авторитетности существующих календарных конверторов. Оказалось, что среди них нет единства в переводе арабских дат: популярные сетевые русскоязычные и иностранные конверторы дат дают разные результаты. Наиболее подробный общедоступный сетевой конвертор дат — на страничке Р. ван Гента из Математического института Утрехтского университета [25] — представляет целых восемь вариантов пересчета европейской даты на исламскую: по 4 системам интеркаляции в 30-летнем лунном цикле исламского табличного календаря (*хисаби*) (восточноисламская, западноисламская, исмаилитская, система Ахмада аль-Марвази), каждая из которых имеет два варианта эпохи хиджры: четверг 15 июля 622 г. («астрономическая» эра) или пятница 16 июля 622 г. («гражданская» эра). Кроме того, в древности нередко день месяца определялся не по таблицам, а на основе визуального наблюдения за луной. Поэтому при точном определении даты мусульманского календаря приоритетное значение имеет день недели.

Имена

Важнейшим компонентом фактографии является четкая привязка действий/событий к акторам, в качестве которых чаще всего выступают: 1) отдельные личности (правители, военачальники, иерархи и другие религиозные лидеры, деятели науки и культуры и т. п.); 2) коллегиальные институты (правительства, народные собрания, церковные соборы и др.); 3) формальные и неформальные группировки (армии и военные отряды, банды, народные массы, различные сообщества, профессиональные коллективы и т. д.). Систематическое описание требует нормализации, по крайней мере, личных имен и наименований наиболее устойчивых коллегиальных акторов: государств, церквей и этносов, стоящих на племенном уровне организации.

С этой целью в СБ введены рубрики «персоналия» и «институция», в которые помещаются в нормализованной форме краткие имена и названия. Развернутые описания персоналий (в т.ч. анонимных и коллективных авторов) и политических институций (государственных и квазигосударственных образований, племён, общественных движений и группировок,

партий, религиозных и общественных организаций и т. п.) помещены в особых таблицах, где перечислены их свойства и характеристики.

Особой задачей является обеспечение многоязычного поиска по всей базе данных. С этой целью в одну строку СБ в соответствующих столбцах собираются варианты каждого имени/названия на всех языках, во всех возможных падежах, чтобы при поисковом запросе искомая сущность могла быть найдена при запросе на любом языке во всех содержащих ее записях.

Пространственная привязка

Место события указывается, как правило, по месту нахождения актора; иногда — по месту нахождения пассивного объекта. Например, решение о строительстве крепости может приниматься в столице, однако в СБ логичнее привязать данное событие к локации самой крепости.

Место задается в форме цепочки от частного к общему (по аналогии с европейским стандартом почтового адреса). Это оказалось более удобным для детализации информации, хотя для задач систематизации более логичным представляется система от общего к частному (как в советских почтовых адресах). Приоритет отдается аутентичной форме названия на момент события. При этом, для облегчения поиска, указывается и современный вариант того же топонима (через «|»). Топонимы связаны с отдельной географической базой данных — аналогом картографического газетира, где для них указаны точные координаты (по десятичной системе). Как и в случае с временными датировками, географическая привязка осуществляется не точным, а интервальным методом. В качестве исходной единицы интервала принята величина в 0,01 градуса (для меридионального градуса примерно равная 1 км), хотя точность локализации, как и точность датировки, в принципе ничем не ограничена.

Сочетание точной датировки и локализации открывает перспективы для уточнения, казалось бы, давно и прочно датированных событий. Опыт такого уточнения применен автором данной статьи в недавних публикациях [26; 27; 28].

Запись события

В качестве базовой структуры исторического нарратива рассматривается цепочка: «замысел» — «действие» (+ «происшествие») — «результат (событие)». Деяния выявляются из череды событий путем выявления в них целенаправленности и группирования в модули соответственно той или иной цели.

Одним из условий успешной формализации является однородность типологически идентичных данных. Для этого был разработан шаблонный формуляр геонотографической записи: 1) действующее лицо (актор) — имя существительное в именительном падеже; 2) завершенное действие — глагол совершенного вида в прошедшем времени; 3) объект действия (при наличии) — имя существительное в винительном или косвенном падеже; 4) существенные обстоятельства. Однако последовательное применение данного шаблона натолкнулось на ряд трудностей. Во-первых, во многих случаях приходится применять формы записи с неявным актором. Например, возведение чиновника в должность или присвоение сановнику титула, строго говоря, является действием государственной власти. В то же время, особенно в случае с высшими должностными лицами, эти события являются результатом совместного действия многочисленных сил и факторов, и их удобнее привязывать к пассивным объектам («NN занял такую-то должность» вместо «N назначил NN на такую-то должность»). В той же форме удобно задавать рождение и смерть, формально в большинстве случаев относящиеся к разряду естественных событий (с актором в лице природы). В целом естественные события/процессы (эпидемии, землетрясения, пожары, небесные явления и т. д.) приходится задавать через глаголы «произошло», «началось», «случилось» и т. п., выбивающи-

еся из модели «актор — действие — объект». Но в данном случае это вполне оправдано ввиду отсутствия волевого действующего лица.

В ходе составления событийных записей краткого формата было признано существенным обеспечить, с одной стороны, их предельную краткость (не более 200 символов), а с другой — максимальную информативность и верное понимание вне контекста. Так, имена действующих лиц желательно снабжать дефинициями, а при ключевых событиях — возрастом, происхождением и другими важными обстоятельствами. Пример такой записи: «931, авг. — Имп. Христофор, старший сын Романа I и наследник виз. престола, умер (ок. 36 лет)». Большинство характеристик и обстоятельств указываются в разделе «развернутое описание события».

При выборе глагола безусловное предпочтение отдается прошедшему времени совершенного вида активного залога. Возвратные глаголы употребляются для ограниченного круга естественных событий («родился», «случилось», «началось»). Наконец, пассивный залог используется только в тех случаях, когда действующее лицо неизвестно, малозначительно или имеет технический характер («убит», «создан/ликвидирован», «основан/разрушен», «открыт/закрыт», «похоронен», «издан» и т.п.).

Для задач формализации важно при обозначении одних и тех же деяний придерживаться единого образа краткой записи. Для этого в ходе работы над таблицами пришлось сформировать ряды синонимичных глаголов, сводимых к одному, принятому за норму. Это помогает оператору избежать, с одной стороны, разнобоя, а с другой — мучительной процедуры подбора «нужного» глагола.

Как показал предварительный анализ, все многочисленные варианты событий в разделе сводятся к трем типам глаголов: 1) трансформации, или преобразования, 2) пребывания, или сохранения, 3) перемещения, или коммуникации. Это прекрасно коррелирует с тремя базовыми типами действий в информатике (обработка, хранение, передача), что подтверждает информационную природу не только знания (что очевидно), но и человеческой деятельности в целом — как деятельности осмысленной и организованной. Это обстоятельство доказывает теоретическую обоснованность и научную перспективность постановки задачи по машинной обработке исторического знания. Решение этой задачи выходит за пределы данного этапа формализации, ограниченного более узкой проблематикой создания пригодного для дальнейшей обработки свода исторических событий на локальном примере византийской истории [29; 30].

Полученные результаты позволяют говорить о весомых исследовательских перспективах создания академических событийных баз данных по самым разным направлениям исторической науки. Их появление будет актуальным и эффективным инструментом для успешного противодействия профанации и фальсификации исторического знания — проблемы, острота которой увеличивается по мере неуклонного роста доли общедоступных сетевых ресурсов в общем объеме потребляемой информации. Такая крайняя актуальность требует особого внимания академического и экспертного сообщества к настоящему проекту и оказание необходимой государственной и общественной поддержки. Приглашаем коллег к сотрудничеству.

Литература

1. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987.
2. *Eusebi Chronicon canonum quae supersunt* / Ed. A. Schoene. Berlin: Weidmann, 1866–1875. Т. I–II.
3. Быстрицкий Н. И., Кузенков П. В. Подходы к формированию и анализу свода данных по истории Византии // Византийский временник. 2019. Т. 103. С. 13–31.
4. *Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches*. Bd. 1/1. München, 2009 (2. Aufl.); Bd. 1/2. München, 2003 (2. Aufl.); Bd. 2. München, 1995 (2. Aufl.); Bd. 3. München, 1977 (2. Aufl.); Bd. 4. München, 1960; Bd. 5. München, 1965.
5. Lounghis T. C. *Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 476 bis 565*. Nicosia, 2005.
6. *Les registes des actes du Patriarcat de Constantinople, I: Les actes des Patriarches*. Т. 1–7. Paris, 1972–1991.

7. Archives de l'Athos. T. 1–21. Paris, 1935–2001.
8. Karayannopoulos J., Weiss G. Quellenkunde zur Geschichte von Byzanz (324–1453). Wiesbaden, 1982.
9. Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Washington; Wien; Roma; Paris; Athens etc. 1967–.
10. Belfast Byzantine Texts and Translations. Belfast, 1991–.
11. Translated Texts for Byzantinists. Liverpool, 2012–.
12. Византийская библиотека. Источники. СПб.: Алетейя, 1996–.
13. Thesaurus Linguae Graecae. A Digital Library of Greek Literature. URL: <http://stephanus.tlg.uci.edu/> (дата обращения: 20.08.2021).
14. Быстрицкий Н. И. Цифровые библиографические ресурсы по византиноведению // Роль библиографии в информационном обеспечении исторической науки. М.: Этерна, 2018. С. 399–411.
15. Prosopography of the Byzantine World. URL: <https://pbw2016.kdl.kcl.ac.uk/> (дата обращения: 20.08.2021).
16. Prosopography of the Byzantine Empire. URL: <http://www.pbe.kcl.ac.uk/> (дата обращения: 20.08.2021).
17. Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. URL: <http://pom.bbaw.de/pmbz/> (дата обращения: 20.08.2021).
18. Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. URL: <http://austriaca.at/3310-3inhalt> (дата обращения: 20.08.2021).
19. Prosopographie chrétienne du Bas-Empire. URL: <https://www.orient-mediterranee.com/spip.php?article1360&lang=fr> (дата обращения: 20.08.2021).
20. Tabula Imperii Byzantini. URL: <https://tib.oeaw.ac.at/> (дата обращения: 20.08.2021).
21. Bystritskiy N. System approach for digital history // ITM Web of Conferences. 2020. Vol. 33. Pp. 1–10. DOI: 10.1051/itmconf/20203303002
22. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
23. Ерѣменко А. М. Понятия «факт» и «событие»: смысловое сходство и различие // Філософські дослідження. Луганськ, 2011. Вип. 14. С. 246–254.
24. Быстрицкий Н. И. Естественнаучные подходы к получению и анализу цифровых данных византийской истории // Естественнаучные методы в цифровой гуманитарной среде. Пермь: ПГНИУ, 2018. С. 19–22.
25. Islamic-Western Calendar Converter: Based on the Arithmetical or Tabular Calendar. URL: http://webpace.science.uu.nl/~gento113/islam/islam_tabcal.htm (дата обращения: 20.08.2021).
26. Кузенков П. В. Русь Олега у Константинополя в 904 году // Причерноморье в средние века. Вып. 8. М.; СПб., 2011. С. 7–35.
27. Кузенков П. В. Дата визита княгини Ольги в Константинополь в свете новых данных: 946 г. // Византийский временник. 2020. Т. 104. С. 127–149.
28. Кузенков П. В. Поход халифа аль-Мутасима на Аморий в 838 г.: уточнение хронологии // Античная древность и средние века. 2020. Вып. 48. С. 74–95. DOI: 10.15826/ads.v.2020.48.005
29. Быстрицкий Н. И., Кузенков П. В. Опыт формализации исторических данных на примере византийской истории // Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies. Sofia, 2011. Vol. III. P. 302–303.
30. Кузенков П. В., Быстрицкий Н. И. Текущие подходы к накоплению и анализу цифровых данных византийской истории // 23rd International Congress of Byzantine Studies. Belgrade, 22–27 August 2016. Thematic Session of Free Communications. Belgrade, 2016. С. 231–232.

References

1. Kovalchenko, I. D. *Methods of historical research*. Moscow: Nauka, 1987 (in Russian)
2. Schoene, A. (ed.). *Eusebi Chroniconum canonum quae supersunt*. Berlin: Weidmann, 1866–1875. 2 vols.
3. Bystritskiy, N. I., Kuzenkov, P. V. “Suggested Approaches to the Acquisition and Analysis of Data for the Byzantine History.” *Vizantiyskiy Vremennik* 103. 2019. Pp. 13–31 (in Russian).
4. *Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches*. Bd. 1/1. München, 2009 (2. Aufl.); Bd. 1/2. München, 2003 (2. Aufl.); Bd. 2. München, 1995 (2. Aufl.); Bd. 3. München, 1977 (2. Aufl.); Bd. 4. München, 1960; Bd. 5. München, 1965.
5. Lounghis, T. C. *Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 476 bis 565*. Nicosia, 2005.
6. *Les regestes des actes du Patriarcat de Constantinople, I: Les actes des Patriarches*. T. 1. Paris, 1972 (2éd.); T. 2–3. Paris, 1989 (2éd.); T. 4. Paris, 1971; T. 5. Paris, 1977; T. 6. Paris, 1979; T. 7. Paris, 1991.
7. *Archives de l'Athos*. T. 1–21. Paris, 1935–2001.
8. Karayannopoulos, J., Weiss, G. *Quellenkunde zur Geschichte von Byzanz (324–1453)*. Wiesbaden, 1982.

9. *Corpus Fontium Historiae Byzantinae*. Washington; Wien; Roma; Paris; Athens etc. 1967–.
10. *Belfast Byzantine Texts and Translations*. Belfast, 1991–.
11. *Translated Texts for Byzantinists*. Liverpool, 2012–.
12. *Byzantine library. Sources*. SPb: Aleteya, 1996–.
13. *Thesaurus Linguae Graecae. A Digital Library of Greek Literature*. URL: <http://stephanus.tlg.uci.edu/> (accessed on 20.08.21).
14. Bystritskiy, N. I. “Digital Bibliographical Resources for Byzantine Studies.” In *Role of Bibliography in Information Support of Historical Science*. Moscow, 2018. Pp. 399–411 (in Russian).
15. *Prosopography of the Byzantine World*. URL: <https://pbw2016.kdl.kcl.ac.uk/> (accessed on 20.08.21).
16. *Prosopography of the Byzantine Empire*. URL: <http://www.pbe.kcl.ac.uk/> (accessed on 20.08.21).
17. *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit*. URL: <http://pom.bbaw.de/pmbz/> (accessed on 20.08.21).
18. *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit*. URL: <http://austriaca.at/3310-3inhalt> (accessed on 20.08.21).
19. *Prosopographie chrétienne du Bas-Empire*. URL: <https://www.orient-mediterranee.com/spip.php?article1360&lang=fr> (accessed on 20.08.21).
20. *Tabula Imperii Byzantini*. URL: <https://tib.oeaw.ac.at/> (accessed on 20.08.21).
21. Bystritskiy N. “System approach for digital history.” *ITM Web of Conferences* 33. 2020. Pp. 1–10. DOI: 10.1051/itmconf/20203303002
22. Arutyunova, N. D. *Tipyyazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytiye. Fakt. (Types of linguistic values: Assessment. Event. Fact)*. Moscow: Nauka, 1988. 341 pp. (in Russian).
23. Eremenko, A. M. “Ponyatiya «fakt» i «sobytiye»: smyslovoyeskhodstvovirazlichie. (“The concepts of «fact» and «event»: semantic similarity and difference.” *Filosofski doslidzhennia* 14. 2011. Pp. 246–254 (in Russian).
24. Bystritskiy, N. I. “Natural Science Approaches to the Acquisition and Analysis of Digital Data for the Byzantine History.” In *Natural Science Methods in the Digital Humanities Environment*. Perm, 2018. Pp. 19–22 (in Russian).
25. Islamic-Western Calendar Converter. Based on the Arithmetical or Tabular Calendar. URL: http://webpace.science.uu.nl/~gento113/islam/islam_tabcal.htm (accessed on 20.08.21).
26. Kuzenkov, P. V. “Oleg’s Rus’ at Constantinople in 904.” *Black Sea Region in the Middle Ages* 8. 2011. Pp. 7–35 (in Russian).
27. Kuzenkov, P. V. “Date of Princess Olga’s visit to Constantinople in the light of new data: 946.” *Vizantiyskiy Vremennik* 104. 2020. Pp. 127–149 (in Russian).
28. Kuzenkov, P. V. “The campaign of Caliph al-Mutasim to Amorium in 838: clarification of chronology.” *Antichnaya drevnost’ srednievaka* 48. 2020. Pp. 74–95 (in Russian). DOI: 10.15826/adsv.2020.48.005
29. Bystritskiy, N. I., Kuzenkov, P. V. “Experience of formalizing historical data on the example of Byzantine history.” In *Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies*. Sofia, 2011. Vol. 3. Pp. 302–303 (in Russian).
30. Kuzenkov, P., Bystritskiy, N. “Current approaches towards acquisition and analysis of a Byzantine history digital data.” In *Proceedings of the 23rd International Congress of Byzantine Studies. Belgrade, 22–27 August 2016. Thematic Session of Free Communications*. Belgrade, 2016. Pp. 231–232 (in Russian).

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETIES

Солнечная энергетика и мифы Solar energy and myths

П. А. Куценков

канд. искусствоведения, д-р культурологии, в.н.с.
Института востоковедения РАН
E-mail: pkutsenkov@gmail.com
ORCID: 0000-0002-4288-6167

Petr A. Kutsenkov

Candidate of Sciences (Art History), Doctor of Sciences
in Culturology, Leading Research Fellow
Institute of Oriental Studies RAS

Резюме. В статье рассматривается воздействие новых технологий (солнечной энергетике и мобильной связи) на традиционную культуру народа догон (Мали). Эти факторы заметно изменили жизнь на нагорье Бандиагара (Плато Догон): культура из бесписьменной она превращается в письменную, а социальные сети способствуют «вторичной мифологизации» в виде искусственно создаваемого «общедогонского мифа».

Ключевые слова: Мали, догоны, солнечная энергетика, мобильная связь, культура, социальные сети.

Abstract. The article examines the impact of new technologies (solar energy and mobile communications) on the traditional culture of the Dogon people (Mali). These factors have noticeably changed life in the Dogon Plateau: culture from unwritten it turns into written, and social networks contribute to “secondary mythologisation” in the form of an artificially created “common Dogon myth”.

Keywords: Mali, Dogon, solar energy, mobile communications, culture, social networks.

Пока во всем мире идут споры, сможет ли зеленая энергетика заменить традиционную, в Западной Африке бурное развитие современных технологий начало менять и уже во многом изменило жизнь даже в самой отдаленной глубинке. Так, в Республике Мали благодаря солнечным панелям решаются задачи электрификации и телефонизации страны.

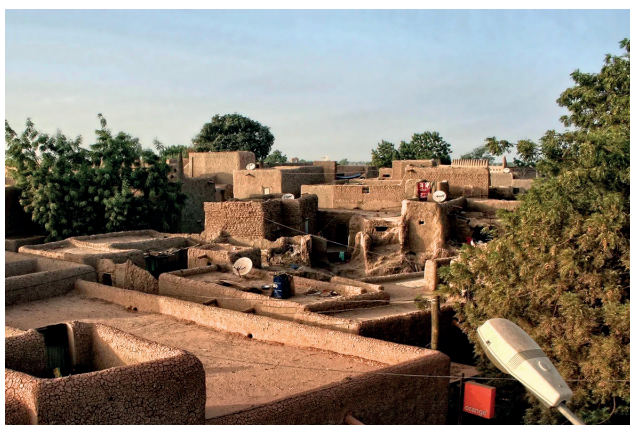
Еще в начале 1990-х гг. в малийских деревнях не было никаких надежд ни на первое, ни на второе. Теперь положение быстро меняется — так, в Стране догонов, до относительно недавнего времени бывшей весьма труднодоступной территорией, за счёт возобновляемых источников обеспечиваются электроэнергией небольшие города, вроде Банкасса и Коро. Солнечная энергия активно используется и в деревнях (ил. 1; 2), что меняет качество жизни: при помощи энергии солнца и более привычных бензиновых генераторов осуществляется водоснабжение, которое делает возможными развитие садоводства и овощеводства там, где ранее они были недоступны. В результате улучшается питание населения, а также расширяются экономические возможности деревень: так, база Малийской экспедиции ИВ РАН, деревня Энде (регион Мопти, округ Банкасс, сельская коммуна Кани-Бонзони), теперь производит тамариндовый и лимонный сиропы, а также картофель «на экспорт». Второе следствие получения более или менее доступной электроэнергии — распространение телевидения: спутниковые антенны теперь не такая уж редкость в малийских деревнях и городах (ил. 3).

Ил. 1. Солнечные панели в деревне Энде. От них работают компьютер и принтер в административном здании

Ил. 2. Солнечные панели у деревни Тинтан. От них работает насос, качающий воду из колодца на водопое для скота

Ил. 3. Спутниковые антенны в цитадели малийского ислама, г. Дженне, который полностью сохранил свой средневековый облик

Но настоящая революция произошла благодаря сотовой связи. Для Мали она имеет особое значение: огромная малонаселенная пустыня составляет большую часть территории страны. Даже на относительно густонаселённом юге Мали многие населенные пункты остаются труднодоступными. Разумеется, финансирование также оставляет желать лучшего. Все это делает практически невозможным развитие фиксированных телефонных сетей. Те же факторы сильно затрудняют развитие и сотовой связи, но именно в сочетании с солнечной энергией эта задача становится решаемой: вышку сотовой связи, которая питается от солнечной электростанции, можно поставить в любом месте¹.

Число абонентов мобильной связи в Мали, как ожидается, достигнет в 2022 г. 138% населения по сравнению со 127% в 2017 г. (ил. 4). Из этих цифр следует, что большая часть абонентов мобильной связи имеет либо смартфоны с двумя СИМ-картами, либо два телефона. Причина этого состоит в том, что в разных местах один оператор связи принимается хуже, чем другой. Сейчас в Мали действуют уже три оператора: Orange Mali, Malitel и Alpha Telecom.

Что касается деревни Энде, то ее телефонизация происходила на глазах автора: в 2015 г. для того, чтобы воспользоваться сотовой связью, приходилось подниматься довольно высоко на скалы (ил. 5; 6). Но в 2017 г. недалеко от Энде была построена вышка сотовой связи, благодаря чему несколько деревень сельской коммуны Кани-Бонзони получили уверенный прием 4G и мобильный интернет. В результате, практически все население деревни в 2018 г. имело мобильные телефоны, а то и по два.

В то же время медленно, но верно шел рост грамотности населения, хотя процесс этот сталкивается со множеством трудностей. Положение с начальным образованием в малийских деревнях хорошо видно на примере школы в Энде, где обучаются дети 6–15 лет из нескольких соседних деревень. Условия обучения там весьма далеки от идеальных: за одной партой, рассчитанной на троих, сидят четверо или пятеро учеников, не хватает тетрадей, учебников, мела, письменных принадлежностей и т. д.; учителя могут годами не получать заработную плату. Несмотря на то, что многие ученики школу не заканчивают, большинство молодых людей теперь умеют, по крайней мере, читать, писать и считать (впрочем, с устным счетом у малийцев вообще не возникает проблем). Правда, война с террористами, которая в последнее время охватила и Страну догонов, нанесла по начальному образованию сокрушительный удар — в 2019 г. там не работало больше 60% школ. Тем не менее, рост грамотности в Мали сомнений не вызывает. Своим следствием он, в частности, возымел то, что сейчас происходит радикальное изменение традиционной культуры: из бесписьменной она превращается в письменную (см. [1; 2]).

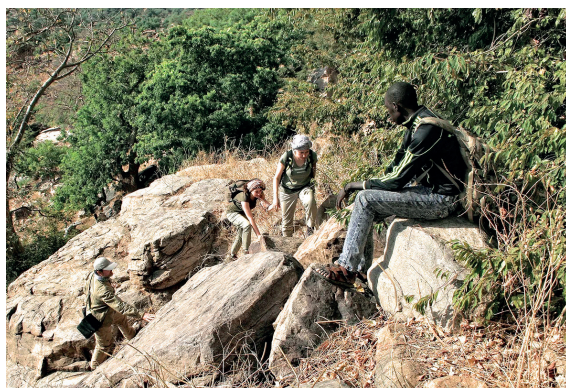
Надо заметить, что всякие технические новшества, вроде дронов, у малийцев не вызывают никакого страха, но только самое живое любопытство: так, в цитадели малийского ислама, древнем городе Дженне, мы запускали дрон, чтобы снять сверху знаменитую мечеть, находящуюся под охраной ЮНЕСКО. Вопреки нашим ожиданиям, это встретило самое горячее любопытство и одобрение не только со стороны учеников местной коранической школы (где, кстати, учатся и девочки), но и со стороны духовенства самой мечети (ил. 7).

Можно было бы ожидать, что молодое грамотное поколение малийцев и догонов, в частности, вооружённое мобильным интернетом, будет подвержено внешним влияниям в значительно большей степени, чем их отцы и деды. Но, по наблюдениям автора, именно мобильный интернет как раз и способствует распространению традиционной культурной

¹ В последнее время появился дополнительный фактор, сильно затрудняющий и мобильную телефонизацию: после переворота в 2012 г. обширные территории на севере страны были захвачены исламскими боевиками.

Ил. 4. Зарядка мобильных телефонов в скалах около деревни Энде

Ил. 5. Подъем на скалы около деревни Энде (справа — Сулейман (Суль) Гиндо)

Ил. 6. Отдых после подъема на скалы около деревни Энде. Слева направо: Дарья Ванюкова (ГМВ, Москва), Ника Лаврентьева (ГМИИ им. А. С. Пушкина, Москва)

информации среди новейших поколений. Но в данном случае под словосочетанием «традиционная культурная информация» скрываются два совершенно разных явления.

Первое — традиции конкретных деревень, их кварталов и населяющих их больших семей (*гинна*). Таковыми являются локальные исторические предания. Однако и тут имеются серьезные новшества: так, один вариант исторического предания квартала Огоденгу деревни Энде уже можно найти в интернете [3], и этот вариант несколько отличается от списка, хранящегося у самого уважаемого гражданина Огоденгу, Сейду (Жюстена) Гиндо. Не приходится сомневаться в том, что после записи такого предания и появления его в интернете именно тот вариант, что есть в сети, приобретет «каноническую» форму, а все прочие рано или поздно либо будут забыты, либо послужат материалом для конструирования некоей усредненной его версии. Иными словами, естественные для устной традиции изменчивость и противоречивость скоро исчезнут.

Во втором случае оживления традиционной культуры мы сталкиваемся с феноменом «обратной связи» (*feedback*), который был впервые описан в 1973 г. американским этнологом Д. Хэниге [4]. Вероятно, так или иначе с ним встречаются все работающие в поле антропологии. Так, в марте 2015 г. в г. Севаре в Мали гриот Мадани Куйате изложил автору историю Сураката, прародителя касты гриотов у народов мандинка и бамбара, в точном соответствии с той версией, что была в свое время опубликована Дэвидом Конрадом [5, р. 39–40].

Обычно информанты воспроизводили те труды антропологов, где аутентичность зафиксированных в них традиций, в целом, не вызывает сомнений — это можно рассматривать в русле уже известного нам феномена превращения бесписьменной культуры в письменную, поскольку результатом тут является появление одной канонической версии данного исторического предания или мифа. Но с догонами дело обстоит иначе: во-первых, нередко аутентичность уже опубликованных этнологами повествований, воспроизводимых информантами, вызывает очень большие сомнения.

Впервые памятники устной традиции догонов были опубликованы в начале прошлого века (см. [6, р. 193, 376]). Эти легенды и мифы полностью вписывались в общую картину культуры Западной Африки. Но после публикации в 1948 г. книги Марселя Гриоля «Бог воды. Беседы с Оготеммели» [7] выяснилось, что догоны, якобы обладают неким особым эзотерическим знанием, в Африке не имеющим аналогий. Через два года после «Бога воды» была опубликована статья «Суданская система Сириуса» [8], где и утверждалось, что догоны владеют астрономическими знаниями, которые стали достоянием науки только в новейшее время. Несоответствия и противоречия в трудах исследователей французской школы были отмечены еще в 60-х гг. прошлого века, и сейчас критике школы Гриоля посвящено уже весьма солидное количество публикаций.

Начиная с 1961 г., все больше догонов стали получать и среднее, и высшее образование². Те причудливые плоды, которые порождает смесь образования, традиций, неотрадиционализма и бурного развития цифровых коммуникаций, мы рассмотрим на примере ежегодных фестивалей культуры догонов Огобанья (Ogobagna, Ogobara — «Чаша вождя», ил. 8–12).

В 1992 г. малийские интеллектуалы, все с высшим образованием, которое они получили в США или в Европе, создали Ассоциацию Гинна Догон (Ginna Dogon), что можно перевести на русский язык как «Большой догонский дом» и/или «семья». Ее задачей является защита и поощрение культуры догонов, с опорой — добавим от себя — на неотрадиционализм.

² Следует заметить, что, несмотря на свою относительно небольшую численность, догоны играют очень заметную роль и в экономике, и в политике, и в культуре Республики Мали. Так, до военного переворота в августе 2020 г. во всех правительствах Республики Мали доля догонов была не менее 12%, притом, что их доля в населении Мали составляет примерно 6%. То, что после переворота в правительстве не оказалось ни одного министра-догона, вызвало бурю негодования в социальных сетях.

Ил. 7. Волонтер экспедиции Николай Жилин запускает дрон в Дженне

Ил. 8. Выход масок деревни Сангха на фестивале Огобанья 2019

Ил. 9. Церемония в память Жака Ширака на фестивале Огобанья 2019

Ил. 10. Сокращенная церемония Дама (поминовения усопших) в исполнении масок деревни Сангха на фестивале Огобанья 2019

Ил. 11. Сокращенная церемония Дама (поминовения усопших) в исполнении масок деревни Сангха на фестивале Огобанья 2019

Ил. 12. Сокращенная церемония Дама (поминовения усопших) в исполнении масок деревни Сангха на фестивале Огобанья 2019

Как отметил еще в 1995 г. французский исследователь Жаки Бужю, неотрадиционализм — недавний городской феномен, который от традиционализма настоящего тем и отличается, что сами его участники традиций отнюдь не придерживаются: все основатели ассоциации являются выходцами из мусульманских или христианских семей, как правило, с европейским университетским образованием [9, р. 13]. В 2016 г. Ассоциация Гинна Догон выступила инициатором и организатором фестивалей культуры догонов Огобанья, которые в конце января

Ил. 13. Гинна в деревне Сонингхе

ежегодно проводятся в Бамако.

С одной стороны, эти фестивали сильно способствуют росту и этнического самосознания, и малийского патриотизма, причем не только среди догонов, но и среди всех их партнеров по шуточному родству — народов бозо, сонгаев, бамбара, мандинка, пель, туарегов и арабов (мавров). Поскольку одной из важнейших задач Гинна Догон является работа над созданием общей версии «догонской традиции», то на фестивалях она насаждается весьма активно. И тут весьма уместен будет вопрос, заданный Сиди Ламине Багайоко и Надин Уаноно: не те ли это традиции, «что были сформированы «Богом воды» Гриоля, который гиды вызубрили наизусть для того, чтобы пересказывать туристам, попавшим под очарование этой «культуры предков»?» [10, р. 247]. Ответ на этот вопрос должен быть утвердительным; более того, Огобанья изначально был фестивалем той самой деревни Сангха, где работал Гриоль, и которая давно стала Меккой французской этнологии, туристическим центром и «визитной карточкой» традиционной культуры догонов.

Заметим, что продвижение Сангха в СМИ на фестивалях Огобанья для самой сельской коммуны Сангхаи имеет большое экономическое значение, как и для всей туристической индустрии Мали, которая сейчас практически разрушена из-за войны. Поэтому-то с распространением «гриолевского» извода культуры догонов по сугубо экономическим соображениям вынуждены мириться и жители тех деревень, чьи традиции сильно отличаются от традиций Сангха, и то немалое число догонских интеллектуалов, которые не согласны с политикой «гриолизации» своей культуры. По крайней мере, все выходцы из деревни Энде, получившие высшее или среднее специальное образование, а нередко и с учеными степенями, с которыми беседовал автор (Бокари Гиндо, Муса Амаду Гиндо, Сулейман Гиндо, Сейду (Жюстен) Гиндо), откровенно насмехались над гриолевскими мифами, но, тем не менее, публично на эту тему предпочитают не высказываться... Как бы то ни было, в наши дни

идет процесс сложения общедогонского мифа, построенного на мифологии «по Гриолю»³. Его быстрое и, надо признать, весьма успешное внедрение в сознание догонской молодежи происходит, по мнению автора, именно благодаря росту грамотности, современным формам культуры (фестивали Огобанья) и особенно, как ни парадоксально это звучит — благодаря быстрой информатизации традиционной культуры: Фейсбук, Твиттер и Инстаграм сделали для этого больше, чем все европейские публикации, повторяющие мифы «по Гриолю»⁴. При этом и неграмотные крестьяне из глубинки, и столичные интеллектуалы прекрасно знают о том, что в их родных деревнях таких мифов нет, и охотно говорят об этом в частных беседах; тем не менее, они всячески их продвигают, имея в виду сугубо экономические выгоды от рассказов про Сириус и Номмо, которыми изобилует интернет. Иной раз, это «двоемыслие» принимает совершенно анекдотические формы. Так, в январе 2019 г. участники Малийской экспедиции ИВ РАН посетили деревню Сонингхе, откуда, согласно устному историческому преданию кварталов Огоденгу и Энде-Торо деревни Энде, пришли в свое время их основатели. Нас сопровождал Сулейман (Суль) Гиндо, дипломированный агроном и специалист по защите растений.

Благодаря своей относительной изоляции, Сонингхе — деревня более традиционная, чем Энде. Там осталось немалое количество язычников, и поэтому до сих пор существуют традиционные «большие дома», *гинна* (правильнее их было бы назвать «традиционными административными зданиями», где собираются старейшины гинна и проходят заседания традиционных судов «второй инстанции»). Когда мы проходили мимо одного из них, Суль заметил, что на фасаде гинна обязательно должно быть семь пилостр, по числу миров, согласно гриолевскому изводу догонской мифологии. Автор предложил Сулю пересчитать пилостры. Их получалось сколько угодно, но только не семь (ил. 13). Тогда, в поисках «правильного» сооружения, мы обошли всю деревню, и, наконец, обнаружили один гинна, где действительно было семь пилостр.

Заключение

Итак, вторжение современных технологий в жизнь догонов приводит к весьма неоднозначным результатам. С одной стороны, солнечные панели и мобильный интернет резко повышают качество жизни в даже самых труднодоступных деревнях, каковых в Стране догонов немало. С другой, результатом активного использования этих технологий стало раздвоение сознания жителей деревень: человек остается носителем своей культуры, но при этом на него обрушивается поток информации, имеющей прямое отношение к традиционной деревенской картине мира, но при этом в нее решительно не укладывающейся: оказывается, что где-то существует какая-то «правильная» мифология, лично данному деревенскому

³ Миф о происхождении всех догонов из Страны манде существовал и раньше, и теперь он встраивается в новую мифологию.

⁴ Сотовая связь и интернет играют важнейшую роль в военной самоорганизации догонов в условиях террористической войны, развязанной джихадистами в Мали. В декабре 2016 г. для обороны от террористов охотники-догоны под предводительством уроженца г. Бандиagara Йусуфа Толоба создали вооруженную милицию (*Dan Na Amba Sagou, Danna Amba Sagou, D'anna Ambasagou* — «Охотники, которые веряют себя Господу») численностью более 2 тыс. человек. Благодаря сотовой связи и мобильному интернету о нападениях практически все население Страны догонов узнает мгновенно, причем во время самого нападения: так было во время атак на деревни Тинтан на севере нагорья, и на деревню Багуру, которая находится в 4–5 км востоку от Энде. Создается впечатление, что население и соратники Йусуфа Толоба благодаря сотовой связи и социальным сетям узнают об этих нападениях раньше, чем вооруженные силы, и, соответственно, раньше на них реагируют. Если добавить к этому прекрасное знание местности, то становится понятным, почему ополчение нередко оказывается эффективнее жандармерии и армии.

жителю неизвестная, но, тем не менее, если пересказывать эти мифы туристам, сулящая определенные экономические выгоды.

У догонов, как и у всех народов Западной Африки, имеет значение не столько факт какого-либо события, сколько то, что сказано об этом событии. Таким образом истоки этого «двоемыслия» следует искать в самой традиционной культуре. Именно это обстоятельство позволяет предположить, что наряду с быстро (и, надо заметить, весьма успешно) насаждаемым общедогонским мифом «по Гриолю», будут сохраняться и деревенские предания, и мифы, те самые, что этой новой конструкции противоречат. Тут будет уместно вспомнить о том, что один общедогонский миф об общем происхождении из Страны манде у догонов существует с незапамятных времен, несмотря на то, что некоторые группы явно пришли на нагорье не с запада, но с востока, и воспоминания об этом сохранились в их исторических преданиях. Но и эти предания ожидают изменения: как показывает пример деревни Энде, пока что сохраняется их изменчивость. Однако не вызывает сомнений, что, по мере письменной фиксации, вместо множества преданий в конце концов появится одно-единственное «каноническое» предание, и произойдёт это не в последнюю очередь благодаря мобильному интернету и социальным сетям вроде Facebook.

Литература

1. Куценков П. А. Вожди, шуточное родство и государство в Республике Мали // Восток. 2018. № 4. С. 88–101. DOI: 10.31857/So86919080000435-5
2. Куценков П. А. Устные традиции деревни Энде (Страна догонов) // Восток. 2019. № 4. С. 51–59. DOI: 10.31857/So86919080006162-5
3. L'Histoire de Endé. URL: http://ende-dogon-mali.over-blog.com/pages/LHistoire_de_Endé-2499366.html (дата обращения: 09.07.2018)
4. Henige D. The Problem of Feedback in Oral Tradition: Four Examples from the Fante Coastlands // The Journal of African History. 1973. Vol. 14. No. 2. P. 223–235.
5. Conrad D. C. Islam in the Oral Traditions of Mali: Bilali and Surakata // Journal of African History. 1985. Vol. 26. No. 1. P. 33–49.
6. Desplagnes L. Le plateau central Nigérien: une mission archéologique et ethnographique au Soudan français. Paris: Larose, 1907. 504 p.
7. Griaule M. Dieu d'eau. Entretiens avec Ogotemmêli. Paris: Editions du Chêne, 1948; réédition: Paris: Librairie Arthème Fayard, 1975. 224 p.
8. Griaule M., Dieterlen G. Un système soudanais de Sirius // Journal de la Société des Africanistes. 1950. T. 20. Fasc. 2. P. 273–294.
9. Bouju J. Tradition et identité // Enquête [en ligne]. 1995. No. 2. URL: <http://journals.openedition.org/enquete/313> (дата обращения: 07.10.2020). DOI: 10.4000/enquete.292
10. Bagayoko S. L., Wanono N. Le festival Ogobagna // Journal des anthropologues [en ligne]. 2017. No. 150–151. P. 241–253. URL: <http://journals.openedition.org/jda/6827> (дата обращения: 06.11.2020). DOI: 10.4000/jda.6827

References

1. Kutsenkov, P. A. "Traditional chiefs, joking kinship relations and state in the Republic of Mali." *Vostok/Oriens* 4. 2018. Pp. 88–101 (in Russian). DOI: 10.31857/So86919080000435-5
2. Kutsenkov, P. A. "Oral Traditions of Endé Village (The Dogon Country)." *Vostok/Oriens* 4. 2019. Pp. 51–59 (in Russian). DOI: 10.31857/So86919080006162-5
3. "L'Histoire de Endé." URL: http://ende-dogon-mali.over-blog.com/pages/LHistoire_de_Endé-2499366.html (accessed on 09.07.2018)
4. Henige, D. "The Problem of Feedback in Oral Tradition: Four Examples from the Fante Coastlands." *The Journal of African History* 14/2. 1973. Pp. 223–235.
5. Conrad, D. C. "Islam in the Oral Traditions of Mali: Bilali and Surakata." *Journal of African History* 26/1. 1985. Pp. 33–49.
6. Desplagnes, L. *Le plateau central Nigérien: une mission archéologique et ethnographique au Soudan français*. Paris: Larose, 1907. 504 pp.

7. Griaule, M. *Dieu d'eau. Entretiens avec Ogotemméli*. Paris: Editions du Chêne, 1948; réédition: Paris: Librairie Arthème Fayard, 1975. 224 pp.
8. Griaule, M., Dieterlen, G. "Un système soudanais de Sirius." *Journal de la Société des Africanistes* 20/2. 1950. Pp. 273–294.
9. Bouju, J. "Tradition et identité." *Enquête* [en ligne] 2. 1995. URL: <http://journals.openedition.org/enquete/313> (accessed on 07.10.2020). DOI: 10.4000/enquete.292
10. Bagayoko, S. L., Wanono, N. "Le festival Ogobagna." *Journal des anthropologues* [en ligne] 150–151. 2017. Pp. 241–253. URL: <http://journals.openedition.org/jda/6827> (accessed on 06.11.2020). DOI: 10.4000/jda.6827

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА DIGITAL ECONOMY

Экосистема финтеха Китая China Fintech Ecosystem

В. Г. Кандалинцев

канд. экон. наук, с.н.с.
Института востоковедения РАН
E-mail: kanvital@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7500-4589

Vitaly G. Kandalintsev

Candidate of Sciences (Economic),
Senior Researcher Fellow
Institute of Oriental Studies RAS

Резюме. Цифровые технологии, широко применяемые в современном секторе финансовых услуг, радикально изменили состав участников, их бизнес-модели и цепочки создания стоимости. Эти изменения настолько глубоки, что функционирующая на новых технологических платформах часть сектора обрела название «финтех». В статье дается комплексный анализ финтеха Китая, одного из мировых лидеров в данной области, на основе концепции бизнес-экосистемы. Приводится авторское определение экосистемы финтеха Китая, дается характеристика основных проблем и трендов: возможностей и вызовов вертикальной интеграции, сочетания конкуренции и сотрудничества, рисков новых платформ и факторов их успешного развития.

Ключевые слова: финтех, экосистема, цифровые технологии, Китай, конкуренция, монополии, краудлендинг.

Abstract. Digital technologies, widely used in the modern financial services sector, have radically changed the composition of participants, their business models and value chains. These changes are so profound that the part of the sector that operates on new technology platforms has acquired the name “fintech”. The article provides a comprehensive analysis of fintech in China, one of the world leaders in this field, based on the concept of a business ecosystem. The author’s definition of China fintech ecosystem is given; the main problems and trends are characterized: opportunities and challenges of vertical integration, a combination of competition and cooperation, risks of new platforms and factors of their successful development.

Keywords: fintech, ecosystem, digital technologies, China, competition, monopolies, crowd lending.

Концепция экосистемы

В последние годы термин «экосистема» широко используется применительно к определенно организованной социально-экономической деятельности. Весьма часто в литературе говорится, например, об экосистемах финтеха. Какого-то устоявшегося определения рассматриваемого термина пока не выработано. Вместо этого мы имеем дело с различными, нередко существенно различающимися по содержанию, определениями понятия экосистемы.

Наиболее известно определение, данное основоположником концепции бизнес-экосистемы Джеймсом Муром:

Экономическое сообщество, которое состоит из совокупности взаимосвязанных организаций и физических лиц. Экономическое сообщество производит товары и услуги, ценные для потребителя, которые также являются частью экосистемы. В состав эко-

системы любого предприятия также входят поставщики, ведущие производители, конкуренты и другие заинтересованные стороны. Со временем они коэволюционируют свои возможности и роли и стремятся соответствовать направлениям, установленным одной или несколькими компаниями-лидерами. Те компании, которые занимают руководящие роли, могут меняться с течением времени, но функция лидера экосистемы ценится сообществом, потому что она позволяет членам двигаться к общим видениям, чтобы выровнять свои инвестиции и найти взаимоподдерживающие роли» [1, р. 26].

Как видно из приведенного определения, экосистема состоит из «организаций и физических лиц», т. е. субъектов, а ее качественным признаком выступает способ взаимодействия данных субъектов. Но в публикациях, особенно посвященных новым финансовым технологиям, термин используется также для обозначения набора сервисов, объединенных вокруг одной компании. Такая экосистема сервисов может быть предназначена для комплексного обслуживания потребностей клиента в одной сфере его жизни или охватывать ряд таких сфер.

Поэтому существуют и более широкие трактовки экосистемы, которые включают не только субъектов экономических отношений, но также и другие элементы. Из формулировок, даваемых российскими учеными, можно упомянуть принадлежащую Г. Б. Клейнеру. Согласно ей, экосистема представляет собой

пространственно локализованный комплекс неконтролируемых иерархически организаций, бизнес-процессов, инновационных проектов и инфраструктурных систем, взаимодействующих между собой в ходе создания и обращения материальных и символических благ и ценностей, способный к длительному самостоятельному функционированию за счет кругооборота указанных благ и систем [2].

На взгляд автора, большое разнообразие и сложный характер экосистем не позволяет во всех случаях опираться на единое и универсальное определение. Вместо этого целесообразно для каждой ситуации вырабатывать свое определение, подходящее для решаемых задач. В частности, ниже будет использовано следующее определение:

Экосистему финтеха Китая образует сообщество организаций — традиционных и новых, иерархически контролируемых и неконтролируемых, вертикально интегрированных и неинтегрированных, находящихся в отношениях конкуренции и сотрудничества, использующих новые технологические платформы и разнообразные экосистемы сервисов, посредством которых в число получателей финансовых услуг вовлекается все большее количество людей и организаций.

Рассмотрим данные параметры экосистемы подробнее (см. таблицу 1).

Традиционные и новые игроки

Первоначальное быстрое развитие новых финтех-компаний породило опасения среди банков и других традиционных структур, что новые игроки станут их непримиримыми конкурентами и отвоюют значительную часть их бизнеса. Но в дальнейшем стало ясно, что и традиционные финансовые организации способны быстро внедрять новые финансовые технологии и занимать свое место в экосистеме финтех.

Примером подобной структуры является китайская национальная платежная система UnionPay. Созданная в 2002 г. при поддержке Народного банка Китая, система в 2010 г. вышла на первое место в мире по количеству выпущенных пластиковых карт. А в 2015 г. стала глобальным лидером и по количеству операций [4].

UnionPay также внедряет и развивает инновационные продукты и услуги. Так, для зарубежных покупок компания создала платформу трансграничных платежных услуг B2C. Платформа охватывает весь процесс трансграничных покупок в Интернете, предоставляя держателям карт UnionPay выбор продуктов, языковой перевод, безопасную оплату, международную пересылку и другие услуги. В то же время также создается трансграничная интегриро-

Таблица 1. Экосистема финтеха Китая

		Традиционные структуры	Новые структуры						
			Ant Group	Tencent	Ping An	JD.com	Baidu	Wanda Group	Другие
Платежи	Система прямых дебетовых банковских переводов	Union Pay	Alipay	WeChat Pay QQ Wallet	Ping An E-Wallet	JD pay	Baidu Wallet	99Bill	SUNING vip.com
	Мобильные платежные решения								
	Провайдер платежных услуг								
Финансирование	Персональное кредитование	Такие банки, как: ICBC, CCB, BOC, ABC, BoCom	Ant Check Later	WeBank	LuP2P.com	JD Baitiao	Baidu Umoney	Kuaiyihua	U51.com
	Кредитование малых и средних предприятий		MYbank	Tenpay Micro Loan	Lufax	Jing Baobei Jing Xiaodai	Baidu Loan	Wanda Loans	Lenovo
	Краудфандинг		Antsdaq	Tencent Gongui	Ping An Crowdfunding	JD Crowdfunding	Baidu Baizhong		360
Сбережения/Инвестиции	Сберегательные онлайн платформы	Компании по управлению капиталом, такие как: ICBC Suisse Credit Asset Management, E Fund Management, China Asset Management	Ant Fortune Yu'e Bao Tianhong Asset Management Ant Fortune	Licaitong	Lufax	JD Wealth Mgmt JD Xiaojinku	Baidu Financial Supermarket Baidu Wealth Mgmt	99Bill Wealth Mgmt	SUNING
	Онлайн управление активами		MYbank	Licaitong	Lufunds.com	Dongjia Caifu		99Bill Wealth Mgmt	Credit Ease
	Банк, работающий только в онлайн		WeBank				Baixin Bank		Xiaomi.com Meituan.com
Другие направления	Облачные вычисления	Страховые компании, такие как: China Life	Ant Group Cloud	Tencent Cloud	Ping An Cloud	Jcloud.com Xiaobai Credit	Baidu Financial Cloud	Wanda Cloud Company	KINGSOFT
	Персональный кредитный скоринг		Zhima Credit	Tencent Credit Bureau	Qianhai Credit Service Center			Wanda Credit	Lenovo
	Страховая компания, работающая только в онлайн	Персональный кредитный рейтинг: Official Personal Credit Record of PBOC	Zhong An Insurance Zhong An Online P&C						Другие страховые компании

Источник: отчет Goldman Sachs [3, p. 6].

ванная платформа платежных услуг B2B, которая ориентирована на трансграничную электронную торговлю и традиционные импортно-экспортные операции [5]. На базе данных платформ развивается экосистема сервисов, что делает стратегию компании похожей на стратегию новых финтех-игроков.

Тем не менее «старожилы» (по меркам финтеха) все же менее динамичны и агрессивны, чем новые компании. Они не стремятся присутствовать во всех звеньях цепочки создания стоимости сектора финансовых услуг и достаточно избирательно подходят к внедрению новых технологий. Китайские банки, компании по управлению капиталом и страховые компании адаптируются к требованиям современных рынков, что обеспечивает им выживаемость в пределах их модернизируемых, но все же еще в значительной степени традиционных бизнес-моделей.

Иначе ведут себя новые компании финтеха, такие как Ant Group (ранее именовалась Ant Financial), Tencent, Ping An, JD.com, Baidu и Wanda Group. Они создали свои локальные экосистемы сервисов на всем протяжении цепочки создания стоимости, оперируя во всех или в

большинстве сфер финансовых услуг — платежах, финансировании, сбережениях/инвестициях и других. Они энергичнее осваивают новые технологии (P2P платежи, краудфандинг), быстрее растут и имеют многовекторную стратегию, варьирующуюся от ситуаций жесткой конкуренции до партнерства. Несмотря на высокую конкуренцию, в экосистеме финтеха Китая появляются все новые игроки, которые работают на более ограниченном числе сегментов. Такое ограниченное максимум двумя-тремя сегментами присутствие демонстрируют Suning, Lenovo и некоторые другие компании.

Вертикальная интеграция и контроль

Как явствует из таблицы 1, компании Ant Group и Tencent присутствуют во всех звеньях цепочки создания стоимости, т.е. являются полностью вертикально интегрированными структурами. Почти полную (за исключением одного-двух сегментов) вертикальную интеграцию имеют Ping An, JD.com и Baidu. Другие значимые финтех-игроки ограничились работой только на некоторых сегментах.

Полная вертикальная интеграция создает возможности для применения монополистических инструментов извлечения прибыли. Это вызывает повышенное внимание и реакцию регуляторов, их желание поставить деятельность гигантов финтеха под свой контроль. Показательна ситуация, сложившаяся в связи с деятельностью Ant Group. Компания часто критиковалась регуляторами за «недобросовестную конкуренцию в платежном бизнесе» и стала объектом их давления. В частности, в ноябре 2020 г. Ant Group намеревалась осуществить крупное размещение своих акций на фондовых биржах Гонконга и Шанхая. Сумма размещения составляла рекордные 34 млрд долл., однако власти Китая воспрепятствовали сделке. В апреле 2021 г. Народный банк Китая сообщил, что представители компании были вызваны на встречу с четырьмя регулирующими органами. Результатом этой встречи и предшествующей ей многомесячной работы стал всеобъемлющий план по перестройке Ant Group. Гигант финтеха должен будет устранить из своей практики проявления недобросовестной конкуренции, улучшить корпоративное управление, снизить риски ликвидности своих инвестиционных продуктов, сократить активы под управлением своей платформы Yu'eBao и отказаться от информационной монополии на данные своих пользователей [6].

В экосистеме финтеха Китая существуют трения между двумя видами иерархического контроля — корпоративного и государственного. На рынках финансовых услуг доминируют вертикально интегрированные компании, подразделения которых иерархически подчинены головной компании — в силу чего могут легко объединяться для совместных действий на всех рынках финансовых услуг. А это подталкивает к монополистическим практикам. Регуляторы стремятся поставить под свой контроль деятельность финтех-гигантов с целью недопущения подобных сценариев и обеспечения общенациональных экономических интересов.

Конкуренция и сотрудничество

Как правило, финтех-компании конкурируют между собой, порой весьма остро. Примером может послужить соперничество платежных систем двух крупнейших китайских финтех-игроков (см. таблицу 2).

Таблица 2. Число активных пользователей платежных систем, млн чел.

	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Ali Pay (принадлежит Ant Group)	355	500	697	889	989	1097
WeChat Pay (принадлежит Tencent)	100	190	270	450	520	900

Источник: Брукингский институт [7].

В 2013 г. платежная система WeChat Pay более чем в 3,5 раза уступала по численности активных пользователей системе Ali Pay. Но в 2018 г. разрыв уменьшился до 18%, и клиентские базы двух платежных систем стали сопоставимыми. Тем не менее, на другом участке цепочки создания стоимости конкуренты стали партнерами.

Речь идет о самой крупной китайской страховой компании, продающей свои продукты через Интернет, — Zhong An Online P&C. В ее создании (основана в Шанхае в 2013 г.) приняли участие Джек Ма (Alibaba Group, владеет пакетом акций Ant Group), Пони Ма (Tencent) и Мингже Ма (Ping An). Онлайн-страховщик развивался весьма успешно, и когда в 2017 г. компания провела в Гонконге первичное публичное размещение акций (IPO), уже в первый день удалось продать акций на 1,5 млрд долл. К 2019 г. Zhong An Online P&C достигла впечатляющих масштабов деятельности, располагая 400 млн клиентов и продав им более 10 млрд полисов [8].

Приведенный пример характеризует состояние экосистемы, которое можно назвать кооперацией (кооперация + конкуренция)¹. В некоторых случаях бизнес на новых сегментах рынка предпочтительнее развивать не в соперничестве с конкурентами, а вступая с ними в альянс. Этим достигается снижение рисков и финансовой нагрузки в расчете на одного учредителя, а также эффект от использования взаимодополняющих активов (например, взаимодополняющих клиентских баз).

Новые технологические платформы: взлеты и падения

Новые технологии оказания финансовых услуг часто оказываются решающим фактором успеха в силу того, что позволяют вовлечь в обслуживание широкий круг предприятий и физических лиц, которые ранее не обслуживались или не в полной мере обслуживались традиционными организациями. Однако история новых технологических платформ бывает очень драматичной, чему свидетельством служат события на рынке P2P кредитования².

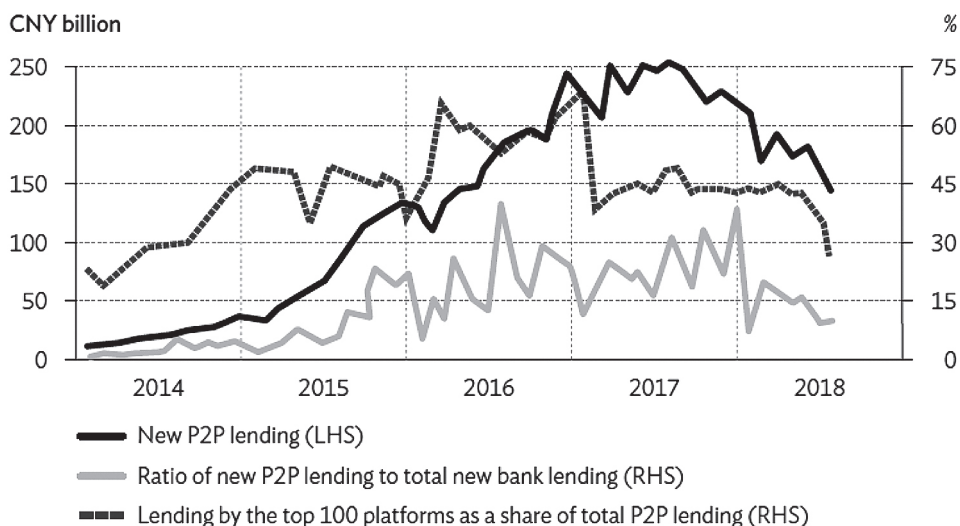
Исторически, непокрытые потребности в кредитах для малых и средних предприятий (МСП), а также для физических лиц в Китае были велики. Несмотря на то, что на долю МСП в 2013 г. приходилось 60% ВВП Поднебесной [9, p. 62], традиционные банки неохотно выдавали кредиты этой категории заемщиков. Преобладало мнение, что такие ссуды слишком рискованны и убыточны из-за отсутствия надлежащей кредитной истории или адекватного обеспечения. Казалось бы, появление P2P платформ кредитования (краудлендинга) сулит решение этой проблемы. И действительно, со времени появления первой P2P платформы кредитования в 2007 г. и вплоть до 2017 г. показатели краудлендинга неуклонно росли (см. диаграмму 1).

Но затем кривые показателей поползли вниз, и к середине ноября 2020 г. число работающих платформ, которое на пике превышало 5 000, упало практически до нуля. Комментируя этот факт, Лю Фушоу (Liu Fushou), главный юрист Китайской комиссии по регулированию банковской и страховой деятельности (China Banking and Insurance Regulatory Commission), заявил: «эпоха дикого роста онлайн-финансов в лице P2P прошла и не вернется» [10].

История краудлендинга показывает, что развитие экосистемы финтех Китая не происходит гладко, что наложение разных факторов может создавать в отдельных сегментах рынка ситуацию неизбежного взлета и столь же неизбежного последующего падения.

¹ От *англ.* coopetition (cooperation + competition).

² Под p2p-кредитованием понимается предоставление заемных средств одним физическим или юридическим лицом другому через специализированные кредитные интернет-площадки (p2p-платформы) без прямого посредничества со стороны банка или других традиционных финансовых учреждений.

Диаграмма 1. P2P кредитование в Китае. LHS — левая шкала, RHS — правая шкала.

Источник: Институт Азиатского банка развития [9, p. 119].

Взлет платформ P2P кредитования был неизбежен. Потребность в кредитах была слишком велика, и регуляторы сначала не стремились ограничивать и серьезно контролировать данный сегмент. Но это привело к тому, что появилось большое количество неэффективных, сомнительных и просто мошеннических платформ, нанеших существенный урон розничным инвесторам. И тогда регулирующие органы установили жесткий контроль над деятельностью платформ, который стал катализатором неизбежного обрушения.

Экосистемы сервисов

Важнейшим условием деятельности и ядром стратегии финтех-компаний является эффективная экосистема сервисов. Именно посредством сервисов сотни миллионов людей становятся клиентами соответствующих фирм и самой многочисленной частью всей экосистемы финтеха. Алгоритм создания экосистемы сервисов у лидеров китайского финтеха схож.

Отправной точкой часто выступает платежный сервис, который даже иногда называют шлюзом к разнообразной линейке сервисов. Этот сервис обычно создается в расчете на аудиторию основного бизнеса головной компании. Например, платежная система Alipay, принадлежащая Ant Group, изначально была ориентирована на клиентскую базу головной компании Alibaba Group, специализирующейся на электронной коммерции. Та же логика присутствовала при создании платежной системы Tencent: большая и растущая аудитория мессенджеров WeChat и QQ стала основой клиентской базы кошельков WeChatWallet и QQ Wallet.

Следующий этап — добавление к платежной системе новых сервисов, учитывающих образ жизни типичного клиента компании. На сегодняшний день экосистема Alipay включает сервисы: пополнение и вывод средств, перевод денег друзьям и разделение счета в ресторане, оплата без комиссии у миллионов продавцов, пополнение счета мобильного телефона и оплата коммунальных услуг, размещение и отслеживание заказов в Taobao и Tmall (сервисы головной компании), заказ еды в местных ресторанах, заказ такси, управление активами с помощью продуктов по управлению активами, бесплатные межбанковские переводы, погашение кредитов, использование QR-кода для оплаты в местных магазинах, бро-

нирование билетов (авиа, ж/д, кино), сотни скидок и акций то продавцов, групповой аккаунт для управления расходами в кругу семьи и друзей [11].

Подобной же стратегии с некоторыми вариациями придерживаются и другие крупные игроки. Научный руководитель Meituan так сказал о стратегии компании: «Наша стратегия заключается в интеграции различных сервисов. Это значит привлечение большого количества пользователей популярными услугами, а затем продвижение некоторых низко- и среднечастотных услуг, таких как стрижки и брачные услуги» [12].

В ситуации пандемии COVID-19 компания добавила сервис бесконтактной доставки. Суть сервиса заключается в том, что курьер оставляет заказ в заранее обговоренном месте, а затем звонит клиенту, который забирает товар. Вместе с заказом сотрудник сервиса кладет в пакет карточку, на которой указана температура всех людей, которые участвовали в приготовлении и доставке заказа, а также информация о дезинфекции [13].

В целом Meituan дает пример успешной последовательности и целеустремленности. Фирма была основана в 2010 г. как сервис коллективных (групповых) покупок. Спустя десять лет этот сервис, Meituan Select по-прежнему в центре ее внимания. Развитие сервиса требует крупных инвестиций, однако компания готова их осуществлять. По мнению генерального директора Meituan Select Ван Сина, возможность развивать онлайн-торговлю в определенном сегменте выпадает нечасто, раз в 5–10 лет [14].

Динамика экосистемы финтеха: выводы

Быстрое развитие финтеха не привело к вытеснению с рынка традиционных финансовых структур. На стадии, которую иногда называют финтех 1.0, новые игроки действительно эффективно использовали преимущества новых технологических платформ. Но традиционные игроки быстро усвоили урок и тоже стали использовать передовые методы. В результате современная стадия — финтех 2.0 — отличается все большим сосуществованием и сотрудничеством новых и старых игроков. При этом новые игроки выполняют свою роль, пробивая дорогу новым технологическим решениям, а старые подстраховывают и стабилизируют сектор финансовых услуг тогда, когда новые формы терпят крах (как в P2P кредитовании).

Такие особенности рынка Китая, как определенная замкнутость и огромный объем, создают условия для стремительного роста финтех-стартапов и образования на их базе вертикально интегрированных гигантов. Их позиции на рынке настолько сильны, что они могут использовать и используют методы ведения бизнеса, которые регулирующие органы рассматривают как недобросовестную конкуренцию. Поэтому в рамках экосистемы возникают проблемы, которые для своего решения требуют длительных периодов конструктивного взаимодействия финтех-гигантов и регуляторов.

Конкуренция между лидерами финтеха Китая очень жесткая, и она только усиливается попытками всё новых игроков войти в экосистему и занять в ней свое место. Вместе с тем, в экосистеме есть сегменты, в которых лидеры не конкурируют, а сотрудничают. Это говорит о том, что взаимоотношения компаний в экосистеме могут носить сложный характер «кооперенции».

Быстрое появление и распространение новых платформ часто опережает развитие соответствующей регуляторной среды. Как следствие, неконтролируемость первоначального развития и негативный эффект этой неконтролируемости вынуждают регуляторов на жесткие действия, которые, в свою очередь, приводят к краху отдельных сегментов.

Универсальной концепцией стратегического развития финтех-компаний в Китае стала опора на экосистемы сервисов. Без всестороннего учета образа жизни и соответствующего этому образу жизни потребительского поведения населения крайне трудно удержать позиции в экосистеме. Все крупные игроки так или иначе используют данную стратегическую концепцию, адаптируя ее по своим конкретным условиям работы.

Литература

1. Moore J. *The Death of Competition: Leadership and Strategy in the Age of Business Ecosystems*. N. Y.: Harper Business, 1996.
2. Клейнер Г. Б., Рыбачук М. А., Карпинская В. А. Развитие экосистем в финансовом секторе России // *Управленец*. 2020. Т. 11. № 4. С. 2–15. DOI: 10.29141/2218-5003-2020-11-4-1.
3. Future of Finance: The Rise of China Fintech // Goldman Sachs Global Investment Research. August 7, 2017. 74 p.
4. UnionPay // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/UnionPay> (дата обращения: 20.04.2021).
5. UnionPay (официальный сайт). URL: <https://www.unionpayintl.com/cn/servicesProducts/products/innovativeProducts/onlinePayment/> (дата обращения: 20.04.2021).
6. Wall Street Journal (официальный сайт). <https://www.wsj.com/> (дата обращения: 20.04.2021).
7. Klein A. China's Digital Payments Revolution // *Global China*. https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2020/04/FP_20200427_china_digital_payments_klein.pdf (дата обращения: 20.04.2021).
8. What can insurers learn from Chinese insurtech giant Zhong An? // *Accenture*. 15.01.2019. URL: <https://insuranceblog.accenture.com/what-can-insurers-learn-from-chinese-insurtech-giant-zhong-an> (дата обращения: 20.04.2021).
9. Central Bank Digital Currency and Fintech in Asia / Eds. M. Amstad, Bihong Huang, P. J. Morgan, Sayuri Shirai. Tokyo: Asian Development Bank Institute, 2019.
10. China's P2P Lending Sector Crushed out of Existence Completely // *China Banking News*. 30.11.2020. URL: <https://www.chinabankingnews.com/2020/11/30/chinas-P2P-lending-sector-crushed-out-of-existence-completely/> (дата обращения: 20.04.2021).
11. Alipay // 4PDA. URL: <https://4pda.ru/forum/index.php?showtopic=978471&st=20> (дата обращения: 20.04.2021).
12. Fast Company: китайский Meituan признан самой инновационной компанией 2019 // ЭКД! 25.02.2019. URL: <http://ekd.me/2019/02/fast-company-kitajskij-meituan-priznan-samoj-innovacionnoj-kompaniej-2019/> (дата обращения: 20.04.2021).
13. Китайский сервис доставки еды Meituan Dianping запустил бесконтактную доставку заказов на фоне вспышки коронавируса // *vc.ru*. 19.02.2020. URL: <https://vc.ru/food/108034-kitajskiy-servis-dostavki-edy-meituan-dianping-zapustil-beskontaktnuyu-dostavku-zakazov-na-fone-vspyshki-koronavirusa> (дата обращения: 20.04.2021).
14. Китайский гигант Meituan заявил об убытке в 300 млн. долларов // *The Dairy News*. 05.04.2021. URL: <https://www.dairynews.ru/photoreports/kitajskiy-gigant-meituan-zayavil-ob-ubytkе-v-300-m.html> (дата обращения: 20.04.2021).

References

1. Moore, J. *The Death of Competition: Leadership and Strategy in the Age of Business Ecosystems*. N. Y.: Harper Business, 1996.
2. Kleiner, G. B., Rybachuk, M. A., Karpinskaya, V. A. "Development of ecosystems in the financial sector of Russia." *Upravlenets/The Manager* 11/4. 2020. P. 2–15 (in Russian). DOI: 10.29141/2218-5003-2020-11-4-1.
3. "Future of Finance: The Rise of China Fintech." *Goldman Sachs Global Investment Research*. 07.08.2017. 74 pp.
4. "UnionPay." in *Wikipedia*. URL: <https://wikipedia.org/wiki/UnionPay> (accessed on 20.04.2021).
5. *UnionPay* (official site). URL: <https://www.unionpayintl.com/cn/servicesProducts/products/innovativeProducts/onlinePayment/> (accessed on 20.04.2021).
6. *Wall Street Journal* (official site). URL: <https://www.wsj.com/> (accessed on 20.04.2021).
7. Klein, A. "China's Digital Payments Revolution." *Global China*. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2020/04/FP_20200427_china_digital_payments_klein.pdf (accessed on 20.04.2021).
8. "What can insurers learn from Chinese insurtech giant Zhong An?" *Accenture*. 15.01.2019. URL: <https://insuranceblog.accenture.com/what-can-insurers-learn-from-chinese-insurtech-giant-zhong-an> (accessed on 20.04.2021).
9. Amstad, M., Bihong Huang, Morgan, P. J., Sayuri Shirai, eds. *Central Bank Digital Currency and Fintech in Asia*. Tokyo: Asian Development Bank Institute, 2019.

10. "China's P2P Lending Sector Crushed out of Existence Completely." *China Banking News*. 30.11.2020. URL: <https://www.chinabankingnews.com/2020/11/30/chinas-P2P-lending-sector-crushed-out-of-existence-completely/> (accessed on 20.04.2021).
11. "Alipay." *4PDA*. URL: <https://4pda.ru/forum/index.php?showtopic=978471&st=20> (accessed on 20.04.2021).
12. "Fast Company: China's Meituan is recognized as the most innovative company of 2019." *EKD!* 25.02.2019. URL: <http://ekd.me/2019/02/fast-company-kitajskij-meituan-priznan-samoj-innovacionnoj-kompaniej-2019/> (accessed on 20.04.2021).
13. "Chinese food delivery service Meituan Dianping launches contactless delivery of orders amid coronavirus outbreak." *vc.ru*. URL: <https://vc.ru/food/108034-kitayskiy-servis-dostavki-edy-meituan-dianping-zapustil-beskontaktnuyu-dostavku-zakazov-na-fone-vspyshki-koronavirusa> (accessed on 20.04.2021) (in Russian).
14. "Chinese giant Meituan claims \$ 300 million loss." *The Dairy News*. 05.04.2021. URL: <https://www.dairynews.ru/photoreports/kitayskiy-gigant-meituan-zayavil-ob-ubytke-v-300-m.html> (accessed on 20.04.2021) (in Russian).

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ SCIENTIFIC LIFE

Новые технологии и страны Азии и Африки New Technologies and Asian and African Countries

Н. Н. Цветкова

канд. экон. наук, в. н. с.
Института востоковедения РАН
E-mail: vladtsvetkov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4126-9159

Nina N. Tsvetkova

Candidate of Sciences (Economics),
Leading Research Fellow
Institute of Oriental Studies RAS

Резюме. Представлен обзор докладов на секции «Новые технологии и страны Азии и Африки» конференции «Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы стран Азии и Африки», 15–17 марта 2021 г., которая была организована Центром исследований общих проблем современного Востока (ЦИОПСВ) Института востоковедения РАН (ответственные за организацию: О. П. Бибилова, Н. Н. Цветкова).

С докладами по проблемам новых технологий выступили сотрудники и аспиранты ИВ РАН, Института Африки РАН, преподаватели, аспиранты и магистранты ИСАА, Факультета проблем глобализации МГУ имени М. В. Ломоносова, Института стран Востока. В докладах были рассмотрены такие вопросы, как развитие вертикальных ферм в условиях городского сельского хозяйства стран Востока, энергетический переход и роль в этом процессе внешнеэкономических связей. Было показано, как цифровые технологии вошли в жизнь одной африканской деревни в Мали. Особое внимание было уделено таким проблемам, как роль информационных технологий в борьбе с COVID-19, рост значимости цифровой экономики в странах Востока в контексте пандемии, использование цифровых технологий в борьбе с пандемией в Японии, Китае.

Доклады были посвящены таким проблемам распространения новых технологий в отдельных странах, как вклад Китая в развитие технологий Четвертой промышленной революции в Африке, формирование в Японии модели «циркулирующей и экологической экономики» на пути к устойчивому развитию, новые тенденции в инновационной политике Австралии, особенности развития ИКТ в Иране. На секции

Abstract. A review of the reports at the section “New Technologies and Countries of Asia and Africa” at the conference “Economic, Socio-Political, Ethno-Confessional Problems of Asian and African Countries”, March 15–17, 2021, organized by the Center for Study of Common Problems of the Modern East (CSICCE) of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences is presented.

Presentations on the problems of new technologies were made by researchers of the Institute of Oriental Studies, Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences; professors, graduate and undergraduate students of Institute of African and Asian Studies of M. V. Lomonosov Moscow State University, Institute of Oriental Countries. The reports addressed such issues as the development of vertical farms in the context of urban agriculture in Eastern countries, the energy transition and the role of foreign economic relations in this process. It was shown how digital technology entered the life of an African village, in Mali. Particular attention was paid to such problems as the role of ICT in the fight against COVID-19, the growing importance of the digital economy in Eastern countries in the context of the pandemic, the use of digital technologies in the fight against the pandemic in Japan, China.

Reports were devoted to such problems as China's contribution to the development of technologies of the Fourth Industrial Revolution in Africa, the formation of Japan's model of “circular and ecological economy” on the way to sustainable development, new trends in innovation policy in Australia, and the peculiarities of ICT development in Iran. At the section of young researchers, mostly students of the Institute of Eastern Countries, reports were made on such issues as social networks in Turkey, Japan, China, Australia, the market for online games

молодых исследователей, в основном студентов Института стран Востока, были сделаны доклады по вопросам: социальные сети в Турции, Японии, Китае, Австралии, рынок онлайн-игр в Восточной и Юго-Восточной Азии, Японии, Республике Корея, арабских странах; роль социальных сетей во время «Арабской весны».

Ключевые слова: научная конференция, международное сотрудничество, новые технологии, страны Азии и Африки.

in East and South-East Asia, Japan, the Republic of Korea, Arab countries, the role of social networks during the “Arab Spring”, the development of AI and robotics in Japan, 3D-printing in South Korea.

Keywords: scientific conference, international cooperation, new technologies, countries of Asia and Africa.

15–17 марта 2021 г. в Институте востоковедения РАН состоялась традиционная ежегодная конференция **«Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы стран Азии и Африки»**, организованная Центром исследований общих проблем современного Востока (ЦИОПСВ) Института востоковедения РАН (ответственные за организацию: О. П. Бибикова, Н. Н. Цветкова). Конференция проходила в форме двух круглых столов: «Экономические и социально-политические проблемы стран Азии и Африки» и «Этноконфессиональные проблемы стран Азии и Африки».

На круглом столе **«Экономические и социально-политические проблемы афро-азиатских стран»** (15.03.2021) центральное место занял блок проблем **«Новые технологии и страны Азии и Африки»**. Круглый стол проводился в смешанном режиме: одни участники выступили очно в ИВ РАН, другие — в «Зуме», третьи — представили тексты докладов. С докладами по проблемам новых технологий выступили сотрудники и аспиранты ЦИОПСВ, Отдела экономических исследований, Отдела сравнительной культурологии, Отдела Японии, Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Центра Юго-Восточной Азии ИВ РАН, преподаватели, аспиранты и магистранты ИСАА, Факультета проблем глобализации МГУ им. М. В. Ломоносова, Института стран Востока, сотрудники Института Африки РАН. Было сделано около 30 докладов по проблемам новых технологий.

В докладах были рассмотрены такие вопросы, как применение новых технологий в ряде сфер, распространение новых технологий в отдельных странах Азии и Африки, использование цифровых технологий в период пандемии коронавируса. И. В. Дерюгина (ОЭИ ИВ РАН) выступила с докладом о новых технологиях в сельском хозяйстве стран Востока, осветив новую тенденцию — развитие вертикальных ферм в условиях городского сельского хозяйства стран Азии и Африки. М. Г. Борисов (ОЭИ ИВ РАН) сосредоточил внимание на проблемах использования новых технологий в энергетике: энергетическом переходе и роли в этом процессе внешнеэкономических связей. В. А. Мельянцев (ИСАА МГУ) на основе экономико-математических методов представил в докладе сравнительный анализ важнейших параметров экономического развития стран Запада и Востока в эпоху четырех промышленных революций, с учетом роли ИКТ на последних двух этапах.

Знаковым событием в 2020 г. стала пандемия коронавируса. Связанным с ней проблемам на конференции было уделено особое внимание. Предметом ряда докладов стали влияние пандемии на экономику, борьба с пандемией в странах Азии и Африки — Сингапуре, Малайзии, Таиланде, Турции, Нигерии, на Филиппинах. Предметом исследования стали и проблемы использования новых технологий в ходе пандемии. А. В. Акимов (ОЭИ ИВ РАН) посвятил свой доклад использованию информационных технологий в борьбе с COVID-19. Он привел конкретные примеры. В Ухане, который был эпицентром пандемии, проводилась тотальная проверка температуры у прохожих. К 31 мая 2020 г. в КНР было установлено наблюдение за более чем 740 тыс. человек, имевших контакт с носителями вируса. Эпидемия стимулировала усилия КНР по развитию дистанционной медицины. А. В. Акимов положительно оценил использование ИКТ Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) в борьбе с пандемией.

ВОЗ распространяет информацию о новом заболевании через систему информирования о чрезвычайных ситуациях, действует и информационный канал на платформе WhatsApp. Ведется международное клиническое исследование Solidarity для определения максимально эффективных средств лечения коронавируса.

В докладе Н. Н. Цветковой (ЦИОПСВИБ РАН) было показано, что в условиях пандемии в странах Востока возросла значимость цифровой экономики, оказались востребованными цифровые сервисы. Если пандемия оказала разрушительное влияние на многие отрасли экономики, то цифровая экономика переживает подъем. Уже на начальном этапе, в феврале – марте 2020 г., в Китае востребованными оказались телемедицина и приложения по отслеживанию заразившихся коронавирусом, Искусственный интеллект (ИИ) стал применяться при разработке вакцин и лекарств. Расширилось использование онлайн-торговли. В период пандемии бумажные банкноты и монеты были признаны небезопасными, распространяющими инфекцию. Электронные платежи более безопасны, их использование ускорило.

Для организации удаленной работы в условиях пандемии оказались востребованными цифровые сервисы, такие как, например, Microsoft Teams. Для дистанционных совещаний, конференций, семинаров, дистанционного образования стал использоваться Zoom. Использование Zoom возросло в геометрической прогрессии. Благодаря этому рост стоимости акций Zoom был просто головокружительным. К ноябрю 2020 г. рыночная капитализация Zoom достигла 123,8 млрд долл., тогда как 31 декабря 2019 г. она составляла только 18,8 млрд долл., за 10 месяцев рыночная капитализация Zoom выросла более чем в 6 раз [3, с. 337–338]. Возросло использование дронов и роботов, блокчейна. Конечно, в условиях локдауна, при росте времени, проводимого дома, произошел бум спроса на онлайн-развлечения: видео, онлайн-игры, стриминг, социальные сети.

Ряд докладов был посвящен проблемам развития новых технологий в отдельных странах Азии и Африки. Т. Л. Дейч (ИАФР РАН) охарактеризовала вклад Китая в развитие технологий Четвертой промышленной революции в Африке. В Африке действуют более 10 тыс. китайских компаний. Почти половина китайских компаний, работающих в Африке, направляет на африканский рынок новый продукт или новую услугу, а более 1/3 компаний внедряют новые технологии в сферу своей деятельности. Активно ведут операции в африканских странах технологические компании Китая, такие как «Хуавей», «Леново».

И. В. Тимонина (ОЯ ИВ РАН, ИСАА) посвятила свой доклад проблеме формирования в Японии модели «циркулирующей и экологической экономики» на пути к устойчивому развитию. О. В. Мосолова (ЦЮВА ИВ РАН) осветила новые тенденции в инновационной политике Австралии. А. Н. Обухова (ЦИБСВ ИВ РАН) охарактеризовала особенности развития информационно-телекоммуникационной индустрии в Иране. В условиях санкций Иран вынужден находить собственные решения в том, что касается социальных сетей, мессенджеров, облачных услуг, платформ онлайн-торговли.

П. А. Куценков (ОСК ИВ РАН) продемонстрировал, как цифровые технологии вошли в жизнь одной африканской деревни в Мали. В деревне распространены мобильные телефоны, дешевые кнопочные, но дающие доступ в Интернет, они применяются для онлайн-платежей, для доступа к социальным сетям. При отсутствии электричества в деревне ее жители коллективно используют солнечные батареи, которые позволяют и заряжать телефоны, и даже подключать насосы для орошения, что дало возможность выращивать овощи и фрукты, диверсифицируя рацион питания.

В докладе Н. К. Семенов (ОЭИ ИВ РАН) рассматривалась деятельность нового порта Шанхай — Яншань, одного из первых по-настоящему полностью автоматизированных контейнерных терминалов в Азии. Краны, беспилотные автомобили, задействованные в процес-

се погрузки, производятся в Китае. Систему программного обеспечения также разработали китайские компании. Раньше для обслуживания одного мостового крана требовалось несколько десятков рабочих, теперь один рабочий может обслуживать несколько таких кранов из центральной диспетчерской. Для перемещения грузов в новом порту используются автоматизированные беспилотные управляемые транспортные средства — транспортные тележки.

Предметом доклада, представленного Е. А. Борисовой (ЦИОПСВ ИВ РАН), стали технологические войны, которые сегодня разворачиваются между двумя мировыми державами — Китаем и США. Известна целая серия мер, предпринятых США против компании «Хуавей». В январе 2021 г. американский «черный список» компаний, несущих угрозу национальной безопасности США, пополнился китайской «Сяоми» и 8 другими компаниями.

Т. Н. Устинова (ЦИОПСВ ИВ РАН) представила доклад о сотрудничестве РФ и Японии в сфере медицины, ИТ-технологий. Были рассмотрены примеры реализации проектов в этих сферах — медицинский центр в Хабаровске, деятельность японских компаний в фармацевтической промышленности, запуск совместного спутника связи.

Развитие новых технологий в странах Востока находилось в центре внимания и на секции молодых исследователей (15.03.2021) и на ее продолжении (16.03.2021) в «Зуме», в котором приняли участие студенты и магистранты Института стран Востока. Я. Мищенко (ФПГ МГУ) посвятила свой доклад технологическим аспектам построения в Японии низкоуглеродного общества будущего. Э. Амиров (ИСАА МГУ) детально проанализировал развитие инфраструктуры ИКТ в арабских странах. А. Елисеева (ЦИОПСВ ИВ РАН) рассмотрела вопрос о влиянии искусственного интеллекта на занятость.

Молодых людей особенно привлекают такие вопросы, как социальные сети, рынок онлайн-игр в странах Востока. Презентацию о социальных сетях в Турции сделала Е. Пасышина (ИСВ).

В 2020 г., по данным портала Medya Ankara, интернет-пользователями были 74% населения Турции, 64% населения Турции пользовались социальными сетями, причем 92% заходили в Интернет со смартфонов (ил. 1). Средний возраст наиболее активных пользователей социальных сетей — 25–34 года. Наиболее популярными в Турции были социальные сети, мессенджеры, приложения Facebook, Instagram, Twitter, Linkedin, Snapchat. Самым скачиваемым приложением в 2020 г. было WhatsApp, далее шли Instagram, Facebook, Messenger, Tiktok. После гибели турецких военных в результате авиаудара в Сирии 27 февраля 2020 г. в социальных сетях появилось много фейковых сообщений о жертвах обстрела, о числе раненых и погибших. В результате турецкое правительство заявило об ограничении доступа к Twitter, Instagram и Facebook, мессенджеру WhatsApp и видеохостингу YouTube. На деле трудностей в доступе с этим приложениям не было. По прошествии некоторого времени «блокировка» была снята.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ В ТУРЦИИ

Ил. 1. Социальные сети в Турции

Турецкие операторы связи также предлагают собственные приложения, которые пользуются успехом в той или иной мере: YAY (похожее на Twitter), BİP (типа WhatsApp), Salyap (типа Twitter). Однако люди в Турции чаще пользуются оригинальными американскими приложениями. Twitter весьма популярен среди молодежи, а также среди представителей государственных органов. Любое сообщение, опубликованное в твиттер-аккаунте чиновника, считается официальной, подтвержденной новостью (ил. 2).

Ил. 2. Твиттер в Турции

На продолжении сессии круглого стола (16.03.2021) в «Зуме», в которой приняли участие студенты и магистранты Института стран Востока, рассматривались такие проблемы, как робототехника, искусственный интеллект, использование социальных сетей, рынок онлайн-игр в странах Востока.

В. Солодко рассмотрела вопрос об использовании новых технологий в борьбе с пандемией в Японии. «В Японии компанией ZMP был создан антикоронавирусный отряд роботов, в который входят автоматизированные погрузчики и доставщики, робот-патрульный, выполняющий также роль дезинфектора. Патрульный собирает данные о возможных нарушителях режима с помощью встроенных камер видеонаблюдения. В больницах используют самодвижущуюся платформу с монитором, с помощью которой больной и врач могут вести длительные консультации по видеосвязи, находясь в разных помещениях. Для тех, кто лечится дома, могут быть использованы коммуникативные роботы-андроиды, которые могут скрасить одиночество пожилых людей» [10].

А. Сидоренко сделала доклад об использовании цифровых технологий для борьбы с коронавирусом в Китае. Один из примеров — QR-код Alipay, который стал применяться с конца февраля 2020 г. компанией Ant Financial, входящей в состав Alibaba, в разных городах Китая. Разный цвет — зеленый, желтый или красный — указывает на состояние здоровья людей. Зеленый обеспечивает свободный доступ к общественным местам, таким как метро, торговые центры или супермаркеты. Желтый QR-код обязывает придерживаться семидневного карантина, а красный — соблюдать карантин на протяжении 14 дней. Желтый или красный код присваивают тем, кто имел контакты с зараженным человеком [8].

Компания Baidu разработала алгоритм для анализа структуры РНК коронавируса. Baidu бесплатно открыла алгоритм прогнозирования течения болезни для мировых генетических агентств и научно-исследовательских институтов. На основе Больших данных о ходе течения болезни и вопросов, задаваемых пользователю чат-ботами, решения ИИ Baidu или Tencent могут определить, соответствуют ли симптомы пользователя симптомам коронавируса. Китайский стартап Infervision разработал программный продукт для анализа результатов компьютерной томографии и постановки диагноза. Компания электронной торговли JD запустила «умного помощника по эпидемии», через WeChat, чтобы отвечать на вопросы

жителей Уханя. Крупные китайские компании, такие как Baidu, Tencent, Alibaba, JD, Meituan, запустили на своих платформах информационные центры, которые сообщают последние новости о пандемии, отображают статистику, скорость передачи и другие вопросы, связанные с вирусом. «Карта эпидемии» Baidu отображает число инфицированных и их контактов в определенном районе. Это приложение помогало людям избегать опасных мест [6].

В докладах были рассмотрены вопросы развития ИИ и робототехники в Японии, 3D-печати в Южной Корее, рейтинг социального кредита в Китае. В основном Япония известна своими промышленными роботами (например, роботами, используемыми при сборке автомобилей). Роботы используются не только на крупных предприятиях, но и даже в некоторых маленьких магазинчиках (они занимаются перемещением и раскладкой товаров по полкам). В Японии производится немало медицинских роботов: роботы-хирурги, а также роботы, сконструированные с целью ухаживать в больницах за пациентами. Например, робот-медведь переносит больного с кровати на каталку и наоборот. Роботы-помощники в крупных торговых центрах, которые патрулируют залы в условиях пандемии, с помощью встроенной камеры и сенсоров, выявляют людей без масок и заставляют их надеть маски.

В докладе о развитии новых технологий в Китае было отмечено, что в 2015 г. правительство Китая приняло десятилетний план «Made in China 2025» (MIC 2025). Его цель — обновление производственной базы Китая, а также сосредоточение внимания на десяти высокотехнологичных отраслях. Китай ставит целью достижение превосходства в таких ключевых областях, как электромобили, передовая робототехника, информационные технологии нового поколения, телекоммуникации, робототехника и искусственный интеллект.

В докладе А. Колесниковой было показано, что немалые успехи в развитии новых технологий достигнуты в Южной Корее. Приводится интересный пример. «В Южной Корее создали носимый принтер для печати на коже человека. Пока чернила не застыли, есть возможность прикрепить к датчику любые компоненты: например, светодиоды и электроды для подключения датчика к монитору. Датчики выполняют разные задачи: отслеживают и визуализируют движения, считывают скорость перемещения человека и уровень шума вокруг него. С ними можно осуществлять постоянный мониторинг состояния пациентов, создавать светодиодные дисплеи прямо на коже. Функционал зависит от того, как расположены датчики и какие жесткие компоненты к ним прикрепили. Авторы проекта, инженеры из Корейского института передовых технологий, отметили, что принтер печатает на любых частях тела: руках, спине, стопах и пальцах. Носимая биоэлектроника стала важным способом мониторинга, профилактики и лечения заболеваний» [4].

Молодых людей привлекают вопросы использования социальных сетей и онлайн-игр, в этом вопросе они являются знатоками (ил. 3–5). В докладах были рассмотрены особенности распространения социальных сетей в арабских странах, Китае, Японии, Австралии, характерные черты рынка онлайн-игр в арабских странах, Южной Корее, сравнение рынка онлайн-игр в России и в Азии.

М. Бусишвили в презентации рассмотрела роль социальных сетей во время событий «Арабской весны» в 2011 г., когда социальные сети использовались для координации протестов, митингов или шествий.

В Японии распространены те же социальные сети, мессенджеры, приложения для микроблоггинга, что и в большинстве стран, — Facebook, YouTube, Twitter, Instagram и LinkedIn. Получила популярность в Японии и TikTok — новая социальная сеть, запущенная в 2017 г. китайской компанией ByteDance. В 2020 г. она стала самым быстрорастущим SNS-приложением в Японии. TikTok чрезвычайно популярна среди подростков по всему миру.

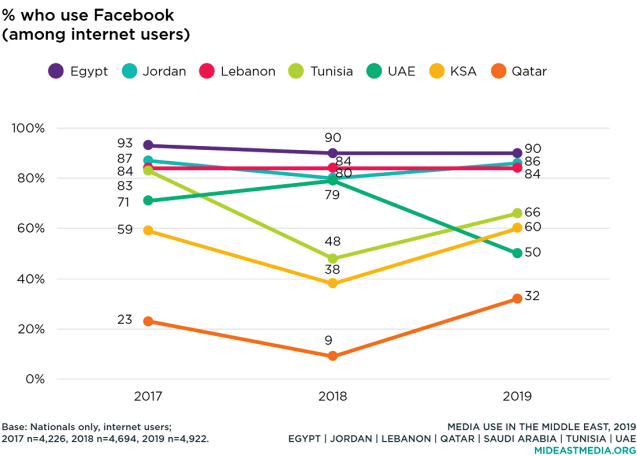
Наиболее часто используемым мессенджером в Японии является LINE. В апреле 2019 г. приложение насчитывало более 80 млн активных пользователей на территории Японии.

Ил. 3. Мужчина держит табличку, на которой Facebook назван «египетской социальной сетью» во время протестов «Арабской весны» в Египте.

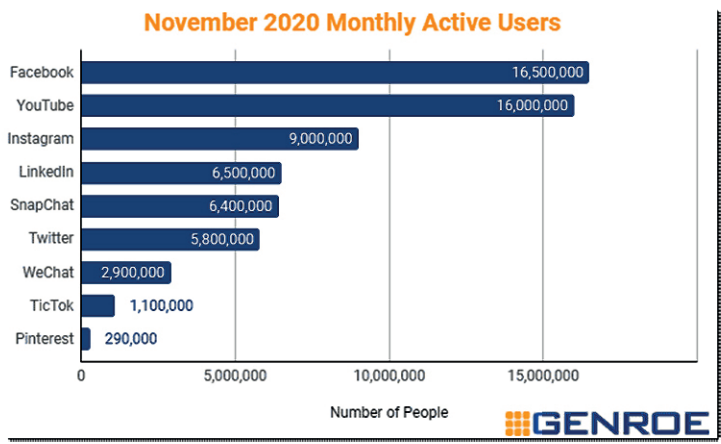
Ил. 4. Использование социальных сетей.

Ил. 5. Использование «Фейсбук» интернет-пользователями.

LINE — это и приложение для чата, и сетевое приложение, которое также позволяет пользователям совершать бесплатные голосовые звонки друг другу, отправлять файлы, играть в игры и многое другое. Даже пожилые люди используют его для общения со своими семьями, а дети играют в игры. Хотя это и мобильное приложение, существует и версия для ПК.

К. Хуснутдинова выступила с презентацией о социальных сетях в Австралии (ил. 6).

Ил. 6. Пользователи социальных сетей в Австралии.

К. Ольшанская представила доклад о развитии социальных сетей в Китае. В отличие от большинства стран мира, в Китае действуют собственные социальные сети, мессенджеры, приложения для микроблоггинга. Наиболее известна из них социальная сеть WeChat (ил. 7), которая обеспечивает много функций; помимо отправки сообщений, голосовой и видеосвязи, приложение может устанавливать игры, его можно использовать для покупок онлайн.

Ил. 7. Логотип WeChat.

Sina Weibo — аналог популярного в Европе микроблога Twitter. Как и другие китайские социальные сети, Weibo (ил. 8) обладает большим набором функций, чем у иностранного

аналога. Например, у постов в Weibo нет ограничения на количество символов, и туда можно было загружать несколько фотографий задолго до появления этой опции у Twitter.

Ил. 8. Логотип «Вейбо».

Zhihu — сервис вопросов и ответов. Социальная сеть Renren (QQ) была создана с целью заменить Китаю Facebook, однако ее обошла по популярности сеть WeChat.

Еще одна популярная китайская социальная сеть и приложение для коротких видео — Douyin (ил. 9). Ее целевая аудитория — молодые люди от 19 до 35 лет, которые активно не только потребляют, но и самостоятельно генерируют контент. Зарубежный аналог этой китайской сети — ТикТок [1].

Ил. 9. Douyin.

Несколько докладов были посвящены ситуации на рынке онлайн-игр. А. Хаснауи сравнил положение в этой сфере в странах Восточной, Юго-Восточной Азии и в России. «Долгое время больше всего денег издательским компаниям в России приносили продажи зарубежной игровой продукции. А также продажи игр российских разработчиков за рубежом, как правило, под своим лейблом. В результате, прорывного профессионального роста отечественных разработчиков практически не было. Сейчас один из наиболее значимых участников отечественного рынка игр — интернет-корпорация Mail.ru Group. Эксперты отмечают, что Россия считается одной из самых перспективных стран с точки зрения игровой разработки. Здесь уже сформирована прослойка высококвалифицированных и талантливых программистов, гейм-дизайнеров, художников, которые способны создавать игры мирового уровня. Число геймеров в России оценивалось в 2019 г. в 65 млн человек» [2].

Восточная и Юго-Восточная Азия считаются перспективным регионом на рынке онлайн-игр. Здесь много активных геймеров, широкой популярностью пользуются киберспорт и стриминг, стоимость привлечения пользователей относительно невелика, английский широко распространен.

Добавим, что по регионам самым крупным рынком онлайн-игр остается Азиатско-Тихоокеанский регион — более 70 млрд долл. в 2019 г. Местными драйверами роста являются Китай и Япония. Второе место по объему рынка игр занимает Северная Америка. Региональный лидер здесь — США (около 40 млрд долл.) На третьем месте — Западная Европа. Значительно отстают от тройки рынки игр в Латинской Америке (5,6 млрд долл.), на Ближнем Востоке и в Африке (4,8 млрд долл.), а также в Восточной Европе (на все страны приходилось 4,2 млрд долл.) [2]. Российский рынок невелик, но считается перспективным.

В Японии сложилась своеобразная культура онлайн-игр. Среди популярных игр в Японии присутствуют только японские игры. Популярная во всем мире World of Warcraft, например, так и не была локализована на японском языке. Мобильные телефоны и мобильные развлечения в Японии получили распространение раньше, чем в остальных странах. Японцы постоянно играют в дороге, а продолжительность игровой сессии обычно не превышает двух минут. Это также объясняет популярность портативных консолей [5].

А. Макарова и Е. Максимова представили доклад про онлайн-игры в Южной Корее. Южнокорейские многопользовательские ролевые онлайн-игры mmorpg (Massively multiplayer online role-playing game) [7] получили распространение во всем мире. Всем завсегда виртуальных вселенных знакомы имена — NCSOFT и NHN (Naver) Corporation. Важная особенность корейских онлайн-игр — ориентировка на условно-бесплатную систему оплаты (F2P, Free-to-play). На сегодняшний день практически все южнокорейские онлайн-игры являются F2P-проектом с функцией приобретения предметов за реальные деньги. «Успеху мобильных развлекательных приложений значительно способствовал ведущий корейский сервис по обмену сообщениями Какао, опередивший по востребованности в стране не только Skype и WhatsApp, но даже телефонные смс, распространяющий игры. Большую аудиторию собирают в первую очередь клиентские игры (т. е. те, для доступа к которым нужно установить специальную программу-клиент), распространяющиеся по подписке или по модели free-to-play (плата берется только за дополнительные услуги)» [9].

П. Нейков выступил с докладом о рынке онлайн-игр в арабских странах. Арабский мир только недавно распробовал видеоигры как новый вид развлечений. Несмотря на постепенное распространение видеоигр среди населения, количество игроков очень сильно варьируется по географическим и социальным группам. Большинство арабов играет в основном с телефонов (56% мужчин и 48% женщин). Именно смартфон, хотя бы самый дешевый, есть у большинства жителей Арабского мира, в отличие от дорогих компьютеров или игровых приставок. К тому же, сами игры на телефонах гораздо проще и иллюзорно кажутся дешевле. Такую аудиторию обычно называют casual (обычной, «казуальной») — именно на нее чаще всего нацелены корпорации, ибо это самая многочисленная, наименее требовательная и наиболее доверчивая аудитория. Наиболее популярные игры в арабских странах — Fortnite Battle, FIFA, Battlefield, Counter-Strike, многопользовательские онлайн-игры (MOBAGames) — League of Legends и Dota 2. Докладчик рассмотрел и причины недостаточного производства своих видеоигр в арабских странах, среди них — политизированность, отсутствие опыта, разрозненность местных компаний, наличие мощных иностранных конкурентов.

Литература

1. Осипов Н. 7 самых популярных социальных сетей в Китае // Enter China. 13.07.2015. URL: <https://enterchina.ru/blog/7-samyh-populyarnyh-socialnyh-setey-v-kitae/> (дата обращения: 20.08.21).
2. 65 миллионов геймеров: как развивается игровая индустрия в России // Полит.ру. 28.10.2020. URL: <https://polit.ru/article/2020/10/28/gamers/> (дата обращения: 20.08.21).
3. Афро-азиатские страны и новые технологии, 2020 / Отв. ред. Н. Н. Цветкова, науч. ред. А. В. Акимов, С. А. Панарин. М.: ИВ РАН, 2020.

4. Кривоченко М. В Южной Корее создали принтер для печати электроники на коже // Naked Science. 14.08.2020. URL: <https://naked-science.ru/article/hi-tech/v-yuzhnoj-koree-sozdali-printer-dlya-pechati-elektroniki-na-kozhe> (дата обращения: 20.08.21).
5. Горбачев Д. Что популярно в Азии: обзор игровых рынков Японии, Южной Кореи и Китая // DTF. 28.03.2017. URL: <https://dtf.ru/gameindustry/5189-cto-populyarno-v-azii-obzor-igrovyyh-rynkov-yaponii-yuzhnoy-korei-i-kitaya> (дата обращения: 20.08.21).
6. Fynjy-1977. Как эпидемия изменила нашу жизнь. Технологии против Covid-19 // DNS club. 2020. URL: <https://club.dns-shop.ru/blog/t-57-tehnologii/33214-kak-epidemiya-izmenila-nashu-jizn-tehnologii-protiv-covid-19/> (дата обращения: 20.08.21).
7. Сергеева О. В., Царева А. В., Зиновьева Н. А. Встретимся в дополненной реальности. Социальные компетенции игроков в многопользовательские онлайн-игры // Logoset Praxis. 2017. Т. 16, № 4. С. 51–63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vstretimsya-v-dopolnennoy-realnosti-sotsialnye-kompetentsii-igrokov-v-mnogopolzovatel'skie-onlayn-igry> (дата обращения: 20.08.21).
8. Топ-10 главных инноваций Китая в 2020 году // Русско-Азиатский Союз промышленников и предпринимателей. 03.09.2020. URL: https://raspp.ru/business_news/top-10-innovations-china/ (дата обращения: 21.08.21).
9. Одинцова Н. Цензура — двигатель прогресса. Как Южная Корея продвинулась в киберспорте и онлайн-играх // Lenta.ru. 02.01.2015. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/01/02/koreangames/> (дата обращения: 21.08.21).
10. Японские роботы в борьбе с Ковид // Фармацевтическая компания МЕДАРГО. 15.12.2020. URL: <https://www.medargo.ru/news.php?id=29246> (дата обращения: 20.08.21).

References

1. Osipov, N. "7 most popular networks in China." *Enter China*. 13.07.2015. URL: <https://enterchina.ru/blog/7-samyh-populyarnykh-socialnykh-setey-v-kitae/> (accessed on 20.08.21) (in Russian).
2. "65 million gamers: how gaming industry is developing In Russia." *Polit.ru*. 28.10.2020. URL: <https://polit.ru/article/2020/10/28/gamers/> (accessed on 20.08.21) (in Russian).
3. Tsvetkova, N. N., Akimov, N. N., Panarin, S. A. (eds.) *Afro-Asian Countries and New Technologies*, 2020. Moscow: IOS RAS, 2020 (in Russian).
4. Krivochenko, M. "A printer to print on human skin designed in South Korea." *Naked Science*. 14.08.2020. URL: <https://naked-science.ru/article/hi-tech/v-yuzhnoj-koree-sozdali-printer-dlya-pechati-elektroniki-na-kozhe> (accessed on 20.08.21) (in Russian).
5. Gorbachev, D. "What is popular in Asia: a review of games markets in Japan, South Korea and China." *DTF*. 28.03.2017. URL: <https://dtf.ru/gameindustry/5189-cto-populyarno-v-azii-obzor-igrovyyh-rynkov-yaponii-yuzhnoy-korei-i-kitaya> (accessed on 20.08.21) (in Russian).
6. Fynjy-1977. "How the pandemic changed our lives. Technologies against Covid-19." *DNS club*. 2020. URL: <https://club.dns-shop.ru/blog/t-57-tehnologii/33214-kak-epidemiya-izmenila-nashu-jizn-tehnologii-protiv-covid-19> (accessed on 20.08.21) (in Russian).
7. Sergeeva, O. V., Tsareva, A. V., Zinovieva, N. A. "Let's meet each other in augmented reality. Gamers' social skills in multiuser online games." *Logos et Praxis* 16-4. 2017. Pp. 51–63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vstretimsya-v-dopolnennoy-realnosti-sotsialnye-kompetentsii-igrokov-v-mnogopolzovatel'skie-onlayn-igry> (accessed on 20.08.21) (in Russian).
8. "Top 10 innovations of China in 2020." *The Russian-Asian Union of industrialists and entrepreneurs*. 03.09.2020. URL: https://raspp.ru/business_news/top-10-innovations-china/ (accessed on 20.08.21) (in Russian).
9. Odintsova, N. "Censorship as a driver of progress. How South Korea advanced in cybersports and online gaming." *Lenta.ru*. 02.01.2015. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/01/02/koreangames/> (accessed on 20.08.21) (in Russian).
10. "Japanese robots in the fight against Covid." *Medargo*. 15.12.2020. URL: <https://www.medargo.ru/news.php?id=29246> (accessed on 20.08.21) (in Russian).

ВАЖНЫЕ ДАТЫ INFLUENTIAL DATES

«Я всегда знала, что буду историком»:
к юбилею Людмилы Николаевны Мазур
“I always knew that I would be a historian”:
For the anniversary of Lyudmila Nikolaevna Mazur

С. И. Цеменкова

канд. ист. наук, доцент Уральского
федерального университета

E-mail: sts.klio@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3389-6723

Svetlana I. Tsemenkova

Candidate of Sciences (History),
Associate Professor

Ural Federal University

Л. Н. Мазур

д-р ист. наук, профессор Уральского
федерального университета

E-mail: LN.Mazur@urfu.ru

ORCID: 0000-0003-0407-3816

Lyudmila N. Mazur

Doctor of Sciences (History),
Professor

Ural Federal University

Резюме. Недавно отмечался юбилей ведущего российского историка и методолога науки, доктора исторических наук Людмилы Николаевны Мазур. В статье, приуроченной к этой знаменательной дате и написанной в жанре биографического интервью, представлен творческий путь уральского историка, показаны основные этапы профессионального становления, отмечены научные интересы, связанные с развитием исследовательского направления «историческая информатика». Л. Н. Мазур поделилась с читателями своими мыслями о перспективах и проблемах развития российской исторической науки.

Ключевые слова: Л. Н. Мазур, биографическое интервью, научная биография, перспективы развития российской исторической науки.

Abstract. The anniversary of the leading Russian historian and methodologist of science, Doctor of Historical Sciences Lyudmila Nikolaevna Mazur, was recently celebrated. In an article dedicated to this significant date and written in the genre of a biographical interview, the creative path of the Ural historian and the main stages of professional development are shown, scientific interests related to the development of the research direction “historical informatics” are noted. L. N. Mazur shared with the readers her thoughts on the prospects and problems of the development of Russian historical science.

Keywords: Lyudmila N. Mazur, biographical interview, scientific biography, prospects of the development of Russian historical science.

Людмила Николаевна Мазур

(род. 21 июля 1960, поселок Северский Полевского района Свердловской области) — российский историк, специалист в области истории России, историографии, источниковедения. Доктор исторических наук, заведующая кафедрой документоведения, архивоведения и истории государственного управления Уральского федерального университета. Автор свыше 350 научных и учебно-методических работ, в том числе 2 учебников и 3 авторских монографий, одна из которых переведена на китайский язык. Сфера научных интересов — история России XX в., аграрная история, методы исторического исследования, источниковедение, документоведение, историческая урбанистика, история семьи.

Людмила Николаевна, как начался ваш путь в историческую науку?

Мне кажется сейчас, что я всегда знала, что буду историком. И причиной этого выбора была не семья (я родилась и выросла в рабочей семье) и не школа, а книги и кино. Я очень любила читать и читала все подряд — сказки, фантастику, классику зарубежную и русскую, путешествия. Поскольку дома своей библиотеки не было, я была записана в несколько библиотек города, где и брала книги. Пристрастия менялись, но в памяти остались несколько детских книг — В. А. Левшин, Э. Б. Александрова «Искатели необычайных автографов, или Странствия, приключения и беседы двух филоматиков»; исторические романы И. А. Ефремова; книга К. Керама «Боги, гробницы, ученые». Наверное, с них и началось мое увлечение историей. Художественную литературу постепенно замещали книги научно-популярной серии «Из истории мировой культуры», опубликованные в издательстве «Наука» и написанные замечательными историками. И я до сих пор считаю, что историческая литература — художественная и научно-популярная — это отправная точка в профессиональной биографии любого историка.

В старших классах школы для меня уже вопроса не было, куда пойти учиться — на исторический факультет. Был выбор — остаться в родном городе и поступать в Уральский государственный университет или ехать в Москву и пытаться поступить в МГУ.

Людмила Николаевна, кого Вы можете назвать своим УЧИТЕЛЕМ?

Интерес к истории — это одно, многие студенты поступают в университет из любви к истории, но не все становятся историками. В этом процессе, без сомнения, основную роль играет УЧИТЕЛЬ. В моей жизни было два человека, которым я многим обязана: мой научный руководитель в университете — Нелли Федоровна Шилюк, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков, на которой я специализировалась. Замечательный педагог и ученый, хотя и без научных степеней, глубокий знаток предмета «История Древнего Востока», кото-

рый она читала многочисленным поколениям уральских историков. Она поражала системным видением исторического процесса и аналитическим умом. Главное, чему меня научила Нелли Федоровна — не переписывать авторитеты, а мыслить и формулировать самостоятельно.

Второй человек, кому я глубоко благодарна — Татьяна Ивановна Славко, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ — вооружила меня новыми технологиями и методами, непривычными для советского историка, приоткрыв дверь в мир современной исторической науки, девизом которой является междисциплинарность. Сегодня предмет «Математические методы в исторических исследованиях» читается на всех исторических факультетах университетов страны. А в конце 1980-х гг., когда я поступила в аспирантуру Института истории и археологии УрО АН СССР, эти методы были уделом избранных. В РСФСР тогда существовали два центра клиометрики — кафедра источниковедения МГУ, при которой И. Д. Ковальченко создал Лабораторию по применению математических методов в исторических исследованиях, и Институт истории АН СССР, где также была организована аналогичная лаборатория.

Т. И. Славко — историк с математическим образованием, окончила аспирантуру в Институте истории АН СССР и стала одним из ведущих специалистов по вопросам математизации и компьютеризации истории, подготовив десятки аспирантов. В 1988 г. она переехала в Свердловск, возглавила отдел специальных исторических дисциплин Института истории и археологии УрО и стала основоположником уральской школы исторической информатики, к которой я отношу себя.

Занявшись бюджетами колхозников и защитив кандидатскую диссертацию, я получила бесценный опыт работы с массовыми источниками, который до сих пор активно мной используется при изучении не только статистических источников, но и художественных фильмов, например. Благодаря Татьяне Ивановне, я вошла в дружное сообщество членов Ассоциации «История и компьютер». Благодаря ей, я приобщилась к такому направлению как «Документоведение и архивоведение», с которым меня связывает в большей степени педагогическая работа.

В результате всех этих жизненных коллизий я оказалась в эпицентре междисциплинарности, где сошлись сразу несколько направлений — аграрная история XX в., источниковедение массовых и аудиовизуальных источников, методы исторического исследования, историческая демография и историческая география.

Я закончила Уральский государственный университет в 1983 г. и проработала в нем практически всю свою жизнь, за исключением трех лет работы в средней школе г. Каменск-Уральского, куда я попала по распределению, и пяти лет пребывания в Институте истории и археологии УрО сначала в должности лаборанта сектора аграрной истории советского общества, а затем — аспиранта. В 1992 г. я вернулась в almaty на кафедру источниковедения. С тех пор преподаю в университете, пройдя все ступени профессионального роста от ассистента до заведующей кафедрой.

Для меня университет в целом и исторический факультет в частности — это сообщество, где я чувствую себя как дома — здесь мои учителя, единомышленники и друзья, ученики. Очень важна творческая атмосфера на факультете, она является залогом положительной динамики профессионального сообщества.

Какие направления в современной исторической науке Вам наиболее близки и интересны?

Я начинала свою научную биографию с изучения массовых статистических источников и методов работы с ними. Это определило мой интерес к такому научному направлению, как историческая информатика, или Digital History, а еще точнее — к практикам создания и ис-

пользования баз данных. Все мои крупные исследовательские проекты были связаны с базами данных, которые имели свое продолжение, мигрируя из одного проекта в другой. Так, например, изучая процессы эволюции сельской поселенческой сети, в начале 2000 г. я создала информационно-справочную систему «Города и села Среднего Урала в XX веке», состоящую из нескольких баз данных с описанием населенных пунктов региона — их истории, типа, демографической динамики. Эта система была использована для подготовки монографии «Эволюция сельских поселения на Среднем Урале в XX веке: опыт динамического анализа» (2006), а в дальнейшем стала основой для разработки историко-географического справочника «Населенные пункты Свердловской области».

Аналогичная ситуация была связана с изучением бюджетов крестьян-колхозников. В 1991 г. была создана первая база данных по бюджетам колхозников за 1963 г., через 15 лет в рамках одного из направлений исследований лаборатории «Международный центр демографических исследований» (МЦДИ) по истории семьи была сформирована база данных крестьянских хозяйств 1928/1929 гг. Обе базы данных были использованы для подготовки двух монографий: «Российская деревня в условиях урбанизации. Вторая половина XIX — XX в.: региональное измерение», 2012 г., и «Эволюция крестьянской семьи в XX веке: бремя перемен», 2021 г. (в соавторстве с О. В. Горбачевым).

Здесь важно подчеркнуть особенности работы с БД — это информационный ресурс, который создается под определенную историческую задачу (проблему), но, как правило, получает новую жизнь в последующих проектах. Это оправдывает первоначальные трудозатраты, которые весьма значительны. Над БД по населенным пунктам региона я работала три года. С бюджетами было проще (объем невелик), но все равно нужно быть готовым к тому, что потребуются определенное время и силы на эту, в общем-то, техническую работу. Хотя она тоже позволяет почувствовать источник: в процессе занесения сведений в БД ты «пропускаешь» через себя информацию, видишь взаимосвязи, выделяешь особые случаи и т. д.

Помимо направления Digital History, мне интересны исследования в области изучения исторической памяти и визуальной истории. Толчком послужили художественные фильмы и опыт их использования в качестве исторического источника по аграрной/сельской истории. В этом отношении я не оригинальна и стала «жертвой» визуального поворота, который открывает новые перспективы для исторических исследований. На мой взгляд, визуальная история, как и история визуальности — это перспективное научное направление, со своими источниками (визуальными), методами исследования, вариантами репрезентации научного знания.

В целом, мне интересно все, что связано с новыми видами источников и методами их анализа, т. е. технологией исторического исследования. Этот интерес поддерживается учебными курсами, которые я читаю в университете: «Методы научного исследования» и «Математические методы в исторических исследованиях». Одним из принципов их разработки и обновления является обязательная апробация на исследовательском уровне всех методов, о которых идет речь в курсе. Исследовательский и преподавательский опыт помог мне написать учебник «Методы исторического исследования» (2010), дающий представление читателю о задачах и процедурах определенных методов сбора, систематизации и анализа исторической информации.

Вы — человек команды? Какой режим научной работы Вам ближе всего?

Все междисциплинарные проекты основаны на кооперации, т. е. командной работе. Очень важно среди коллег найти единомышленников — мне посчастливилось. В 2014 г. на факультете была образована научная лаборатория «Международный центр демографических исследований» (МЦДИ) под научным руководством профессора Гуннара Торвальдсена (Норвегия, Университет Тромсё). Она объединила специалистов в области исторической демогра-

фии и компьютерных технологий. Основное направление лаборатории — формирование баз данных на основе массовых источников: ревизских сказок, церковно-приходского учета, переписей населения и пр. (см. сайт лаборатории: <https://idun.urfu.ru/ru/>). Важнейшим достижением лаборатории стало создание Уральского электронного архива, ядром которого является «Регистр населения Урала», включающий около 20 баз данных с номинативной информацией. Это не просто информационный ресурс, это уникальный источник нового поколения, на основе которого было успешно реализовано несколько проектов, поддержанных научными фондами.

На протяжении своей исследовательской деятельности я несколько раз меняла предмет исследования, находясь в одном тематическом поле аграрной истории. Но был проект «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования» (2016–2019 гг.), который потребовал от меня серьезной перестройки, погружения в историографию и проблемы раннесоветской истории, я бы сказала — полной перегруппировки сил и реструктуризации имеющихся знаний.

Исследование было поддержано грантом РНФ, выполнялось коллективом историков из УрФУ и было нацелено на переосмысление событий 1917–1930-х гг. с позиций проектного подхода. Использование теории социального проектирования для интерпретации событий советского прошлого позволило рассмотреть революцию и процессы социалистического строительства как попытку построения идеального общества, исторический эксперимент, опиравшийся на утопические представления о будущем и радикальные методы достижения поставленной цели. Особый интерес представляла проблема соотношения целей социально-го конструирования, механизмов/способов их реализации и результатов.

Результаты исследований по теме проекта, полученные в 2016–2018 гг., нашли отражение в серии публикаций, в том числе были опубликованы 6 монографий; 6 сборников статей. С ними можно познакомиться на сайте проекта по адресу: <https://idun.urfu.ru/ru/pro/gosp>. Данный проект вывел меня из поля аграрной истории и погрузил в проблематику социальной, культурной и политической истории очень интересного периода строительства социалистического общества — 1917–1930-х гг.

В каком направлении движется мировая историческая наука и какие актуальные задачи стоят сегодня перед российскими учеными-историками?

Историческая наука движется вперед, осваивая новые технологии, новые проблемные поля: изучая не только исторические события, но и повседневность, ментальность, историческую память. Хотя можно ожидать, что увлечение «неисторической» тематикой сменится снова стремлением анализировать исторические события, но на новом уровне, оперируя таким видом исторических фактов как реконструкция. Интерес к ним быстро нарастает.

Реконструкция — это исторический факт, имеющий аналитическую природу, поскольку является результатом систематизации и преобразования в определенную форму исторических данных (первичных). Эксперименты в области виртуальных реконструкций дают нам пример востребованности предметной визуализации прошлого. Популярны, в том числе среди профессиональных историков, игровые исторические реконструкции, привычным инструментом исторического исследования стали математические модели. Все это — разновидности понятия «факт».

Мне кажется, что всевозможные реконструкции (текстовые, визуальные, математические, игровые и т. д.) составят будущий тренд исторической науки. В этой связи актуальной задачей является рефлексия того, что представляет собой реконструкция как процедура и как результат, т. е. возникают вопросы теоретического, методологического и методического плана, а также проблемы достоверности реконструкции, ее репрезентации и использования как фактографической основы исследования.

Еще одна задача сегодня стоит перед российской исторической наукой — сохранить себя как научную дисциплину. Сейчас идет активный процесс идеологизации новейшей истории, появляются снова запретные темы, с одной стороны, а с другой — заметно сократилась грантовая поддержка гуманитарных проектов. Все это ограничивает академические свободы историков и усиливает конъюнктурность исследований.

Людмила Николаевна, каковы Ваши творческие планы на будущее?

Творческих планов очень много. В 2021 г. получил старт еще один междисциплинарный проект «Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологическое исследование)». Он будет направлен на изучение музея малого города как потенциального узла культур памяти и элемента меморативного ландшафта. Предстоит освоить комплекс задач — от изучения историй создания, места и роли музеев в социокультурном пространстве малого города до перспектив и условий их дальнейшего развития. Для нашего коллектива это значит очень много — предстоят новые интересные исследовательские поездки, сбор и анализ нового материала, конференции и встречи. В будущее смотрю с оптимизмом — есть проекты, идеи, единомышленники, есть желание, и энергия двигаться дальше!

Награды

- Почетная грамота Законодательного собрания Свердловской области (2008);
- Памятная медаль «90 лет Государственной архивной службе Свердловской области» (2010);
- Почетная грамота Правительства Свердловской области (2010);
- Почетная грамота Министерства образования и науки РФ (2013);
- Почетное звание «Ветеран труда» (2015);
- Почетный работник сферы образования Российской Федерации (2016);
- Памятная медаль «Сто лет Уральскому университету» (2020).

Основные научные труды

Монографии

- Мазур Л. Н.* Сёла и деревни Среднего Урала в XX веке. Статистико-этнографическое описание. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2003. 160 с. ISBN 5-7996-0172-6.
- Мазур Л. Н., Бродская Л. И.* Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке: опыт динамического анализа. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2006. 564 с. ISBN 5-7996-0238-2.
- Мазур Л. Н.* Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX–XX вв.). Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2012. 472 с. ISBN 978-5-7996-0756-2.
- Мазур Л. Н.* Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX–XX в.) / Пер. на кит. яз. Пекин: Social Sciences Academic Press, 2018. 330 с. ISBN 978-7-5201-2606-9.

Коллективные монографии

- Мазур Л. Н. (в соавторстве)*. Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг.: в 2 ч. / Под ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2018. 468+462 с. ISBN 978-5-7996-2467-5.
- Мазур Л. Н. (в соавторстве)*. «С Лениным в башке и наганом в руке»: Коллективный портрет Екатеринбургской губернской организации РКП(б), 1919–1923 / Под ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2019. ISBN 978-5-7996-2630-3.
- Mazur L. N. et al.* Material Culture in Russia and the USSR. Things, Values, Identities / Ed. G. Roberts. London etc.: Bloomsbury Academic, 2017. ISBN 978-1-4725-8613-1.
- Mazur L. N. et al.* Three Centuries of Northern Population Censuses / Ed. Gunnar Thorvaldsen. London & New York: Routledge, 2018. 136 p. ISBN 978-1-138-71828-9.
- Мазур Л. Н. (в соавторстве)*. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквион, 2014. 576 с. ISBN 978-5-906578-03-7.

Учебники

Мазур Л. Н. Информационное обеспечение управления: современные тенденции развития. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999. 178 с. ISBN 5-7996-0036-3.

Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. Учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2010. 606 с. ISBN 978-5-7996-0504-9.

Major scientific works

Monographs

Mazur, L. N. *Villages and countryside of the Middle Urals in the twentieth century. Statistical and ethnographic description [Sela i derevni Srednego Urala v XX veke. Statistiko-etnograficheskoe opisanie]*. Ekaterinburg, 2003 (in Russian). ISBN 5-7996-0172-6.

Mazur, L. N., Brodskaya, L. I. Evolution of rural settlements of the Middle Urals in the XX century: the experience of dynamic analysis. Ekaterinburg, 2006 (in Russian). ISBN 5-7996-0238-2.

Mazur, L. N. *The Russian village in the context of urbanization: a regional dimension (second half of the 19th–20th centuries) [Rossijskaya derevnya v usloviyah urbanizacii: regional'noe izmerenie (vtoraya polovina XIX–XX v.)]*. Ekaterinburg, 2012 (in Russian). ISBN 978-5-7996-0756-2.

Mazur, L. N. *The Russian village in the context of urbanization: a regional dimension (second half of the 19th–20th centuries)*. Chinese transl. Beijing: Social Sciences Academic Press, 2018 (in Chinese). ISBN 978-7-5201-2606-9.

Collective monographs

Mazur, L. N. (ed.) *Early soviet society as a social project 1917–1930s: In 2 parts*. Ekaterinburg, 2018 (in Russian). ISBN 978-5-7996-2467-5.

Mazur, L.N. (ed.) «...With Lenin in our heads and a gun in our hands»: Collective Portrait of the Russian Communist Bolshevik Party in Ekaterinburg Guberniya in 1919–1923. Ekaterinburg, 2019 (in Russian). ISBN 978-5-7996-2630-3.

Mazur, L. N. et al. *Material Culture in Russia and the USSR. Things, Values, Identities*. Ed. G. Roberts. London etc.: Bloomsbury Academic, 2017. ISBN 978-1-4725-8613-1.

Mazur, L. N. et al. *Three Centuries of Northern Population Censuses*. Ed. Gunnar Thorvaldsen. London & New York: Routledge, 2018. ISBN 978-1-138-71828-9.

Mazur, L. N. (co-auth.) *Theory and methodology of historical science. Terminological dictionary*. Ed. A. O. Chubar'an. Moscow, 2014 (in Russian). ISBN 978-5-906578-03-7.

Textbooks

Mazur, L. N. Management information support: modern development trends. Ekaterinburg, 1999 (in Russian). ISBN 5-7996-0036-3.

Mazur, L. N. *Methods of historical research: Textbook*. Ekaterinburg, 2010 (in Russian). ISBN 978-5-7996-0504-9.

О ЖУРНАЛЕ. ПРИГЛАШЕНИЯ АВТОРАМ ABOUT THE JOURNAL. INVITATIONS TO AUTHORS

Уважаемые авторы!

Институт востоковедения РАН объявляет о начале выхода международного open access научного журнала «Digital Orientalia – Цифровое востоковедение». В век цифровой трансформации это периодическое издание должно стать пространством, открытым для различных точек зрения, площадкой для удобного представления и свободного непредвзятого обсуждения результатов оригинальных исследований ученых. Журнал призван собрать на своих страницах работы не только о новейших цифровых и компьютерных методах в гуманитарных исследованиях, но и о цифровой трансформации восточных обществ и историческому взаимодействию Востока и Запада.

Главный редактор – академик РАН В.В. Наумкин, в редакционные органы журнала входят авторитетные отечественные и зарубежные ученые.

К публикации в журнале принимаются материалы на русском или английском языке:

- исследовательские статьи (30-40 тыс. зн.);
- переводы культурно-исторических памятников (15-40 тыс. зн.);
- тематические обзоры и рецензии научной литературы и исследовательских информационных ресурсов (15-40 тыс. зн.);
- развернутые отчеты о конференциях, семинарах, учебных программах (15-30 тыс. зн.);
- мемориальные материалы и хроника научной жизни (15-30 тыс. зн.).

Кроме этого в журнале приняты специальные форматы материалов:

- краткие сообщения (10-25 тыс. зн.);
- исследования молодых ученых (25-40 тыс. зн.);
- дискуссионные материалы, обсуждение и переписка (15-40 тыс. зн.);
- интервью с исследователями (15-40 тыс. зн.).

Основные тематические направления журнала соответствуют широкому кругу современных научных направлений ВАК: история, источниковедение и историография, археология; этнология и антропология; философия и культурология; экономика; право; филология и коммуникативистика.

Тематические направления сгруппированы в следующие разделы и подразделы доступны на сайте журнала: <https://do.jes.su/o-zhurnale-cifrovoe-vostokovedenie.html>.

Рецензируемый журнал выходит в электронном формате 4 раза в год на современной сетевой издательской платформе, обеспечивающей широкий доступ отечественной и международной научной аудитории. Журнал индексируется в РИНЦ и планируется своевременно к включению в перечень ВАК и международные наукометрические системы.

Журнал «Digital Orientalia» приглашает к сотрудничеству зрелых и молодых исследователей, представителей различных регионов, научных школ и направлений. Статьи публикуются на бесплатной основе при условии соблюдения всех требований к оформлению материала.

Подробными инструкциями по подаче материалов и правилами их оформления Вы можете ознакомиться на сайте журнала: <https://do.jes.su>

Ждем Ваших материалов!

С уважением и надеждой на сотрудничество,
Редакция журнала «Digital Orientalia – Цифровое востоковедение»